

Юрий Валин

ЛУЧШИЕ БЕСТСЕЛЛЕРЫ

БРАТЯ ТРИ БЕСТСЕЛЛЕРА
ОДНИМ ТОМОМ
И СЕСТРЫ
ПО ОРУЖИЮ

СВЯЗНЫЕ ИЗ БУДУЩЕГО

Выйти из боя

Юрий Валин

**Братья и сестры по оружию.
Связные из будущего (сборник)**

«Автор»

2010-2012

Валин Ю. П.

Братья и сестры по оружию. Связные из будущего (сборник) /
Ю. П. Валин — «Автор», 2010-2012 — (Выйти из боя)

ТРИ бестселлера одним томом! Новые разведрейды корректировщиков истории в кровавое прошлое – не только на Великую Отечественную, но и на Гражданскую войну. Их задание – остановить братоубийственную бойню, объединив белых с красными против общего врага. Их миссия – предотвратить катастрофу 1941 года, сорвав гитлеровский Блицкриг. Их подвиг – перевести стрелки Вечности, чтобы «наш бронепоезд», застрявший на «запасном пути», вырвался из тупика истории!

© Валин Ю. П., 2010-2012

© Автор, 2010-2012

Содержание

Выйти из боя	5
Часть первая	5
1	5
2	14
3	21
4	39
5	72
6	89
7	107
Часть вторая	110
1. Курорт	110
2. Утро	117
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Юрий Валин

Братья и сестры по оружию.

Связные из будущего

Выйти из боя

Контрудар из будущего

Автор убедительно просит считать все совпадения личных имен, географических названий и исторических событий не более чем случайностью.

Часть первая

Июнь

1

В один из солнечных, но прохладных дней начала лета из стеклянных дверей международного аэропорта под малопочетным номером «Ш-2» вышла высокая девушка. Двери за ее спиной с шорохом сдвинулись, отрезая путь немедленного отступления из дикой, наполовину азиатской страны. Оторваться от благовоспитанной Европы молодая пришельница не боялась. Старую добрую Европу девушка откровенно не любила, а здешний запах уже подзапылившейся зелени и плохо отрегулированных автобусных двигателей был все-таки не чужим для нее.

Девушка, щурясь, посмотрела на раннее солнце и вынула из рюкзака темные очки.

Поджидающие клиентов бомбилы переглянулись. Опыт подсказывал, что короткостриженная блондинка не попадает ни под одну из категорий, способных выложить 100–150 зеленых за счастливую возможность с ветерком долететь до центра мегаполиса. Вообще-то таких красоток обязаны встречать. Правда, ни чемоданов, ни сумок молодая особа при себе не имела. То-то и таможенный контроль прошла быстрее всех. Значит, все-таки иностранка.

– Такси, мисс? Недорого—...произношение у труженика баранки было отнюдь не оксфордским, но понять можно.

Девушка задумчиво оглядела водителя, крутящего на пальце связку ключей с брелком, напоминающим кистень среднего размера.

– В какой отель прикажете, фройлян? – проявил знание немецкого языка таксист.

Девушка с кожей цвета странного лимонного загара неопределенно улыбнулась.

Водитель повернулся за помощью к коллегам. Те вяло приблизились. Ничего с этой туристки не заработаешь. Что за привычка с грошами по чужим странам шляться? Но поболтать хотелось. Такую «соску» не каждый день увидишь. Ляжки в джинсах, а куда там мини-юбкам, – глянешь, слюни так и капают. Может, ее все-таки встречать должны? На модельку не похожа – те плоские и на рожу, если без макияжной краски, стертые. Актриса?

– В город, сеньорита? Поедем недорого. Безопасно, сеньорита, – изрек на языке Сервантеса извозчик в белом джинсовом костюме.

Девушка улыбнулась.

– Не напрягайтесь, уважаемые. Мне на автобус, сеньоры командиры...

Мужчины проводили взглядами стройную фигуру. Наверное, все-таки нерусская. Из прибалтиек, что ли? Или из тех – потомков «первой волны»? Много сейчас княгинь липовых развелось.

За долгий день парень в белом костюме еще не раз вспомнил красивую незнакомку. Ползущие вверх цены на бензин, пробки на Сушевке и Третьем кольце, клиент, забывший недешевый мобильный, – все за этот день не вызвало эмоций. Вот, блин, бывают же такие красивые девки?! И почему тебе всегда крысы попадают? Не внешне, так внутри, точно швабры натуральные. Дворянок поискать, что ли?

В начале третьего ночи парень утешился, сняв двух хохлушек на Ленинградском.

* * *

Катрин остановилась в средненькой гостинице на проспекте Мира. Всезнающий Интернет рекомендовал пристанище как центр молодежного туризма. По коридорам действительно шлялись группки каких-то неопределенных типов в широких штанах и мятых ветровках. В самой Европе такие экземпляры встречались почему-то значительно реже. Должно быть, в основном разъезжали по миру. Катрин сомневалась, что сможет вписаться в это глуповато-доброжелательное сообщество тусовщиков. Впрочем, девушка не собиралась здесь надолго задерживаться.

Город произвел на нее гнетущее впечатление. Бьющее в глаза обилие средств, потраченных на реконструкцию, иллюминацию и украшение столицы, подчеркивало непоправимую скорбность произошедшего. Дорогостоящий, второпях наложенный грим на лицо то ли умирающего, то ли уже испутившего дух существа. Людная Тверская. Манежная площадь, похожая на украшенный фонарями, незастроенный фундамент. Странные статуи у Александровского сада, куца псевдоречка. Все походило на декорации старых черно-белых фильмов из жизни злобных дореволюционных угнетателей. Правда, цокающих языком от восхищения гуляк-купцов и заводчиков вокруг не было видно. Бродил нормальный народ, невзирая на запрет, сосал из бутылок пиво и, по-видимому, не обращал внимания на нелепость интерьера.

Катрин смотрела на все как будто впервые. Она хорошо знала город. Тот, старый настоящий город, ребра и позвонки которого еще проглядывали сквозь дорожную тротуарную плитку, «старинные» пластиковые фонари и вездесущие кляксы реклам.

Что умерло, то умерло.

Девушка дошла до Большого моста, посмотрела на о-очень большой храм. Идти дальше, к местам детства, расхотелось. Катрин вернулась к метро. Завтра будет тяжелый день.

Родители... Катрин ничего не могла с собой поделать – они теперь были чужими. Наверное, истинной близости никогда и не было. Но за эти годы скитаний, одиночества и встреч с самыми разными людьми и нелюдьми Катрин поняла, что причина не только в ее детской, юношеской, а теперь уже и не юношеской черствости. Чувство отчуждения всегда оставалось обоюдным. Двадцать один год назад ребенка сделали по обязанности. Потом ребенок по обязанности старался уважать и слушаться породивших его. Ничего хорошего из обязанностей, помноженных на обязанности, получиться не могло.

Вот и не получилось.

Отца Катрин помнила в основном по запаху душистого трубочного табака. Отец почти не курил, но считал, что мужчина должен благоухать определенными солидными ароматами, непременно происхождением с Туманного Альбиона. Может быть, но засыпать в карманы пиджаков аккуратно отмеренные щепотки «благовоний» – довольно смешно. Впрочем, Катрин, наверное, была несправедлива. Отец постоянно пребывал в министерстве или в командировке. С задачей обеспечить семью материально он хотя и без воодушевления, но справлялся. И если бы на месте Катрин была любая другая Маша или Даша, Григорий Андреевич

так же аккуратно спрашивал бы ее о делах в школе и так же размеренно, не щедро и не скупое, выдавал карманные деньги.

Вычитанную из хорошо изданных переводных книг педагогическую заботу мамы Катрин помнила намного лучше. Виктория Игоревна излишне пристально разглядывала себя со стороны. Она любила производить впечатление на мужчин и умела это делать. Только связать собственную привлекательность и принципы Макаренко в юбке не получалось даже у нее. Когда визг, истерики и попытки маман применить изощренные теории Фрейда, Юнга и Бердяева перестали производить впечатление на малолетнюю жертву, сама Катрин уже и не могла вспомнить. Должно быть, еще в первых классах школы. Девочке хватало и тупого педагогического прессинга в элитной спецшколе. Упрямства Катрин всегда было не занимать. Очень скоро Виктория Игоревна прониклась к наследнице презрительным пренебрежением. Диагноз «папина дочка» был вынесен раз и навсегда. Нет, нерегулярные вспышки бурных эмоций продолжались. Но это была уже даже не дань чувству долга, а так – следствие дурного настроения. Имея в виду себя, Виктория Игоревна всегда считала, что люди должны быть благодарны за возможность общаться с такой незаурядной женщиной, и у дочери нет ни малейших оснований считать себя исключением.

По прошествии лет Катрин поняла, что из мамы получилась бы исключительно талантливая mistress¹. Стоило бы попробовать, только при чем здесь родная дочь?

...Катрин сидела в своем номере, пила минеральную воду, в которой не было ничего минерального, смотрела на лихорадочные огни города за окном. Родителей не выбирают. И когда родители не интересуются тобой долгие годы, с этим ничего не поделаешь. Может быть, нельзя назвать два года и два месяца «долгими годами», но Катрин успела прожить за это время несколько жизней. И за все это время родителям и в голову не пришло начать поиски.

Ну и фиг с ними! Тебя и так очень многие ищут. Хорошо хоть не под руководством Интерпола.

...Столичное небо начало сереть, огни гаснуть, а девушка все еще сидела, положив ноги на подоконник. Тяга к алкоголю давно прошла, в груди привычно пригрелась тоска, похожая на большого серого кота.

...Субботный день почти обезлюдил утренние улицы. Катрин спустилась в просторное метро, ехала, привычно пересаживаясь с линии на линию. Переходы и эскалаторы не забылись. Сонные и бодрые лица, купленные на дешевом оптовом рынке цветы, по раннему времени еще не ставшие по-настоящему плотоядными мужские взгляды. Под землей город почти не изменился, разве что на саму Катрин теперь обращали больше внимания. Видно, потеряла девушка за прошедшее время столичную заурядность. А может быть, просто так глазели, по субботам народ газеты читал неохотно, да и к сражениям с кроссвордами сонные мозги горожан еще не отомобилизовались.

Поезд остановился на стеклянном мосту. Зашипели двери, выпуская на платформу одиноких пассажиров. Катрин невольно окинула взглядом открывшуюся с длинного моста панораму. Город был залит солнечным светом. Торчали башни и башенки. Кроме привычной с детства башни университета появился десяток разнокалиберных небоскребов, торчащих из тела города искусственно выращенными папилломами. Над самой плоской горой столицы вознесся тупой штык с пришипленным ангелом. Катрин, как и все жертвы школьного образования, относилась к Великой войне без особого интереса. Но вряд ли память о погибших миллионах стоило воплощать в столь непродуманном монументе.

Эх, город, город, куда ты делся?!

---

¹ Доминирующая женщина. Сленговый термин садомазохистов.

Катрин вышла из метро, прошла сквозь оранжевую стайку коммунальщиков-таджиков. Здесь уже открылись магазины, жизнь начинала бурлить. Девушка с трудом нашла нужную остановку, зато автобус подкатил сразу.

Бело-красная двадцатипятиэтажная громадина гордо возвышалась на изрытом гаражами и автостоянками холме. Престижный район, никаких тебе «хрущевок», девятиэтажек, о дореволюционных домах и домишках, среди которых прошло детство, и речи нет. Роскошный вид на реку. Никем не засиженное место. И неудобное.

Катрин помедлила. Внутри подъезда сидела консьержка. Едва ли она узнала бы девушку, но пропустить, наверное, пропустила бы. Только стоит ли так являться, как снег за шиворот? Где ключи твои остались, бродяжка-блондинка?

Девушка опустилась на пестро покрашенную лавочку. Идти не хотелось. Не манит тебя родной дом. Да и какой он родной?

Вспомнились стены и башни на другом холме. Ветер с гор, блеск реки. Катрин зажмурилась, сжала кулак. Широкий браслет врезался в запястье. Королевское украшение было надето сегодня специально. Девушке нужна уверенность.

Веришь амулетам, дура?

Вроде бы помогло. Катрин встала, решительно набрала код домофона.

Никто не подходил. Потом ответил незнакомый мужской голос:

– Да?

Катрин несколько опешила, но напористо потребовала:

– 43-я квартира? Я могу поговорить с Григорием Андреевичем или с Викторией Игоревной?

Домофон в замешательстве пошипел и осведомился:

– А что вы хотели? По поводу чего?

– По поводу войти и поздороваться. Я, между прочим, прописана здесь. Была по крайней мере...

Динамик пораженно задумался, потом промычал:

– Да-да, входите, пожалуйста...

Катрин по-хозяйски прошла мимо заерзавшей за стеклянной перегородкой консьержки. Подъезд был все тот же, просторный и пустой, вот только запах новостройки повыветрился.

Металлическая дверь на лестничную клетку оказалась незапертой. Катрин шагнула внутрь. Мать встретила ее в холле. На Виктории Игоревне был элегантный черный костюм со свободного покроя брюками и туфли на шпильках. Некоторое смятение и спешку выдавала только не доведенная до идеального порядка прическа. Надо признать, годы пока не могли справиться с холеной красотой профессиональной домохозяйки. Скорее, наоборот, – мама похорошела.

– Здравствуй, Катя, – Виктория Игоревна окинула дочь коротким цепким взглядом. – Хорошо ли добралась?

– Здравствуй, мама. Добралась без проблем. Автобусы сейчас ходят как часы.

Виктория Игоревна кивнула.

– Еще бы. Только это и радует.

За последние годы Виктория Игоревна явно стала сдержаннее в проявлении эмоций, но Катрин слишком хорошо знала маму, чтобы не уловить скрытое презрение. Кроссовки, автобус, вульгарная футболка – фу, дочь, повзрослев, так и не стала дамой.

– Проходи, Катя.

– Спасибо, мама, – девушка скинула кроссовки.

В дверях кухни мялся высокий молодой мужчина в светлых джинсах и белой сорочке.

– Это Виталий, – кратко отрекомендовала мама. – Пойдем в комнату.

Сорочка у Виталия была застегнута не на ту пуговицу, но подобные щекотливые подробности уже давно не заставляли краснеть молодую гостью.

Девушка села в кресло. За эти два года итальянская мебель не стала удобнее.

Виктория Игоревна опустила в кресло напротив дочери.

Как, оказывается, просто обо всем догадаться, когда давно знаешь человека. Мама еще только укладывала узкие кисти на коленях, а Катрин уже знала, что она сейчас скажет.

– Катя, я знаю, как это ужасно для тебя прозвучит, но твой папа покинул наш мир.

Кажется, губы девушки все-таки дернулись.

Виктория Игоревна продолжала, чуть добавив в голос тщательно отмеренной скорби:

– Бедный Григорий. Это случилось прямо в рабочем кабинете. Инфаркт, «Скорая», конечно, не успела.

Катрин прикрыла глаза. Не надо. Не надо смотреть с таким любопытством, когда сообщая дочери о смерти отца.

– Это случилось год назад. Так неожиданно. Я была просто раздавлена. Уничтожена.

Катрин открыла глаза, прямо посмотрела на чужую красивую женщину. Слез ты не дождешься. Твоя дочь провела два года не в Санта-Барбаре.

– Он не мучился? Раз это было быстро, – голос девушки звучал чуть хрипловато, только и всего.

Виктория Игоревна откинулась в кресле.

– Странный вопрос. Разве смерть может быть легкой и без мучений? Ты все витаешь в облаках. Жизнь жестока. Ты никак не хочешь взрослеть, Катя.

– Куда торопиться? К инфаркту? Все там будем.

– У женщин вероятность инфаркта гораздо ниже, – поспешно возразила Виктория Игоревна. – Ты не знаешь...

– Конечно, знаю. Зато у нас чаще бывает рак матки, – согласилась Катрин.

Мать, совсем как раньше, поджала накрашенные губы.

– Ты по-прежнему груба, Екатерина. Я надеялась, что жизнь за границей хоть немного исправит твои манеры.

– Извини, – Катрин с трудом выговорила, – мама. Я хотела увидеть папу.

– Да, конечно. Что делать – судьба. Мне кажется, его подкосило твое исчезновение. Ты вышла замуж? Могла бы написать.

– Я не могла писать. Было слишком много работы. Меня никто не спрашивал?

Виктория Игоревна раздраженно шевельнула рукой.

– Несколько раз звонили твои однокурсники. Удивлялись, куда ты пропала. Как будто сами не поняли. Прислали из института письмо. Там у отца в бумагах лежит, я их в кладовку убрала. Несколько раз навещал какой-то странный тип. Я даже беспокоилась. Нам только «братков» дома не хватало. Да, зимой звонил господин Загнер. Весьма воспитанный мужчина. Хотел передать тебе с оказией какой-то пакет. Я была вынуждена отказать, – ведь от тебя вестей так и не приходило. Ты всегда вела себя крайне непредусмотрительно. Ты думаешь восстанавливаться в институте?

– Вряд ли, – Катрин хотелось пойти в кабинет отца. Может быть, он сидит там и читает газету? Его и раньше по выходным было не видно и не слышно.

– Где похоронили папу?

– На Мамоновском. По Каширскому шоссе. Твой отец ведь на Даниловском рядом с матерью себе место не догадался приготовить. А сейчас там цены – квартиру продать, все равно не хватит. Кстати, мы тебя выписали. С пропиской в ДЭЗе сейчас строго. Разгул терроризма, распустили страну...

– Не страшно. Я ненадолго. Ты, мама, не говори, что я приходила, а то с ДЭЗом проблемы будут. Я скоро уеду.

– Я так и думала, – с облегчением prorонила Виктория Игоревна. – Может быть, кофе выпьем?

Кофе сварил Виталий. Уйма достоинств у мужчины: и собой хорош, и руки сильные, и рецепты экзотические знает. Вот только этот ароматный напиток Катрин никогда не любила. Виктория Игоревна рассказывала о столичной жизни, в основном возмущалась жилищно-коммунальными реформами. Сразу видно – за квартиру несчастной вдове самой платить приходится.

Вот так бывает: умрет человек, а две самые близкие ему женщины сидят и думают о совершенно посторонних вещах. Одна пинает каблуками полумифического рыжего энергетика, другая давится густым напитком и мечтает о глоточке крепкого и прозрачного, градусов под пятьдесят. И только парень, занявший место покойного хозяина, ведет себя почти прилично. Варит новую порцию отравы и лишь украдкой косится на грудь внезапно объявившейся «падчерицы».

– Пойду я, – устало проговорила Катрин. – Дел много.

Мама любезно предложила еще чашечку кофе.

Катрин вышла на лестницу, спустилась на несколько пролетов вниз и села на холодные ступеньки. Из-за глухих сейфовых дверей квартир не доносилось ни звука. Разъехались по дачам, а может быть, тоже умерли. Даже лифтов не слышно.

Наличных оставалось достаточно. Деньги в родном городе тратились с трудом. Катрин поймала такси. У Кольцевой дороги остановились. Джина в магазинчике не было, в русских водках Катрин не разбиралась. Взяла «Столичную», запаянные в пленку колечки колбаски и конфет. Рюкзак сразу потяжелел. В цветочной палатке купила гвоздики.

Когда такси свернуло с шоссе, водителю пришлось петлять и десять раз переспрашивать у редких прохожих дорогу. Гвоздики на коленях Катрин почему-то пахли уксусом. Проехали дачный поселок, выбрались в неожиданно пустынные поля. Девушка увидела маковку деревянной церкви.

Из распахнутых ворот кладбища вышли три собаки. Младший песик, вислоухий подросток, радостно затрусил навстречу. Катрин выделила ему конфету.

Могила девушка нашла быстро. Некрашенная оградка успела взяться ржавчиной. Катрин повесила рюкзак, присела на корточки и скрутила с бутылки крышку. Стаканчик сдуру взяла только один. Девушка плеснула в него водки, положила сверху конфету, поставила у деревянного креста. Ирония судьбы – отец терпеть не мог национальный напиток. Пил только на обязательных фуршетах и прочих официально-алкогольных мероприятиях.

Катрин глотала из горлышка, закусывала похожей на папье-маше колбасой. Водка, гадостная и теплая, не брала, только щеки становились влажными. Девушка вытирала лицо футболкой, жевала конфеты. «Белочка» и «Трюфеля» остались вкусными, как в детстве. Наверное, их тогда папа приносил. Катрин не помнила. Вокруг расплывался чужой, прошитый разномастными крестами мир. Пахло пыльными искусственными цветами и смрадным дыханием близкого города. Хотелось исчезнуть. Катрин снова глотала трудную водку. По аллее прошли трое рабочих с лопатами, посмотрели, но подходить не стали. Припрыгал ушастый щенок, получил еще конфету, воспитанно унес грызть куда-то в сторону.

Теплая воючая жидкость кончилась. Катрин машинально сунула пустую бутылку в рюкзак. Зря потраченные деньги. От такого пойла только на кладбище и попадешь. Девушка отправилась искать бригадира.

Никаких проблем. Четыреста «зеленых», и через неделю можно будет проверять работу. Катрин знала, что проверять ничего не будет, – больше сюда не вернется.

Водка все-таки взяла свое. Катрин с трудом помнила, как ехала в машине. Как выходила. «Столичная» свинцово качалась в желудке, вызывая тяжесть и тупое безразличие. Опыянения девушка не чувствовала, только в горле засел гнусный привкус колбасы.

В прохладном метро стало легче. Станция была конечная, Катрин плюхнулась на пустое сиденье. Перед глазами все еще стояло открытое всем ветрам кладбище, пузатые трубы ТЭЦ на горизонте. Место для мертвых. Впрочем, отец провел всю жизнь в многомиллионном городе, и, должно быть, место последнего успокоения у него протеста не вызывало.

Вагон наполнялся. Напротив девушки уселись трое молодых курсантов в милицейской форме и сразу принялись созерцать интересную блондинку. Скоро парни не выдержали и стали перешептываться и перемигиваться. Катрин было все равно. Но она заставила себя подняться и пересест в другой вагон. Торопиться некуда и незачем. Только ведь сорваться с резьбы и кого-нибудь избить в кровь будет стыдно. Даже в такой день.

Катрин машинально вышла из метро, не доезжая до центра. Ноги несли по забытым переулкам. Вот и стена монастыря. Раз день мертвых, то уж всех твоих мертвых вспомни. Кованые ворота кладбища стояли приоткрытыми. Последний раз девушка была здесь с отцом лет пять назад. Ничего, Катрин редко забывала дорогу. Узкие проходы между каменными плитами с венками и ангелами вывели к знакомому надгробию. Послеполуденное солнце серебрило пыль на черном мраморе. Все, как помнилось всю жизнь. Имя, даты. Пыль. Только бронзовые массивные винты кто-то вывинтил, оставив, впрочем, литую чугунную плиту с надписью лежать ровно.

Пришлось сходить на строительный рынок. Благо он все еще располагался на старом месте.

Отвертка оказалась слишком миниатюрной для мощного крепежа, но Катрин справилась и с упрямым последним винтом. Подмела внутри невысокой оградки, положила позаимствованные веник и тряпку на место. Черный мрамор антрацитово светился в вечерней тени. Ну, вот и все, бабуля. Прости, больше внучка не придет. Свидимся в стране Вечной Охоты.

Ворота уже заперли. Звать сторожа Катрин не стала. Перебраться через двухметровый забор человеку, знакомому с замковыми стенами не понаслышке, нетрудно. Девушка спрыгнула на полоску узкого тротуара, напугав не в меру нервного водителя. «Девятка» вильнула в сторону, возмущенно тявкнула клаксоном.

Мелкая пакость девушку неожиданно развлекла. Идиотские забавы, но в такой день – в самый раз. Катрин купила жестянку с коктейлем. Джин, несмотря на красочную надпись, внутри не обнаружился, но легкий алкоголь в банке имелся.

Ночной город выглядел чуть симпатичнее. Дневные несуразности и глупости торопливых улиц сгладились. Катрин шла по пустым тротуарам. Мимо пролетали на бешеной скорости бесчисленные дорогие машины. Пришлось свернуть в переулки. Местами еще можно было узнать старые, знакомые с детства дома, но в основном район превратился в бесконечную стоматологическую выставку. Везде торчали многоэтажные и подделанные под позапрошлый век зубы-дома. Металлокерамика.

Катрин было уже не горько, противно. Пора уезжать. Не имеешь ты с этим пустым блеском огней ничего общего.

Ладно, пройдишь еще чуть-чуть, чтобы никогда не пожелать вернуться. Девушка прошла мимо метро, пересекла площадь с Лениным, стоящим над плечами разноплеменных соратников. Кафетерий со сладким, приятным для детского уха названием перестал существовать. Вместо него появился японский ресторанчик. Полусырой пищи Катрин досыта напробовалась в походных условиях. Рядом, несмотря на позднее время, светился киоск с мороженым. Катрин взяла вафельный стаканчик и свернула во дворы. Хотелось в последний раз пройти мимо детского садика и школы. Места первых неравных боев с недобрым миром.

Пустынный переулок Марона-пустынника.

Слизывая с вафельной хрупкости очень даже неплохое мороженое, Катрин поняла, что вяпалась. Угораздило же вывалиться в переулок из проходного сквера прямо в середину растянувшейся стайки безбашенных молодых людей. Сине-красные шарфы и флаги, завязанные

на плечах, выдавали принадлежность к самой продвинутой в патриотическом и спортивном отношении группировке подросткового поколения.

– Ой, лялька! Пойдем с нами! – заорал коренастый тинейджер.

Катрин хотела обогнуть поклонников самой популярной в мире игры, но пацаны уже загородили путь.

– Куда торопишься, красивая? Постой с нами, покури, – предложил наголо бритый парень.

– Не курю, ребята. Устала, домой иду, – миролюбиво объяснила Катрин и постаралась плечом оттереть с дороги низкорослого фаната. Недоросток уперся.

– Да ты не торопись, – насмешливо посоветовал бритый. – Завтра отдохнешь. Поболтай с простыми парнями.

– Устала я разговаривать. День выдался тяжелым.

– Устала она! – заржали за спиной. – Это твой еб-рь устал, раз такую соску на своих двоих на хату отправил. Или ты из этих, из вафлерш дежурных?

Катрин неторопливо обернулась. Ее окружали восемь несовершеннолетних идиотов. Почти поголовно обряженные в дешевые черные куртки. Пивом от компании несло, будто от целого взвода клураканов. Переулок оставался пустым. Только вдаль, у выезда на мигающую рекламными огнями магистраль, маячили фигуры прохожих.

– Чего вертишься? – ехидно поинтересовался коренастый фанат. – Мы здесь все красивые. Или ты только черножопых уважаешь? Мани-мани, да? Подстилка ты классная, сразу видно. Я б тебе впендюрил.

– Грубый ты и неласковый, – укоризненно произнесла девушка. – И губы у тебя не накрашенные.

Парни засмеялись, но расступиться никто и не подумал.

– Смелая, ноги длинные. Люблю таких, – с удовольствием заметил говорливый кабанчик.

– Пойду я, ребята? – сказала уставшая от всего Катрин.

– Мороженым хоть поделись, – ухмыльнулся бритый вожак.

– Ешь на здоровье.

Парень стаканчик не взял, лизнул из ее рук.

– Вкусно, – бритый облизнулся.

В этот момент Катрин ухватили сзади между ног.

– Здесь тоже вкусно, – сообщил деятельный гном.

– Лапы уберите, – сказала девушка.

– Ты че, дура? Мы только начали, – теперь бедра щупали несколько пар рук. Самая нетерпеливая пятерня уцепилась за застежку джинсов.

Катрин вяло стряхнула с плеча рюкзак.

– Во, сама раздевается, – удивились за спиной. – Грамотная давала.

Катрин поморщилась и посмотрела в глаза вожаку. В последний момент парень что-то понял и открыл рот...

Поздно.

Лапы, копошащиеся у нее между ног, сорвали пружину напряженных нервов.

Жестокий удар головой в лицо в одно мгновение выключил главаря. Девушка неудержимо рванулась из нахальных рук, вlepила остаток мороженого в чью-то морду, одновременно ударила локтем. Если ублюдки и готовились к сопротивлению соблазнительной блондинки, то уж точно не к такому агрессивному. Катрин без проблем удалось развернуться. Ни о каком бегстве она не помышляла. Бой воскресил яркое чувство определенности. Тоскливая пустота наполнилась.

Рюкзак упал на асфальт. Катрин двигалась с легкостью балерины. Удары находили цель с оскорбительной для медлительного мужского пола легкостью. Двое тинейджеров уже валялись

на мостовой. Девушка достала ногой третьего, вбила ему желудок между легкими. Красно-синие «бойцы» мешали друг другу. Приученная к тому, что промедление равнозначно смерти, Катрин непрерывно скользила между ними, уклоняясь от нелепых замахов. Девушкой овладело непристойное наслаждение. Жестокие прикосновения – в кадык, почки, пах, нос – смывали тоску с души.

Она слегка опомнилась, – большая часть футбольной шпаны уже лежала или сидела. «Убивать мальчишек все-таки нельзя. Утихомирься».

Но стоило приостановиться, как тут же стычку подстегнули металлические щелчки и мелькнувшая сталь. Дешевые китайские «выкидухи» – три доллара за пару, но вполне могут попортить внутренние органы.

На ногах оставались четверо придурков, теперь в руках у двоих блестели короткие клинки. Пока щенки угрожающе скалились, Катрин сама прыгнула навстречу. Отшлифованный удар ногой – колено одного из уродов подломилось, он с воем повалился на тротуар. Но податые любители спорта были слишком уперты, чтобы отступить. В руках еще одного сверкнул нож. К тому же с асфальта поднялся недобитый коренастый.

Катрин отскочила назад, перепрыгнула через неподвижное тело, подхватила свой рюкзак. А не заняться ли оздоровительным бегом?

Не так-то это просто. Тинейджеры, сохранившие относительное здоровье, норовили замкнуть кольцо. Катрин выдернула из рюкзака отвертку. Эх, подточить бы не мешало.

В этот миг взвыла сирена, и ударили по глазам сине-желтые блики мигалки.

Ни Катрин, ни ее противники в пылу битвы не заметили патрульную машину.

– Всем стоять! – рявкнул мегафон.

– Ноги! – завопил самый смысленный фанат.

Сине-красные кинулись в разные стороны. Чувствовался немалый опыт в уклонении от встреч с органами правопорядка.

Из милицейской машины выпрыгнули крепкие мужчины в камуфляжной форме с короткими «АКСУ» в руках и на удивление резво кинулись за любителями футбола. Надо думать, машина была не просто патрульной.

В довершение фанатских неприятностей сверху, от церкви, свернула еще одна милицейская машина с включенными проблесковыми огнями.

Большую часть ночи Катрин провела в отделении милиции. От отвертки удалось незаметно избавиться еще на месте побоища. Родной язык девушка моментально забыла. Что взять с тупой иностранки? Попала в разборку хулиганов как последняя дура. На все вопросы Катрин отвечала требованием вызвать консула и посла. Про консула менты понимали, заграничный паспорт тоже видели и смотрели на заокеанскую идиотку, вздумавшую в одиночестве бродить по ночным переулкам самого читающего в мире города, с соответствующим сочувствием. Красивая, но больная-ая.

В «обезьяннике» бунтовали плененные фанаты. Милиции удалось захватить троих. Еще трое были отправлены в 1-ю Градскую, ввиду серьезных телесных повреждений. Попытки переложить вину на светловолосую иностранку юные футбольные бойцы быстро оставили. Даже до их не до конца протрезвевшего сознания дошла смехотворность подобной версии.

Часа в четыре ночи в отделение прибыл заспанный полиглот в погонах старшего лейтенанта. Обошлись без консула и международных трений. Катрин заставили подписать протокол, подтвердить отсутствие претензий, после чего отпустили.

Воздух Родины оказался слишком сладок, даже не продохнуть. Катрин была сыта по горло. В 11 часов следующего дня девушка сидела в том самом, под номером 2, международном аэропорту. На рейс она уже зарегистрировалась, прошла пограничный и таможенный контроль, до посадки в самолет оставалось минут тридцать.

– Екатерина Григорьевна? – рядом возник сухощавый мужчина средних лет.

Катрин недоуменно захлопала ресницами. Родной язык девушка вспоминать категорически не желала.

Человек вздохнул и перешел на язык международного общения:

– Мисс Катрин Бертон? Не могли бы вы уделить мне несколько минут?

Судя по неудачному серому костюму и еще более сомнительному английскому произношению, незнакомец носил звание не старше капитана.

2

– Мисс Катрин, прежде всего хотел бы заверить, – никакие неприятности вам не угрожают.

– Почему я должна бояться? Разве я совершила что-то незаконное?

– Ни в коем случае. Скорее столица должна выразить вам свою признательность за помощь. Впрочем, я хотел бы поговорить с вами о другом. Можно вас пригласить на чашечку кофе?

– У меня самолет через пятнадцать минут.

– Уделите мне десять из этих пятнадцати. Просто так, для очистки моей совести. Я вас очень прошу. Мне нужно будет отчитаться перед руководством.

Маленький бар находился в этом же зале.

– Вы не собираетесь меня задерживать? – прямо осведомилась Катрин.

– Нет. И, уверен, вы поймете почему. Мы в курсе вашей работы на Королевскую службу, – увидев туповато-непонимающее выражение на лице девушки, собеседник поторопился пояснить: – Ни в коем случае не собираюсь вас расспрашивать. Амнезия – неприятная вещь. Надеюсь, вы сейчас хорошо себя чувствуете?

– Что-то я не понимаю, о чем вы говорите.

– Это из-за моего акцента. Мне почему-то кажется, что за время краткого пребывания в нашей стране вы вполне освоили русский язык. Разрешите мне вернуться к родной речи, а то вы, чего доброго, на самолет опоздаете, пока я буду язык ломать. Если чего-то не поймете, не считите за труд переспросить.

Катрин ничего не сказала. С отвращением понюхала кофе, поставила чашечку на столик.

– Не нравится? – спросил собеседник.

– Не очень люблю кофе, – пробурчала Катрин. Бодрящий напиток теперь слишком напоминал о маменьке.

– Знаете, я тоже не люблю, – живо отреагировал сухощавый незнакомец. – У меня от него всегда изжога. Впрочем, извините, я опять отвлекся. Меня зовут Александр Александрович. Я сотрудник ГРУ. Не пугайтесь. Организация, конечно, с именем и репутацией, но конкретно наш отдел занимается сугубо научной деятельностью. Никаких шпионских скандалов, провокаций и убийств зонтиком. Наш удел – история и аналитика. Ваш покорный слуга – кандидат исторических наук. Улавливаете связь с вашим прежним местом работы?

– Нет. Ничего я не улавливаю, – решительно отрезала Катрин.

– И не надо, – Александр Александрович одобрительно кивнул. – Времени у нас мало. Имеют значение лишь ваши биометрические данные и личный опыт перемещения. Мы ничего не можем у вас требовать. Я не случайно встречаюсь с вами на нейтральной территории. Вы, естественно, знаете, что человека, ушедшего за Границу, невозможно контролировать. Я не государственную границу имею в виду, – Александр Александрович кивнул на стеклянную загородку с маячившими за ней зелеными фуражками. – Нам нужна помощь. Экстренная, чего уж там скрывать. Предлагаем вам краткую командировку – два, от силы три дня. Вы больше не имеете отношения к этой стране. У вас, Катя, достаточно денег, чтобы достойно существовать

на новой родине. Вы молоды, хороши собой, и так далее. И все-таки нам нужна помощь. Всего два-три дня, я повторяю.

– А вы случайно не спятили? – сухо осведомилась Катрин.

Александр Александрович невесело улыбнулся:

– Знаете, Катя, вы далеко не первая, кто задает мне этот вопрос. Поверьте, последние три года наш отдел работает над сомнительным и действительно трудновыполнимым проектом. На данный момент финансирование практически остановлено. Собственно, проект как таковой никогда и не получал денег. Мы здесь дураки, Екатерина Григорьевна, вполне могу с вами согласиться. И все же, если остается хоть один шанс, мы попробуем.

– Знамя вам в руки, – Катрин пожала плечами, – я-то здесь при чем?

– Ни при чем, Екатерина Григорьевна. Бывшей родине нужна ваша помощь. Бывает Родина бывшей? Как думаете, Катя?

Девушка помолчала и неохотно ответила:

– Насчет Родины – черт его знает. Ничего у меня здесь не осталось, Александр Александрович. Разве что – могилы. Извините, наверное, вы меня с кем-то спутали. Я плохая патриотка.

– Собственно, Родина это и есть могилы предков. Но я не собираюсь вас уговаривать. На фотографии вы не выглядели такой красивой. Наверное, мы действительно обратились не по адресу.

У Катрин дернулись губы.

– При чем здесь красота? Раз уж начали, извольте договорить до конца. Или дальнейшее потребует подписки о неразглашении на семи листах и статуса «невъездной» на ближайшие двадцать пять лет?

– Помилуйте, Катя, какие секреты?! Информация, конечно, служебная, но вам даже «Московский комсомолец» не поверит. А Запад такими проблемами в принципе не интересуется.

– Что-то вы меня пугаете. До посадки осталось пять минут.

Александр Александрович вздохнул.

– Как бы сформулировать покороче... Катя, вам дата 22 июня 1941 года о чем-нибудь говорит?

– Война началась. Великая Отечественная, – автоматически ответила Катрин и поблела под своим нездешним желтым загаром: – Да вы с ума сошли!

– Вы это уже говорили, – вежливо кивнул Александр Александрович. – Нам нужен связной. Срочно нужен. У нас произошел сбой. Да вы не волнуйтесь, всего два дня, и вы будете действовать достаточно далеко от места сражений. Не тыл, конечно, но и непосредственный риск невысок.

– У вас в ГРУ медкомиссию проходят? У вас, Александр Александрович, как с головой? Война давно кончилась. Зачем туда лезть? Я что, совсем на идиотку похожа? Или вы, как мальчишки, все в войнушку играете?

– Вы, Екатерина Григорьевна, на идиотку не похожи. Но и нас за психов не держите. Шанс есть, и мы его используем. Пусть и без вас. Идите, ваш рейс уже на посадку высветили.

Катрин встала, подхватила рюкзак.

– Ну, не знаю... Успеха вам нужно пожелать, наверное. Совсем вы отмороженные, уж простите за прямоту. Вы действительно на мое согласие рассчитывали? Да какие же у меня причины лезть в ту древнюю бойню?

– Никаких, – сухо согласился мужчина, глядя снизу вверх. Глаза у него были красные, должно быть, с недосыпу. – У вас нет ни малейших причин вступать. Четверть миллиона мы вам обещать не можем. Честно говоря, даже месячный оклад сержанта-контрактника и «боевые» на два дня нам выделили с трудом. В валюте сумму называть не буду – смешно. Нет у

вас причин даже говорить с нами. Разве что ваш прадедущка – Григорий Павлович, погибший в сентябре сорок первого под Харьковом. Из вашей семьи погибли четверо, Екатерина Григорьевна. Но это действительно очень старая история. Счастливого пути.

Катрин секунду постояла, поморщилась.

– Вы мне билет компенсируете?

– На экономкласс добро дали, – без улыбки кивнул Александр Александрович.

– Рассказывайте, – девушка в сердцах шмякнула рюкзачок на стул.

Рассказывал капитан ГРУ в машине. Водил он свою старенькую «девятку» уверенно, но без всякой тени лихачества.

– ...Ленин, Сталин, культ личности, голод и коллективизация – это не по нашему профилю, Катя. Мы люди военные. Наибольшие потери страна понесла когда? Правильно, во время войны. 7, 20, 27 или 35 миллионов? Разные методики, разные цели подсчетов, разные политики калькулировали. Не наше дело считать. Дети, женщины, блокада Ленинграда, угнанные, пленные. Должна была гибнуть армия. Мы должны были гибнуть, Катя. Мы – люди в петлицах и погонах. Произошедшее не исправишь. У нас, здесь, не исправишь. Вы знаете, что такое «эффект кальки»? Исправленное прошлое ложится в другую плоскость. Никаких парадоксов прошлого не существует. Меняется другой мир. Туда можно заглянуть в гости, полюбоваться на результаты коррекции, но тот мир так и останется другой реальностью.

– Иначе говоря, мой прадед остаться в живых не может? – спросила Катрин, разглядывая замершие в длинной пробке машины.

– Вероятность этого ничтожна. Исправленная реальность и наша, – Александр Александрович кивнул на «КамАз»-«миксер», чадающий прямо в боковое стекло «девятки», – частенько накладываются друг на друга. Но масштабы и результаты этих пересечений настолько мизерны, что не стоит рассматривать их всерьез. С другой стороны, если мы можем помочь «той» России, разве стоит от этого отказываться? Когда-нибудь позитивные результаты докатятся и до нас.

– А негативные результаты? Разве не может стать хуже?

– Неужели? Катя, мы здесь на пороге демографической катастрофы. Границы – сплошная дыра. «Освобожденные» народы лают на нас и плюются со всех сторон. Олигархи и прапорщики воруют с одинаковым воодушевлением. Народ пьет и колется. Ну, водочка – это у нас давненько. Но если вместе с героином и телевидением, сколько мы еще протянем? Так ли уж велик риск изменений к худшему на «кальке»?

– Получается? Там? – скептически спросила Катрин.

Александр Александрович неопределенно качнул головой:

– Не все, Екатерина Григорьевна, далеко не все. Но по крайней мере там Севастополь остается базой единого флота, а на Рижском взморье можно отдохнуть без загранпаспортов. Мелочь, а приятно. С другой стороны, Курильские острова давно у японцев.

Катрин хмыкнула:

– А что, кроме вас, никто ничего подправлять не пытается?

– А им «калька» зачем? У них хватает возможностей подправлять жизнь напрямую. Не видят смысла в дублях. Немцы попытались, у них, как и у нас, комплекс прошлого силен. Просчитали от тридцатого года. Вывели наверх вместо Адольфа камрада Рема². Получилось еще хуже. Решили деньги в дальнейшем экономить и рейхстаг отремонтировать.

– А у нас что просчитали?

– Вы, Катя, меня слушаете? Я же говорю: денег нет. Немцам прогноз около шести миллионов евро стоил. Кто же нам даже десятую часть такой суммы даст? У нас в отделе два года назад сокращение прошло. Четырнадцать человек осталось. Двенадцать уже Там. Если опера-

---

² Рем Эрнст (1887–1934) – имперский министр в Германии, начальник штаба штурмовых отрядов. Стремился превратить их в костяк армии, подчинить себе генералитет. Расстрелян с санкции Гитлера.

ция пройдет успешно, на следующий год деньги на отдел выделят. «Точечные уколы» – на большее Там мы не способны.

* * *

Койка в переоборудованной под комнату отдыха бывшей «оружейке». Солдатское синее одеяло и подушка, способная по жесткости заменить снаряд для катапульты. Офис отдела «К» размещался в старой казарме на Пироговской. За окном глухой забор, бродили вялые солдаты-срочники с метлами и мешками для мусора. На Катрин был выписан временный пропуск, но за неделю она так ни разу им и не воспользовалась. В городе девушке делать было нечего.

Александр Александрович ночевал в соседнем кабинете. Еще был Шура, компьютерщик отдела «К». Шура был помладше и иногда бегал ночевать домой. У него имелась жена, которая иногда требовала мужского внимания. Что старший лейтенант там, в семейном гнезде, делал, Катрин и не пыталась догадываться. Товарищи офицеры в качестве самцов совершенно ни на что не годились. Работа забрала у них все.

Катрин не вникала в лишнее. Ей был выделен старый ноутбук. Читать приходилось с утра до вечера. Гигабайты документов, написанных на совершенно неудобоваримом газетно-бюрократическом языке. Ноутбук частенько зависал. Приходилось перегружаться. К словосочетаниям: мудрый товарищ Сталин, фашистские кровожадные собаки, гений большевистского ума – девушка притерпелась довольно быстро. Но вот бесконечные АБТО³, БАП⁴, ПАРБ⁵ и ППГ⁶ заставляли «зависать» саму Катрин. А там еще встречались райкомы, Коминтерн, комбеды и стахановцы. Наверное, большая часть сих увлекательных пыльных сведений никогда ей не понадобится, но заняться с девушкой индивидуально было некому.

В забытых архивах все представало в совершенно ином виде. Катрин всегда подозревала, что в школе ее учили какой-то не соотносящейся с реальной жизнью ерунде. Но не до такой же степени?! От некоторых документов просто оторопь брала. Неужели детство бабушки прошло в этом мире?

Катрин пила чай и отползала к своей койке. От подслеповатого экрана и ламп дневного света болела голова. В соседней комнате все еще шуршали два Александра. Катрин пыталась уяснить, что, собственно, она здесь делает, но моментально засыпала.

Четыре дня, три, два... До самой короткой в году летней ночи оставалось еще два раза забраться под колючее одеяло.

Катрин, наконец, проэкзаменовали. Александр Александрович задал два десятка вопросов. Худое лицо капитана ГРУ эмоций не отразило, но по тому, как морщился Шура, девушка поняла, что едва ли получит зачет по знанию военно-политической обстановки в Союзе Советских Социалистических Республик накануне вероломного нападения немецко-фашистских империалистов и их продажных прихвостней.

Ну и что? Другой кандидатуры в связные у группы «К» все равно не наблюдалось. Отдел, за исключением компьютерного Шуры, поголовно имел нужную подготовку и нужное здоровье для вояжей в «кальку». И все уже были в деле. Александр Александрович тоже два раза ходил Туда. Последний раз вернулся с развороченной нижней челюстью. В ноябре 1920 года в Тамбовской губернии товарищ капитан неосторожно подставился под осколок гранаты. Щека зажила, но челюсть Александр Александрович теперь мог хранить ночью в стакане. Катрин знала, что имплантаты, металл и прочие предметы небиологического происхождения не явля-

---

³ АБТО – автобронетанковый отдел.

⁴ БАП – бомбардировочный авиационный полк.

⁵ ПАРБ – полевая авторемонтная база.

⁶ ППГ – полевой подвижный госпиталь.

ются таким уж препятствием в Переходе. Но это был ее личный секрет, и выдавать его девушка ни под каким видом не собиралась. Тем более что мир «кальки» не имел совершенно ничего общего с миром Эльдорадо.

Углубляться в физико-философский анализ миров было некогда.

Время – 23.06.41. 15.20.

Место – проселок Второгобыч – Жечуб.

Задание – встретить мотоколонну 67-го танкового полка, проследовать вместе с ней до штаба 34-й танковой дивизии. Найти майора Васько. Передать – «Части 4-го мехкорпуса на север не выдвигаться».

Все.

Если повезет, то можно управиться и за один день. Тылы 8-го механизированного корпуса в этом районе 23–24 июня массированным авиаударам не подвергались. Неразбериха – вот главный враг. Существует теоретическая опасность попасть под пулю диверсанта или националиста. Вероятность невелика – в качестве мишени любой армейский лейтенант гораздо привлекательнее, чем даже очень красивая девушка. Естественно, забывать об осторожности ни в коем случае нельзя.

– Кстати, об осторожности, – прервала Катрин ценные, но уже начавшие повторяться наставления, – инструктаж по материальной части я где-нибудь получить могу? Я, конечно, проштудировала наставления, но «ППД» или «МП-38» хотелось бы подержать в руках и услышать слово специалиста.

Мужчины уставились на нее в негодовании.

– Вы что, Екатерина Григорьевна, воображали? Вас для террористической деятельности посылают? Или для организации партизанского отряда? Мы вам категорически запрещаем брать в руки оружие. Информация, которую вы должны передать, важнее, чем пальба полноценного, штатно укомплектованного стрелкового полка.

– Я понимаю, Александр Александрович, и вашего майора Васько найду. Поднимать роту в контратаку или вести снайперскую стрельбу не собираюсь. Но вы можете поручиться, что я не наткнусь на дезертиров или еще на каких-нибудь неорганизованных антисоциальных типов, которым будет по барабану мой гражданский статус? Мне что, тогда возвращаться несолоно хлебавши? А если не успею?

– У дезертиров вряд ли будет «МП». У немцев пистолетов-пулеметов не так уж много, – заверил Шура.

– С «мосинкой» и «наганом» я разберусь. Но вдруг у меня заклинит гильзу в чем-нибудь более сложном... Давайте подстрахуемся. Мины там могут быть?

– Идите к черту, Катя, – в сердцах промолвил Александр Александрович. – Никаких мин. Там наши саперы практически ни одного моста не успели взорвать. «МП» вам покажут. Без «ППД» обойдетесь. Его только в музее найти можно. Сейчас уже некогда экскурсии устраивать. Лучше зубрите структуру районной комсомольской организации. Скорее уж вы на каком-нибудь младшем политруке подорветесь, чем на mine. Вы понимаете, чем обернется ваш провал, особенно если вас повяжут рядом с Васько? Операция и так практически провалена.

Катрин только пожала плечами. Что она могла поделать? За оставшиеся два дня правым ленинцем-сталинцем все равно не стать.

Дела группы «К» были плохи. Провалился один из ключевых агентов в 4-м мехкорпусе. В «истинной» реальности июня 41-го года этот мощнейший корпус РККА проявил необъяснимую пассивность, игнорировал приказы Генштаба и командующего 6-й армией. И сейчас попытка вывести дополнительно 900 танков на исходную позицию общего контрудара на городок Дубовиц, судя по всему, не удавалась. Агент вроде бы был только арестован, сидел под замком, но почему-то «домой» упорно не уходил.

Подробности Катрин знать не полагалось.

* * *

– Повторить сможете? – хмуро спросил старший прапорщик.

Катрин взяла тяжелый, знакомый по сотням фильмов пистолет-пулемет. Разобрала, немного повозившись с возвратной пружиной. Получилось не так уж непрофессионально.

Прапорщик еще больше нахмурился.

– Что вы мне голову морочите, девушка? В руках это оружие держали?

– Почти такое.

– В кино, что ли, снимались?

– Ага. В боевике.

– Дело хорошее, – смягчился прапорщик. – Каскадеров уважаю. Имеется желание еще что-то посмотреть?

Катрин посмотрела все, что имелось в наличии. Даже японскую «арисаку-99», которой на Западной Украине уж точно нечего было делать. Прапорщик проникся расположением к красивой сообразительной девушке. Они, не торопясь, повозились с «МГ». Немецкий ручной пулемет оказался машинкой непростой. Катрин и здесь была на высоте. Уроки Ганса не забылись. Девушке даже стало не по себе, – вдруг придется встретиться с дедушкой Ганса? Небось был такой же рыжий и щетинистый. Ну, скорей уж ты со своим прадедушкой столкнешься.

В оружейном подвале было интересно, но время поджимало. Катрин шла через узкий плац. Девушку провожали тоскливые взгляды солдат. Личный состав скучал в обнимку с неизменными метлами. Катрин с некоторым изумлением подумала, что сама уже много дней не вспоминает о сексе. Жизнь и так достаточно противна, а тут еще этот беззаветно быющий в рабочей лихорадке отдел «К». Так и в идеалы марксизма-ленинизма поверишь.

– Вы, Александр Александрович, с ума сошли, – убежденно заявила Катрин. – Не знаю, как насчет документов, но в этом платье меня сразу расстреляют. Даже Особого отдела не нужно, – любой сочувствующий Советской власти сочтет своим долгом меня сдать в НКВД как классово чуждый элемент и засланную из-за растленной заграницы шпионку.

– Разве? – Смущенный капитан повесил платье на дверцу разболтанного конторского шкафа. – Мне показалось, что расцветка подходящая, неброская. От бывшей жены осталось.

Катрин посмотрела на худого мужчину с интересом. До развода супруга Александра Александровича существовала явно не на скромную капитанскую зарплату. Экие модные шелка оставила.

Экипироваться Катрин пришлось самой, благо до дешевого рынка было рукой подать. Правда, близость торжища задачу не облегчила. Представление о моде начала 40-х годов девушка получила в основном из Интернета. В отделе «К» хранились груды документации о полевой и парадной форме РККА. Стояли три шкафа, плотно набитые кителями, гимнастерками, галифе, фуражками и пилотками. Но девушек здесь одевать никогда не планировали. Для Катрин нашлась лишь парусиновая обувь. Больше всего наличие в спецгардеробе отдела легкомысленных туфель 37-го размера изумило самих офицеров. Впрочем, удивляться было уже некогда.

Катрин шла между торговыми рядами, игнорируя призывы узкоглазых продавцов. Что за мода на все лепить этикетки? Девушка вполне согласилась бы на мешковатый хлопчатобумажный спортивный костюм с шароварами, но ничего даже относительно похожего на прилавках не имелось. Все спортивное пестрело лейблами и многочисленными современными «молниями». Катрин уже отчаялась, но неожиданно набрела на палатку с летними сарафанами фабрики «Звенигородская ударница». В самый раз – даже бирку отпарывать не придется. Отправляться в экстремальные условия прифронтовой полосы с открытыми плечами было, конечно, сущим идиотизмом. Впрочем, и вся операция продуманностью и тщательностью подготовки не

отличалась. Девушка выбрала сарафанчик в приятный бело-голубой цветочек. Еще пришлось отыскать самую простенькую косынку и самые дешевые носочки. Продавцы тщательно скрывали изумление вкусами броской зеленоглазой блондинки и пытались задрать цены.

Вернулась в казарму-офис Катрин, разозленная до предела. Раньше ей приходилось влетать в авантюры и раздетой до минимума, но в таком наряде отправляться под бомбы – это уж совсем душой нужно быть. Несколько утешало то, что сарафанчик больше двух-трех суток не проживет. По многократно подтвержденному отделом «К» опыту, перемещенная одежда выдерживала максимум 70–80 часов. Как выходили из положения офицеры, которым нужно было раздобыть Там еще и личное оружие, пряжки для портупей, портсигары и прочие мелочи, Катрин не представляла. Вероятно, отдел «К» в некотором отношении вполне мог дать фору «Бранденбургу-800»⁷.

– Хорошо получилось, – одобрил Александр Александрович.

– Вы, Катя, очень красивая, – подтвердил Шура.

Этого Катрин понять не могла: фирменные джинсы и футболка оставляли товарищей-офицеров индифферентными, а копеечный сарафан восхитил. Видно, совсем крыша у мужиков поехала на 40-х годах. В первый раз смотрели на связную как на женщину.

– Только вот... Шура замялся, – немного откровенно...

Катрин и сама знала. Упругая грудь просвечивала сквозь ситец с неприличной дерзостью.

– Если товарищ капитан подскажет мне, где достать лифчик вековой давности, то мы этот недостаток живо ликвидируем. На рынке сплошные кружева и нейлон, – ядовито заявила девушка. – Не хватало еще, чтобы меня за буржуазный бюстгальтер расстреляли.

– А что делать? Так ходить тоже рискованно, – Александр Александрович выглядел подавленно, в основном от нежелания рассматривать предмет дискуссии.

– Жакет мне нужен. Пиджак, тужурка какая-нибудь. На рынке ничего не нашла.

– Так где же взять, если и на рынке нет? В музей обращаться поздно, – промямлил капитан.

– Хорошо, что вы меня, Александр Александрович, не на борьбу с татаро-монгольским игом снаряжаете. А то бы лапти замучались подбирать. Комсомольский инструктор может носить полувоенную форму?

– Но это же не годы военного коммунизма, – занудил капитан.

На помощь девушке неожиданно пришел Шура.

– Подбирайте, Катя, что хотите. Там уже война. Может быть, никто и внимания не обратит. Мы в подготовке столько ляпов допустили, что лишняя несуразица мало чего добавит. Шансы и так мизерные.

– Спасибо, Шура, – в сердцах поблагодарила Катрин. – Вот вы всегда подбодрите. Не то что товарищ капитан.

Отпороть с гимнастерки петлицы и пуговицы дело минутное. Новенькая одежда вмиг приобрела дезертирский вид. Офицеры в сомнении переглянулись. Катрин накинула просторную гимнастерку поверх сарафана. Подпоясаться пришлось обрезком брезентовой стропы. Результат получился настолько неоднозначным, что обсуждать его не решились.

Александр Александрович показал девушке портфель, с которым Катрин предстояло отправиться в путь. Парусиновое чудище раздулось от объемистого содержимого. В основном портфель хранил газеты: «Правда», «Комсомольская правда», «Львовский коммунарь», пачку бланков, еще кое-какую комсомольскую документацию, изготовленную, как и газеты, репринтным способом. Серьезную проверку вся эта макулатура не выдержала бы. Зато комсомольскому билету уделили самое пристальное внимание. На непрофессиональный взгляд Катрин

---

⁷ «Бранденбург» – одно из лучших диверсионных подразделений фашистской Германии.

документ выглядел убедительно. Еще имелось удостоверение инструктора отдела пропаганды и агитации Сокольнического райкома ВЛКСМ и командировочное предписание.

«Может, проканает», – как выразился Шура.

Катрин в последний раз заправила свою койку синим, ставшим уже и не таким колючим одеялом. Посмотрела карту, исчерканную синими и красными стрелами. Вот этим листам цены не будет там, в 41-м. Только с такой картой шпионкой ты станешь стопроцентно, и для своих, и для немцев. Да и без карты для «своих» какая уж ты своя?

Они успели пообедать. Торопиться незачем. Колонна появится во второй половине дня. Одиноко торчать на лесной опушке целый день опасно. Шура вытащил початую бутылку водки. Пришлось немножко глотнуть «на посошок». Запили вишневым соком. Повторять инструкции мужчины не стали, – Катрин и так была набита информацией под завязку.

Девушка, не торопясь, переделалась. Александр Александрович принес портфель. И последние из отдела «К» отправились с нею в подвал. Миновали сонного часового.

В пустой комнате на полу желтел не слишком ровно намалеваный эмалевой краской квадрат. Шура включил сервер...

3

На полого поднимающемся от ручья склоне снова вспухли кусты разрывов. Немецкие минометы укладывали мины слаженно и густо. Взвод, покинувший было наскоро вырытые стрелковые ячейки, снова залег. В бинокль удавалось разглядеть, как кричит замкомвзвода, пытаясь оторвать бойцов от земли. Инстинкт заставлял красноармейцев жаться к траве, вместо того чтобы одним броском достичь спасительной опушки.

Вперед страшно, назад страшно.

На той стороне снова появилась пара танков. Донесся треск пулеметных очередей. Серые коробки «PZ»⁸ попеременно выходили вперед, не давая поднять головы.

Майор Васько опустил бинокль и без выражения глянул на командира батальона. Комбат ответил неопределенным пожатием плеч. Связного он отправил вовремя. Приказ на отход боевое охранение получило, но потом выскочили те немецкие мотоциклисты, их легко положили у ручья, увлеклись, ну и...

Рассказывать незачем. Комполка и сам видел опрокинутые мотоциклы, тела немцев, валяющиеся возле них. Но теперь застрявший взвод задерживал всех. Батальон ушел далеко по просеке. У опушки остались только три танка прикрытия, мотоциклисты комендантского взвода и два штабных броневика. Да еще машина с радиостанцией, без которой командир полка и шагу не ступал.

– Прикрыть надо дураков, – пробурчал Акимов. Он, проведенный бок о бок с командиром полка последние восемь месяцев, хорошо понимал молчание Васько. Эти месяцы непрерывных, не укладывающихся ни в какие нормы и наставления полевых занятий и упорной возни в танковых парках имели единственную цель – полк должен работать как часы. Вторые сутки шла война, та самая, к которой были устремлены помыслы все последнее время. Война, из-за которой батальонный комиссар Степан Иванович Акимов, член партии, человек, преданный Советской власти до мозга костей, поддерживал прямые нарушения и игнорирование директив и приказов штаба округа. Сколько раз он писал и рвал донесения в штаб КОВО⁹. Вашугин¹⁰ бы этого не понял. Да и как понять, когда командир полка учит личный состав совсем другой войне. Учит безоглядно и яростно, опровергая большую часть теорий и наставлений,

---

⁸ «PZ-I» – легкобронированный немецкий танк. Вес 5 т. Вооружение – два 7,92-мм пулемета.

⁹ КОВО – Киевский особый военный округ.

¹⁰ Вашугин Н.Н. – корпусной комиссар, член Военного совета Киевского округа.

разработанных на таком верху, что лучше и не заглядывать – шею сломаешь. Враг окопался в наших рядах. Что ж ты ему верил, что ж ты ждал и надеялся, будто немцы полезут раньше, чем в бдящих органах поймут, что на самом деле творится в полку? Ладно, все позади, полк готов к бою. Готов намного лучше, чем другие части родной дивизии. Вчерашний утренний бой подтвердил это куда уж нагляднее. Скинули, утопили фашистов в реке. Полтора часа – и нет немецкого батальона. Пылают машины и танкетки на том берегу Днестра. И полк ушел от удара авиации, от артобстрела. Не оставив ничего ценного ни в казармах, ни в ангарах. Все знал Васько заранее. И знал, что позавчерашняя ночная тревога не кончится отбоем.

Загадка, откуда командир полка все знает, уже давно настолько измучила комиссара, что он твердо решил позабыть о ней. Полк готов. Одержал первую победу. Нет провокации и предательства, чего, невзирая на все доводы рассудка, так опасался Акимов до самого вчерашнего рассвета. Кругом прав товарищ Васько Николай Андреевич, член партии с 1927 года, вдовец, трезвенник и ясновидящий. Но есть отдельные недочеты и упущения. И разгильдяйство. Вчера не завелся один из бензовозов, а уж на что уделяли внимание технике обеспечения. Не меньше, чем боевым подразделениям. Пришлось тянуть на буксире, благо ни один из тягачей не подвел. И вот теперь – зазевавшийся взвод. Лейтенант глупо погиб, бойцы растерялись.

На то и война, чтобы люди гибли. И чтобы техника не выдерживала. И чтобы похоронки шли. «Если завтра война» – кинолента жизнеутверждающая, но больше для пионеров. Прав Николай, с агитацией и пропагандой мы что-то совсем не туда заехали.

Но взвод нужно срочно вытаскивать, а то полк только под Мозницами догнать удастся. Как не хочет комполка демаскировать присутствие тяжелой техники, но придется.

– Давайте сюда Мартынова, – негромко сказал Васько. – Пусть прикроет «пластунов». И не смотри на меня так, Степан Иванович, – командир полка коротко покосился на своего заместителя по политической части. – Знаю, что сержант, знаю, что молодой. Там, у немцев, только две «жестянки» и пехота. Если с ними наш мальчишка не справится, лучше нам с тобою сразу за гранаты взяться да с геройским «Ура!» на немцев рвануть.

«Тридцатьчетверка» проломила заросли опушки, плюнула сизым дымом и понеслась к ручью. Гусеницы вспарывали зеленую свежую траву. Огонь немцев усилился. Длинные и, по сути говоря, бесполезные пулеметные очереди стучали не переставая. Танк, не обращая на них внимания, двинулся к возвышенности левее. Взлетел на холмик, подмяв молодые березки. Оба «PZ» сосредоточили огонь на большой машине. «Тридцатьчетверка» не отвечала. Ствол орудия смотрел куда-то в сторону от маячивших на опушке немецких машин.

Васько ясно увидел бледные искры, высеченные очередью по броне покато́й башни с номером 22. Напугать хотят, что ли? Нахалы. Вдохновленные бездействием советской машины, немецкие танки выдвинулись ниже по склону. Одна из танкеток вновь принялась обстреливать залегших красноармейцев. Новая серия мин плюхнулась ближе к русскому танку.

Давай, парень!

«Тридцатьчетверка» взревела двигателем и развернулась корпусом в сторону увлекшихся немецких машин. Выстрел. От попадания в кормовую часть легкий «PZ-I» оказался развернутым на девяносто градусов. Взвилось облако черного дыма.

Экипаж сержанта Мартынова не числился лучшим в полку, но навыки стрельбы у экипажей всех рот были отработаны на высочайшем уровне. Башня чуть двинулась, ловя новую цель. Выстрел... Еще, еще...

Второй «PZ» уже горел, а «тридцатьчетверка» быстро, как будто 76-миллиметровое орудие заряжал автомат, укладывала осколочные снаряды вдоль опушки леса, подавляя огонь немецкой пехоты.

Застрявший взвод шустро бежал к лесу, неся раненых и убитого командира. Охрипший замкомвзвода подгонял отстающих.

– На броню, и уходим по просеке! – майор Васько махнул мотоциклистам.

Запыхавшиеся стрелки, хватаясь за приваренные, вопреки всем инструкциям, скобы, полезли на броню.

Садясь в броневик, Васько сказал батальонному комиссару:

– Ты, Степан Иванович, по своей линии Мартынову благодарность объяви. А от меня – взыскание, чтобы не выживался. Война длинная, и не всегда перед ним только «жестянки» вертеться будут. Бить мы должны всегда первыми и без театральщины. И давай догонять батальоны.

Позади бухали выстрелы. «Двадцать второй» сержанта Мартынова пятился к опушке, безостановочно обстреливая рассеявшуюся вдоль опушки пехоту немцев.

* * *

Катрин стряхнула с ноги упорных муравьев. Девушка уже около двух часов маялась, сидя у дороги. Кроме насекомых, смотреть было не на что. Только раз где-то в стороне прозудели самолеты. Рассмотреть чьи, так и не удалось. Канонада, становясь то громче, то тише, доносилась с запада и северо-запада.

Проселочная дорога оставалась пустынной, в мягкой пыли купались воробы. Светило солнце, бездонное голубое небо куполом раскинулось над головой.

Может, не туда ты попала? Не в те времена? И не канонада это, а эхо далекой грозы? Вон солнце как палит. По прогнозу более чем полувековой давности никаких гроз не предвиделось. Или не до наблюдений за кратковременными осадками тогда было?

Нет, точно не то время. И не туда ты попала. Сидишь здесь, совершенно чужая дура в идиотском сарафанчике.

Катрин поморщилась и попробовала передвинуться. Сидеть на пузатом портфеле было неудобно. Переход прошел слишком плотно и приземленно. Опять пострадала задница. Синяк будет с тарелку размером. Хорошо, что раздеваться ни перед кем не придется.

Шутить желания не было. Судя по звукам отдаленной артиллерийской стрельбы, она очутилась на том месте, куда и предполагалось забросить связную. Только где же войсковая колонна? По времени пора бы ей появиться.

Катрин находилась в зоне действия 8-го мехкорпуса РККА. Дивизии корпуса двигались на север, готовясь нанести контрудар во фланг 1-й танковой группе немцев, прорвавшейся в направлении Житомира. Координация этого удара с действиями 4-го и 15-го мехкорпусов и являлась основной целью малочисленных офицеров-агентов отдела «К». Как все это будет выглядеть на практике, Катрин оставалось до сих пор совершенно непонятно. Что могут сделать двенадцать человек, разбросанных среди частей и гарнизонов огромной массы войск, расположенной вдоль границы?

Катрин сознавала, что является совершеннейшим профаном в планировании стратегических операций. Нужно перестать гадать и просто выполнить свою крошечную задачу.

Девушка встала, прошла вдоль дороги, невольно потеряла ушибленное место. Как прикажете выполнять эту самую задачу, когда здесь одни воробы? До села с поэтическим названием Жечуб километров шесть. Налегке да по дороге всего час пешего хода. Только являться туда, так сказать, частным порядком категорически запрещалось. В ГРУ считали, что девушке будет куда легче попасть в расположение штаба дивизии с колонной артобеспечения. Военным профи виднее. Только где эта колонна?

Напряженный слух Катрин, наконец, уловил какой-то шум на дороге. Она подхватила портфель и нырнула в заросли. Опрометчиво являться к кому попало девушка не собиралась.

Звук приближался томительно медленно. И навязчиво напоминал о страшно далеком мире. Скрипели несмазанные колеса. Катрин разглядела сквозь листву телегу, сидящих на

ней людей. На первый взгляд пассажиры скрипучего экипажа никакого отношения к армии и вообще к вооруженным силам не имели.

– Эй, товарищи! Вы из Второгобыча путь держите?

Появление вооруженной пузатым портфелем девушки напугало пассажиров гужевого средства передвижения.

– Да, товарищ, – с некоторой дрожью в голосе ответил пожилой бородатый мужчина в измятом костюме. – Уходим... указание, значит, было уходить.

– Правильное указание, – согласилась Катрин. – На Жечуб едете?

– Так, – нерешительно проговорила такая же черноглазая и черноволосая, как и возница, женщина. – По большаку не можно. Червона армия с ручницами великими. Товпа страшенна.

– Не тарахти, – одернул ее муж, – то секрет.

– Правильно, товарищи. Болтун – находка для шпиона, – одобрила Катрин. Она шла рядом с медленно двигающейся телегой, поглядывала на узлы, на торчащую из-под них швейную машинку. Приоткрыв рот, на девушку глазел мальчонка лет пяти. Его старшая сестра смотрела на рослую незнакомку прямо и с вызовом. Красивая девушка вырастет, вернее, уже выросла: огромные глаза, черные тугие косы. На белой выходной кофточке комсомольский значок. К сестре жалась еще одна девчонка, помладше. Родители также с тревогой поглядывали на Катрин.

«Таким черепашным шагом вы, товарищи иудеи, недалеко уйдете. Или техника вас в лес спихнет, или того хуже – фронт обгонит, – подумала Катрин. – К немцам вам уж точно нельзя».

– Вы бы поторопились, товарищи. В ближайшие часы здесь такая каша заварится. Не стоит вам Красной Армии мешать.

– Как мешать? – испугался мужчина. – До границы сорок верст. Сражение там будет. Не пустят ведь германца? Или не так? Как же с пактом о ненападении? Мы читали. Разве то не провокация, не пограничный конфликт, а, товарищ?

– Сражение будет обязательно. Только фашист, он ведь тварь скользкая, в любую щель просочится. Так что не мешайте боевым действиям. Живенько езжайте отсюда.

– Даремно мы папу зальшылы. Нэ збэрэже вин дом, та сам загынэ, – с дрожью в голосе пробормотала женщина.

– Докуда нам идти, товарищ? Вы ведь знаете, скажите? – напряженно спросил мужчина. – Скажите, как советским гражданам.

Катрин посмотрела на детей.

– Чем дальше, тем лучше. Война сейчас мобильная – самолеты, танки. Вы за международным положением следите?

– А як же, – поспешно ответил возница. – Так куда нам добираться: на Тернополь или надежнее на Жмеринку?

Катрин посмотрела в робкие черные глаза бородатого отца семейства.

– Я вам как советским людям скажу: столицу нашей социалистической Родины мы никому не отдадим.

Давненько Катрин не приходилось видеть такого ужаса в человеческом взгляде.

«Не поверят, – с досадой подумала она, – «настучат» как на паникершу, и поделом».

– Шо то робытсья? – пролепетала черноглазая женщина. – Яков, ты розумиешь, шо пани каже?

– За что вы нам гибель сулите? – тихо спросил возница. – Что у нас за судьба такая?

– Сопли подберите, – грубо проговорила Катрин. – День-два у вас еще есть. Довезете семейство до станции, сажайте на поезд. Телегу продайте или бросьте, а сами... Как совесть подскажет...

Катрин похлопала лошадь по тощему крупу. По старой памяти девушка испытывала слабость к клячам.

– Ускоряйтесь, товарищи. По-стахановски...

– Может, тебя подвезти? – спросила черноокая девушка. – Тебе ведь в Жечуб?

– Спасибо, за мной машина придет. Можно тебя на секундочку?

Девушка спрыгнула с телеги и пошла рядом с Катрин.

– Тебя как зовут?

– Дора.

– Понимаешь, Дора, меня по тревоге подняли. Схватила вот, – Катрин подергала себя за ворот гимнастерки. – Значок на блузке остался. Мне в штаб ехать, неудобно, инструктор все-таки. Не выручишь?

– А я? – дернулась черноокая девушка.

– Я тебе расписку напишу. И потом... Вы поосторожнее. На националистов можете наткнуться. Сейчас всякая шваль с оружием повывлазила. А ты еще и со значком...

– Я не боюсь! – вскинула нос Дора.

– Не будь душой. Глупо умирать – непростительное пижонство. Война будет долгой, – Катрин поспешно раскрыла портфель, принялась царапать карандашом на бланке с печатью.

Дора неохотно отвинтила значок.

«Комсомольский значок принят у тов. Фабелинской Д.Я. для нужд действующей армии. Инструктор райкома ВЛКСМ». Катрин украсила дивный документ красивой росписью.

– Счастливо, товарищ Дора. Торопитесь, здесь в ближайшее дни бои начнутся...

Скрип телеги, ускорившейся на целых полметра в минуту, стих вдалеке. Катрин проковыряла дырку в гимнастерке, привинтила значок и с чувством исполненного долга уселась на портфель. Рубиновый флажок вызывал сложные чувства. Ладно, не будем трогать чужие идеологические принципы. Здесь за такой значок пристрелить запросто могут, а значит, носить его не так уж стыдно.

Колонна появилась только часа через полтора. Рычание двигателей девушка услышала издали. По дороге промчались два мотоцикла с колясками. Катрин разглядела торчащие стволы пулеметов, запыленные каски бойцов, лица, скрытые большими очками. За мотоциклистами проскочил танк. Скорость движения несколько озадачила девушку. Ладно, мотоциклы, но и «БТ-7»¹¹ едва ли уступал юрким тарахтелкам в скорости. Сидящую в кустах Катрин окутало густым облаком пыли. Ни хрена себе – дождалась. За танком на такой же приличной скорости потянулась длинная вереница «ЗИС-5» и полуторок, крытых брезентом.

Раздумывать было некогда. Катрин, прижимая к себе портфель, бросилась к дороге. Задержала дыхание, чтобы не наглотаться пыли, поднявшейся до небес, и запрыгнула на подножку грузовика.

– Куда?! – взвизгнул усатый техник-интендант 2-го ранга. – Не положено, гражданка!

Катрин бухнула ему на колени портфель.

– Назад! – завопил техник-интендант, хватаясь за кобуру «нагана».

– Столкните ее, под арест попадем! – закричал водитель и, цепляясь за баранку, потянулся ударить девушку в лицо.

– Сидеть! – заорала Катрин. – Ты у меня сам под трибунал пойдешь, чмо необученное.

Девушка свободной рукой выдернула из кармана гимнастерки свое удостоверение, сунула под нос командиру.

– Развели анархию, товарищ техник-интендант. Думаете, раз война, так и управы на вас нет? Мне в штаб дивизии, срочно. Дело первостепенной важности.

– У всех первостепенной, – пробормотал техник, пытаясь разглядеть прыгающее перед носом удостоверение.

---

¹¹ «БТ-7» – легкий колесно-гусеничный советский танк.

– У меня важнее, – партия приказала. – Катрин на всякий случай убрала удостоверение, а то еще вычитает товарищ с двумя кубиками что-нибудь не то. – Мне еще из Жечуба возвращаться. Главное – штаб дивизии на месте застать.

– Сначала я вас в Особый отдел сдам.

– Сделайте одолжение. Мне как раз туда нужно. Ты, товарищ техник-интендант 2-го ранга, как будто не советский человек. Тебе что, моего удостоверения недостаточно? Поддержал бы девушку, пока я под колеса не слетела.

Действительно, грузовик трясло немилосердно.

Техник нерешительно ухватил Катрин за локоть.

– Что ты меня будто кисейную барышню держишь? – засмеялась она. – Лучше я в кузове посижу.

– Сорветесь, – пообещал водитель.

– У меня двадцать прыжков с парашютом. – Катрин ухватила за борт. Закинула длинную ногу.

– Не положено! – с опозданием закричал техник.

– Портфель мой держи, – ответила девушка, перебираясь в кузов. Действительно, сорваться было проще простого. Со слегка ушедшим в пятки сердцем Катрин уселась на брезенте. Под многострадальной задницей оказались жесткие снарядные ящики. Держаться неудобно. С полуторки, шедшей следом, всю глазели. Акробатический этюд явно произвел впечатление.

Катрин вытерла косынкой лицо. Мимо промелькнул пруд. Колонна уже вошла на окраины большого села. Промелькнул пост с пулеметом, наскоро зарытые в землю противотанковые пушки, загнанный во двор и замаскированный ветвями броневик. Снова машины, прицепы, снующие между плетней красноармейцы.

Колонна начала притормаживать.

Катрин заколотила по кабине:

– Где Особый отдел? Давай туда!

Из кабины донесся неразборчивый, но явно неласковый и сугубо отрицательный ответ.

Девушка и сама знала, что отделяться от колонны и развозить ее по селу никто не будет.

И не надо.

– Портфель давай. Ничего не знаете, разъезжаете здесь, как махновцы. Я вот доведу до кого надо...

Наглость – второе счастье.

Катрин, держа портфель под мышкой, прыгнула с подножки и с независимым видом отправилась в обратную сторону. На нее поглядывали, но без особых подозрений. Во-первых, на улице мелькали местные жители, а во-вторых, все военные были заняты делом. Девушка проскочила между грузовиками бесконечной колонны, нырнула в проулок. Как бы штаб дивизии отыскать? Спрашивать не будешь, останавливаться и высматривать – тоже не лучшая идея.

Жечуб оказался селом зажиточным. Из-за заборов свисали ветви яблонь и слив, аккуратно мощенные улицы повели девушку к центру села, где над крышами домов торчала колокольня. Еще выше кружилась стая голубей. Мирная картина. И куда только органы смотрят? Даже птичек не реквизируют. Шпионы, наверное, шлестят табунами.

Катрин вышла на улицу, сплошь заставленную техникой. Запахи бензина, навоза и новенькой амуниции густо смешались с ароматом свежесваренного борща. Стрелковая рота, усевшись вдоль зеленых заборов, поглощала поздний обед. Звякая ложками, красноармейцы провожали взглядами девушку. «Чего уставились, ну, порвался немножко сарафан», – подумала Катрин, глотая слюну. Есть хотелось ошутимо. Пить еще сильнее. «И не мечтай».

Девушка протиснулась мимо тягача с гаубицей, непонятно что делающих на сельской улице. «Ворошиловец»¹² ужасающе вонял соляркой. У Катрин запершило в горле.

Они что, офигели? Обед по расписанию, забытые улицы, никакой маскировки? Люфтваффе уже отменили? Здесь даже зениток нет.

Зенитки все-таки были. Катрин завернула за угол и увидела установленный на машине пулемет «ДШК». Боец рядом, задрал голову, обозревал в бинокль безоблачное небо. Из дома напротив вышла группа командиров. Мелькнули шпалы на петлицах. На всякий случай Катрин деловито направилась в другую сторону. Так и действительно в Особый отдел загремишь.

Девушка миновала цепочку бойцов, рысцой несущих куда-то ящики с патронами. Впереди улицу почти перегородила пожарная машина. Вот черт! Ну и мешанина в этом Жечубе. Пора заканчивать блуждания вслепую.

Катрин увидела младшего политрука с танками на петлицах и живо преградила ему путь.

– Товарищ политрук, где я могу найти политотдел 64-го танкового полка?

Юный политработник настороженно оглядел девушку. Катрин без слов достала удостоверение.

– Зачем вам политотдел полка? – по-прежнему настороженно спросил политрук. – Здесь гражданским быть не положено. Обратитесь в райком, товарищ инструктор. В распоряжении частей вам делать нечего.

– Что значит «делать нечего», товарищ танкист? Мы, все как один, должны встать на защиту Родины. А в распоряжении 64-го полка остались комсомольские документы строгой отчетности. Вы понимаете, что произойдет, если они хоть на час попадут в руки немцев? – Катрин страстно прижала к себе портфель.

– Политотдел полка не допустит такой ошибки, – заверил младший политрук. – Мы тут не щи лаптем хлебам, девушка. Пойдемте. Я провожу вас во временную комендатуру. Там вам помогут—...парень вежливо пропустил девушку впереди себя.

«Ох, сейчас мне помогут», – подумала Катрин, покорно поворачивая назад.

Они успели дойти до знакомого перекрестка, как вдруг раздался истошный вопль:

– Воздух!!!

Все накрыла волна грохота. Катрин так и не поняла, что ее оглушило сначала: рев двигателей или взрывы.

Над домами промелькнули две тени. Пара «Ме-109»¹³, поливая улицы пулеметным огнем, прошла на бреющем полете над Жечубом от края до края. Вряд ли неприцельные очереди нанесли серьезный урон бойцам, в основном прикрытым стенами домов и деревьями. Но психологический шок оказался потрясающим.

Мельком Катрин увидела побледневшее лицо политрука. Парень, остолбенев, смотрел на пулевые отверстия в давно не крашенных серых досках забора.

На улицах мгновенно воцарился хаос. Бежали красноармейцы, кричали командиры. Водители большинства автомашин и тракторов пытались одновременно завести двигатели. Громко кричал раненый. Где-то на окраине слышались все новые и новые взрывы.

Вслед самолетам с опозданием ударил пулемет. Трещали винтовочные выстрелы. Из-за забора, сквозь рев автомобильного двигателя, слышался отборный мат. Полуторка, груженная катушками с телефонным кабелем, разворачиваясь, завалила сарай и застряла в досках задними колесами. Теперь какой-то капитан пытался заставить испуганного водителя заглушить мотор.

---

¹² «Ворошиловец» – тяжелый артиллерийский тягач.

¹³ «Ме-109» – «Мессершмитт Bf-109». Немецкий истребитель. Применялся в качестве дневного и ночного истребителя, истребителя-бомбардировщика, тактического разведчика.

– Куда стреляют? Десант? – напряженно спросил политрук, стараясь разглядеть, что происходит дальше по улице.

– Это наша система ПВО, – пробормотала Катрин. – Ты бы лучше присел...

Гудение в высоте нарастало.

Девушка плюхнулась в бурьян у забора. Миг – и пулеметные очереди заглушил рев моторов. Прямо посреди дороги запрыгали фонтанчики пыли. «Как в кино», – с ужасом подумала Катрин, вжимаясь носом в лебеду.

Рев едва не зацепившего колокольню «Мессершмитта» смолк так же неожиданно, как появился. За углом дома бессмысленно бил в небо «ДШК». Поднимался дым от бортов грузовика с распахнутыми дверцами. Люди, лежащие по улице, начали поднимать головы.

– Да куда ж крупнокалиберный стреляет? – с досадой спросил младший политрук. Парень так и не лег, только еще заметнее побледнел.

– Десант отражает, – Катрин выплюнула горькую лебеду. – Ты чего столбом стоял? Пулю раньше всех поймать хочешь?

– Пойдемте, – мрачно сказал парень и поднял портфель Катрин.

– А что, уже отбой воздушной тревоги был? – осведомилась девушка, поднимаясь на колени. Следовать в штаб под конвоем ей страшно не хотелось.

– Был. Наверное, был, – политрук поправил фуражку. Пальцы у него вздрагивали.

«У него первый налет. А у меня аж второй, – с довольно глупым удовлетворением подумала Катрин. – У меня шок полегче. Скоро привыкну».

Они успели повернуть на знакомую девушке улицу. Стояла машина с пулеметом. На зенитчиков орал злой и встрепанный старший лейтенант. У крыльца толпились командиры, громко и возбужденно переговариваясь. Для большей части личного состава налет оказался первой встречей с противником.

Кто снова закричал «Воздух!», Катрин так и не поняла. Командиры, стоящие впереди, задрали головы. Со стороны солнца, оставаясь почти невидимым, падало звено «Ju-87»¹⁴. В какой-то момент в уши вонзился ужасающий вой. И эти сирены, эти хищные очертания круто несущихся к земле бомбардировщиков, шасси, вытянутые, словно когтистые лапы птеродактиля, нагоняли какой-то первобытный ужас. Большинство людей завороченно смотрели на несущуюся с неба завывающую смерть.

Катрин схватила себя за расстегнутый ворот гимнастерки. Нет, клык-талисман хранился в облупленном сейфе отдела «К». Все равно помогло.

– Ложись! – Катрин рванула политрука за рукав, увлекая под колеса грузовика зенитчиков. Очень хотелось поглубже заползти под воняющую бензином ненадежную защиту, как будто она поможет. На голую ногу девушки больно наступил сапог прыгнувшего с машины красноармейца.

– Ой, гад! – завопила Катрин, не слыша сама себя в выматывающем душу вое.

– Куда? – рванулся следом за удирающими пулеметчиками младший политрук. Катрин удержала его за ремень.

Вой сверху плавно сменил тон. Самолеты с торжествующим ревом один за другим выходили из пике. Тонкий сверлящий свист падающих бомб...

Земля подпрыгнула, ударила в лицо. Катрин показалось, что она оглохла, ослепла и разучилась дышать.

Первая серия бомб легла совсем рядом, следующие ближе к восточной окраине села. Под грохот удаляющихся разрывов Катрин подняла голову. Пробки в ушах потихоньку рассасывались. Снаружи все еще гудели самолетные моторы, стучали пулеметные очереди. Политрук лежал рядом, двумя руками удерживая на затылке фуражку. В легких жгло от едкой тротило-

---

¹⁴ «Ju-87» – «Юнкерс-87 В», пикирующий бомбардировщик. Бомбовая нагрузка – 700 кг.

вой вони. Пулемет сыпал тяжелым горохом, казалось, прямо по голове. Катрин поняла, что, собственно, так и есть – бил пулемет на машине, под которой девушка отлеживалась с младшим политруком.

Девушка толкнула соседа локтем и прокричала:

– Тебя как зовут?

– Василий, – ответил, приподнимая голову, парень. Глаза темнели на меловом лице.

– Слышь, Василий, – Катрин ткнула большим пальцем вверх, – народ бьется. Может, выйдем, взглянем?

Дом на противоположной стороне улицы горел. Заборы, снесенные взрывной волной, целыми пролетами разлетелись по изменившейся до неузнаваемости улице. Два дома превратились в груды развалин. Торчали ветви поваленных яблонь, ярко блестели осколки вылетевшего из дома зеркала.

Старший лейтенант, несколько минут назад ругавший нерадивых зенитчиков, стоял за пулеметом. «ДШК», задрав ствол к солнцу, бил в сторону мелькавших в клубах дыма истребителей. Верткие остроносые силуэты снова и снова проходили над улицами, забитыми незамаскированной техникой тылов дивизии. Столбов черного дыма от горевших машин и тракторов поднималось не меньше десятка.

Катрин запрыгнула в кузов грузовика.

– Пошла вон! – не оборачиваясь, прокричал старший лейтенант. Его плечи тряслись в нескончаемой судороге пулемета. На кончике ствола плясал оранжевый веселый тюльпан.

В грохоте девушка не расслышала нелестных слов, но легко догадалась.

– Щас разберусь, – Катрин принялась отдирать хитрую защелку, прикрепляющую короб с запасной лентой к борту грузовика.

«ДШК» захлебнулся, доев ленту. Девушка, наконец, освободила короб с патронами, но ее опередил младший политрук. Старлей-зенитчик кинул пустую коробку на пол. Подхватил из рук незваного помощника полный короб, обдирая пальцы, заправил ленту. Молчание пулемета, издевательское жужжание ведущих свою безнаказанную круговерть истребителей вонзалось в сознание всех троих, как раскаленный гвоздь. Должно быть, старший лейтенант с пушками на петлицах понимал лучше других, что вряд ли пулемет достанет истребители на дистанции свыше двух километров. Но не отвечать врагу было еще хуже. Когда пулемет продолжил свою дробь, не только трое в кузове, но и десятки бойцов и командиров вокруг вздохнули свободнее.

Пулемет успел высадить еще ленту. Катрин опустила бинокль.

– Ушли...

Старший лейтенант и сам видел. От замолкшего пулемета пахло раскаленной сталью и порохом. Знакомый запах.

– Не расстраивайтесь, товарищ старший лейтенант. В следующий раз попадете.

– А?! – громко произнес старлей. Как и все, он порядком оглох. – Вы что здесь делаете?

– Веду наблюдение, – Катрин повесила бинокль на пулеметную турель. Под тонкими подошвами тапочек катались гильзы. В глазах все еще мелькали неуловимые силуэты самолетов с черно-белыми крестами.

Политрук спрыгнул с кузова вслед за девушкой. По улице, перепрыгивая через поваленные заборы, пробежали санитары с носилками.

– Где же наша авиация? – с недоуменной тоской спросил политрук. – Есть же у нас истребители?

– Фронт длинный. Наша авиация прикрывает стратегические участки. А нам придется надеяться на себя, – дипломатично предположила Катрин.

Младший политрук диковато посмотрел на нее. Очевидно, всерьез предполагал, что эскадрильи сталинских соколов обязаны затмить небо от тайги до британских морей.

Куда делись советские истребители, девушка примерно представляла, а вот что здесь делают немецкие бомбардировщики? По расписанию отдела «К» никаких активных действий люфтваффе в районе Жечуба не предполагалось. Или это пассивные действия?

– Пойдем, Вася. Запросто могут снова налететь.

Младший политрук решительно отряхнул фуражку.

– Ты извини, я к своему взводу пойду. Хотел в отдел пропаганды заскочить. Бойцы о газетах спрашивали. Да уж не до новостей сейчас. Должно быть, вот-вот команда на марш последует. А ты туда двигай, я старшего политрука из вашего 64-го у колодца на окраине видел, когда мы сюда втягивались. И машины штабные там тоже вроде стояли. Счастливо, товарищ инструктор.

– И тебе счастливо, товарищ младший политический руководитель. – Катрин смотрела, как бежит, придерживая полевую сумку и кобуру с «наганом», юный Вася, фамилию которого она так и не узнала. Мальчишка, верящий в коммунизм и вездесущих сталинских соколов.

* * *

До штаба дивизии майор Васько добрался на мотоцикле. Следы налета пикировщиков виднелись еще на подступах к селу. Сползший в кювет «БТ-5», сгоревшие полуторки, разбросанные искореженные обломки противотанковой пушки. И тела, выложенные в ряд вдоль дороги. Майор знал, что убитых будет много. И очень редко они будут лежать с бережно прикрытыми лицами. У страны много лиц. И пока еще много танков. Но соотношение будет меняться. И он, Васько, здесь для того, чтобы отдать сотни танков и тысячи жизней как можно дороже. Хотя бы одну советскую машину на какой-нибудь паршивый «Т-II». Нет, его полк обойдется немцам подороже.

Ты меняла, майор Васько. Торгаш.

Да, и поэтому танк тебе сейчас ценнее людей. И бойцы, и машины обречены. Но танк, заправленный, с полным боекомплектom, дороже одной жизни, потому что непременно спасет сотни других. Выиграть время. И ударить. Ударить больно. Танки. Даже такие устаревшие, почти выработавшие свой моторесурс, как вот этот подбитый «БТ-5», могут больно кусать немцев.

Майор Васько слишком много знал. Он знал, что сейчас на него будет кричать и материть за опоздание начштаба дивизии. Но с должности не снимет. Снять без приказа комкора никто не решится. А генерал-лейтенант сейчас на правом фланге корпуса, и ему не до опоздавшего полка. Опаздывают все дивизии. Опаздывают выполнить один приказ и уже получают другой. Приказы, приказы, приказы... Танки выжигают горючее, глохнут от неисправностей в двигателях, вязнут в многокилометровых пробках...

Этой ночью 64-й танковый полк майора Васько не выполнит сразу несколько приказов. Командира полка должны будут снять завтра. Но завтра будет поздно. Корпус всеми своими дивизиями нанесет контрудар.

Со вчерашнего дня майор Васько был спокоен. Он знал, что война начнется, и она началась. Вчерашний полностью уничтоженный батальон мотопехоты и сильно потрепанный мотоциклетный батальон немцев – только начало работы.

Сейчас 64-й полк укрыт в рощах на южном фланге сосредоточенной у Жечуба дивизии. За полтора дня полк потерял двенадцать человек ранеными и убитыми. Все машины, вплоть до хлебовозки, исправны и готовы к маршу. Горючего на три заправки. Полк усилен двумя десятками старых «Т-35»¹⁵. И еще, по странному стечению обстоятельств, зенитно-артиллерийский дивизион полка едва ли не превосходит по мощи все вместе взятые средства ПВО дивизии.

---

¹⁵ «Т-35» – устаревший к 1941 году тяжелый многобашенный советский танк со слабой броней и мощным вооружением.

И еще, майор Васько глянул на хранящего непроницаемый вид помощника начальника оперативного отдела корпуса майора Семаху, – пока тебе верят.

Начальник штаба дивизии выдохся. Действительно, запасы мата тоже не беспредельны. Эстафета перешла к заместителю по политической части. В общем-то правильные слова о стойкости, бдительности и неукоснительном выполнении приказов майор Васько слушал с нетерпением. Минуты текли. За остаток дня и ночь предстояло сделать многое.

* * *

Катрин сидела на лавочке и внимательно читала дурацкий циркуляр по усилению атеистической работы среди сельской молодежи. Газета была бы интересней, но здесь чтение старой прессы вызвало бы небеспочвенные подозрения. А так, работает человек с документами – значит, при деле. Для убедительности девушка черкала карандашом среди машинописных строк.

Еще часок – и тебя точно возьмут за попу.

Ближе к штабу подойти нельзя, и так помог сумбур, воцарившийся в селе после бомбежки. Красноармейцы больше следили за воздухом, чем за потенциальными диверсантами. У штабных машин сновали командиры и бойцы комендантской роты. То и дело подъезжали грузовики и мотоциклы. За время, проведенное за компьютером, Катрин приблизительно ознакомилась с техническим оснащением РККА, но все равно количество двух- и трехколесных стрекочущих агрегатов удивляло. Кто б мог подумать, что байкеры у Сталина в такой чести? В танковой дивизии насчитывалось больше сотни мотоциклов.

Вот еще прострекотали. Стоп! Похож. На зрение девушка не жаловалась. Звания отсюда, конечно, не разглядеть. Но похож. Среднего роста командир в хорошо подогнанном танковом комбинезоне неуловимо отличался от окружающих. Может быть, сосредоточенностью. И прямой спиной. Ни возбуждения предбоевой суетой, ни скованности и растерянности человека, в первый раз оказавшегося под бомбами. Нет, кратковременную панику она видела только во время налета. Сейчас все занимались своей воинской работой. По крайней мере здесь, в штабе дивизии. Кадровые войска советских ударных механизированных корпусов все еще оставались уверенными в своих силах.

Но если человек, чью спину видела Катрин, действительно тот, кого она ищет, то он должен быть уверен в другом.

Девушка подскочила, прошлась вдоль лавочки. Только спокойнее. Застегнуть портфель, сосредоточиться. Сколько он там пробудет? Если он – действительно майор Васько. А вдруг его вызвали, чтобы арестовать? Катрин хоть и отдаленно, но представляла, по какому тонкому лезвию идут внедренные в 41-й год офицеры отдела «К».

* * *

Майор Васько без эмоций выслушал очередной приказ. Уже четвертый за сегодня и седьмой за два дня войны. Рубеж: село Груда – Красна Ярына, выйти туда к 23.00. Бесполезно. Артиллерийский полк не успеет. Развернуть бы его сразу на Квасно. Сколько бы тонн горючего сохранили. И потери от завтрашних бомбежек сократились бы втрое. Руки у тебя короткие, майор. Не достучался ты до 34-го гаубичного.

В кратком обсуждении предстоящего марша Васько принимал мало участия. Его полк пойдет другим маршрутом. Оправдания изменению маршрута придумаем завтра. Если эти оправдания еще будут кому-то нужны.

Отпустили. Майор с облегчением вышел из душной штабной палатки. Завтра будет еще жарче. Он наскоро переговорил с комполка мотострелков и начальником связи дивизии. Ника-

ких изменений – командиры настроены решительно. Рядом мотористы возились с дизелем радиостанции. Еще не знают, что сейчас опять придется грузиться.

Сержант завел мотоцикл, едва увидев командира. Васько одобрительно кивнул. Хорошо, что хоть кого-то не надо ежеминутно подгонять, подталкивая в шею. Да и вообще, на своих, полковых, пока пенять не приходилось.

– Давай, Петров, двигаем обратно. Поужинать успеем.

Мотоцикл с автоматчиками сопровождения уже вырулил к КПП. Майор запрыгнул в коляску, сержант лихо газанул. Привычно меняя фуражку на танковый шлем, Васько увидел часовых, пытающихся оттеснить странную девицу с нелепым толстым портфелем. Гражданка попалась настойчивая, нырнула под штык, чуть не опрокинула второго бойца, кинулась прямо под мотоцикл. Звонко заорала:

– Товарищ майор!

Сержант с трудом избежал столкновения, мотоцикл подпрыгнул на разбитой гусеницами дороге.

– Зеваешь, Петров, – поморщился Васько.

Промелькнуло злое лицо девицы, красивая шея, открытая анархистски распахнутым воротом гимнастерки. Черт-те что у них здесь делается. Развели коммунистическую дисциплину.

– Твою мать, майор! Тюнинг тебе в —...громко пожелала девчонка.

Пьяная, что ли? Особому отделу нечем заняться. Майор оглянулся. Девица с яростным выражением на загорелом лице показывала оттопыренный средний палец.

На скорость реакции майор Васько не жаловался, но на этот раз до него дошло только метров через сто.

– Стоп, Петров. Давай назад...

* * *

Штабной автобус, две «эмки» и вся остальная техника штаба полка походила на еще одну рощу у опушки леса. Более тщательно замаскированного подразделения в дивизии просто не существовало.

Ближе майор Васько девушку не пустил. Разговаривали под дикой грушей на обочине полевой дороги. Мотоцикл с сержантом ждал в десяти метрах впереди, даже не заглушив двигатель. Под треск мотора Катрин назвала пароль, передала краткое сообщение. В течение нескольких секунд лицо майора не выражало абсолютно ничего. Потом он коротко спросил:

– Почему Тарасов арестован?

– Понятия не имею. И отдел не имеет сведений.

Васько поморщился.

– В отделе знают, что без поддержки 4-го корпуса операция теряет стратегический смысл. Зная причины задержания подполковника Тарасова, мы могли бы его вытащить. Связь со штабом армии устойчивая, и там есть к кому обратиться.

Катрин молчала. О деталях происходящего уровнем выше этой полевой дороги она не имела ни малейшего понятия.

Майор глянул в ее удостоверение:

– Какое у вас звание, Екатерина Григорьевна? Имею в виду – Там.

– Сержант—...с некоторым колебанием ответила Катрин. Хрен его знает, можно ли считать себя на службе, если ни разу не получала жалованья?

– Товарищ сержант, в силу сложившихся обстоятельств поступаете в мое распоряжение. Ответственность беру на себя.

– Есть в ваше распоряжение, – в шоке ответила Катрин.

«Откуда только знание устава у тебя, дура?»

– В лицо Тарасова узнаете?

– Так точно, – девушка неоднократно видела на фотографиях в отделе круглощекое подполковника, агента отдела «К» в 12-й дивизии.

– Выясните подробности его ареста, доложите мне. Радиста и сопровождающего ждите здесь. В штаб 4-го корпуса они вас доставят. Лейтенанта можете максимально использовать, парень надежный. Его в корпусе знают. Попробуйте действовать через начальника артиллерии. Очень коммуникабельный товарищ, – в голосе Васько промелькнуло легкое презрение, едва ли не единственное проявление человеческих эмоций за время разговора. – Документы у вас останутся прежними. Единственное, что я могу успеть сделать, – командировочное предписание за печатью дивизии. Задание выполнить до 4.30. Желаю успеха.

– Товарищ майор, – остановила Васько слегка опомнившаяся девушка, – мне нужна одежда.

Командир полка с недоумением окинул ее взглядом с ног до головы. Просвечивающие сквозь истончившийся ситец ноги волновали майора мало.

– Рост? Размер ноги?

– 180, 37, – отрапортовала Катрин.

– Танковый комбинезон устроит?

– Вполне, товарищ майор.

Васько кивнул.

– С обувью не помогу. В полку таких размеров нет.

– Ясно, товарищ майор. Личное оружие?

Майор в первый раз взглянул ей в глаза.

– В любые столкновения ввязываться категорически запрещаю. Немцев здесь пока нет. Оружие вам не понадобится.

– Здесь и авиационных налетов не должно быть. Жечуб порядком пострадал.

– Знаю. Это случайность. Аэродром в Лидовцах удалось прикрыть от вчерашних немецких налетов. Наша авиация успешно действует в районе Владимир-Львовский. Вероятно, поэтому немцы ударили по незащищенному Жечубу.

– Могут быть еще подобные случайности.

Васько молча расстегнул кобуру. Протягивая «наган» рукояткой вперед, сухо сказал:

– Сорвете операцию, пойдете под трибунал.

– Так точно. Патроны—...напомнила Катрин.

Майор выгреб из кармашка в кобуре запасные патроны, высыпал в ладонь девушки и, не прощаясь, быстро пошел к мотоциклу.

Ошеломленная Катрин плюхнулась на портфель. Мотоцикл сурового Васько умчался. Над головой шелестела глянцевыми листочками груша. Солнце медленно склонялось к горизонту. Если не считать отдаленного урчания канонады, ничто не напоминало о войне. Но завтра будет не так. И ночью... «Во что ты ввязываешься? Разве ты на это подписывалась? Да ты просто не в состоянии выполнять такие задания. Одно дело быть связной... Ты что, Штирлиц? – Катрин тупо сжимала в ладони патроны. – Васько – не майор, а рельс какой-то бесчувственный. Куда девку посылает? А ты, неполноценная, зачем револьвер выпросила? И вправду воевать собралась?»

Девушка высыпала патроны в подол, сдвинула ладонями виски. «Может, уйти прямо сейчас? Задание ты честно выполнила. А дальше что от тебя толку?»

Катрин вспомнила о вое самолетов над селом, о разрыве бомб, о телах у дороги. Озверелое лицо старлея-зенитчика. Увидела страницы учебника истории с казенными, равнодушными, а по сути такими жуткими фразами.

Подол сарафана стал похож на голубенькую марлю. Шов разошелся, но это уже не имело значения. Гимнастерка еще держалась. Катрин пересыпала в нагрудный карман патроны. «Наган» спрятала за пазуху. Довольно корявое оружие, так просто не извлечешь.

Полуторка резко затормозила, подняв облако пыли. «И здесь Шумахеры водятся», – подумала Катрин. Из кабины лихо выскочил лейтенант, подбежал, четко козырнул:

– Лейтенант Любимов. Поступаю в ваше распоряжение, товарищ инструктор.

– Почему задержались? – сурово спросила Катрин, разглядывая румяного юного парнишку со значком снайпера на гимнастерке. Майор мог бы выделить в сопровождение кого-нибудь попреставительнее. Росту в делегате связи было от силы метр шестьдесят, а веса наверняка поменьше, чем в мешке картошки. Как его только ветром не сдувает?

От вопроса высоченной инструкторши лейтенант еще больше зарумянился.

– Запчасти перегружали. Машин свободных не было.

«Может, мне снять с мальчишки сапоги да и отпустить? – подумала Катрин. – Нет, за что я его так позорить буду?»

– Рацию проверили? Тогда поехали, – девушка взяла запечатанный пакет. – Дорогу знаете?

– Так точно. И водитель знает—...лейтенант открыл перед девушкой дверь кабины, но Катрин кинула портфель в кузов.

– Я с ветерком...

Лейтенант смущенно попытался помочь, просвечивающий сарафан вогнал его в совсем уж помидорный румянец.

Грузовик рванул с места. На девушку выжидающе смотрел боец с топориками на петлицах. Рядом стоял заботливо прикрытый шинелью ящик рации.

– Здравствуйте, товарищ ефрейтор. К работе готовы?

– Так точно, товарищ инструктор, – бойко отрапортовал красноармеец. – Вот, вам приказано передать...

В свертке, кроме серого комбинезона, был новенький командирский ремень и пилотка.

– Прекрасно. Как зовут?

– Ефрейтор Сопычев, старший радист саперной роты. Откомандирован в распоряжение лейтенанта Любимова.

– Значит, временно и в мое, – Катрин оглянулась по сторонам.

Машина резво неслась по дороге. Проселок оставался безлюдным. Солнце уже садилось, и полуторка пролетала сквозь длинные тени ветвей. В животе стало как-то тревожно. Возможно, от голода.

– Вы, Сопычев, понаблюдайте пока, как там сзади. Мало ли что, вдруг немецкие мотоциклисты просочились.

– Да откуда здесь немцы? Мы ведь пока в тылу...

– Наблюдайте, Сопычев. Внимательно. Мне себя в порядок привести необходимо.

– Понял, – проронил догадливый Сопычев и, прихватив винтовку, перебрался к заднему борту.

Катрин торопливо переоделась. Занятие, учитывая скачущую козлом полуторку, небезопасное. Избежать заноз и синяков в общем-то удалось. Девушка затянула ремень, переложила «наган» во внутренний карман и вздохнула с облегчением. Штанины комбинезона оказались длинноватыми, пришлось подвернуть. – Сопычев, вам сухой паек выдали?

Вскрывать банку тушенки пришлось отомкнутым от винтовки штыком. Ефрейтор заикнулся, в том смысле, что так штык использовать не положено. В ответ голодная Катрин заявила, что опытному бойцу необходимо носить с собой карманный нож. Из банки уже удалось выковырять добрую половину содержимого, когда машина остановилась на окраине села. Из кабины высунулся лейтенант.

– Кривенцы. Тут наши стояли из разведбата. А сейчас пусто.

Катрин с трудом пропихнула в себя кусок волокнистой говядины.

– Нам объезд искать некогда. Давайте здесь не маячить. Проскочим, пока не стемнело. Главное – энергичненько.

Почти тут же девушка раскаялась в своем неосмотрительном указании. По пустынной улице полуторка неслась так, как будто под капот вместо сорока лошадиных сил запихнули все сто двадцать. На перекрестке водитель чудом увернулся от черной груды металла. Сожженная «эмка» еще источала дым и резкий запах гари.

Первых выстрелов Катрин не услышала. От пробитого борта отлетела щепка. Сопычев суетливо вскинул винтовку, выпалил куда-то в сторону мелькавших домов. Полуторка еще прибавила ходу, громящая всеми частями и оставляя за собой пыльный шлейф, вырвалась за околицу. Вслед хлопнула пара выстрелов.

– Ты куда стрелял, Сопычев? – прокричала Катрин.

– Блеснуло что-то. За окном навроде, – ефрейтор сосредоточенно шелкнул затвором, досылая новый патрон.

– Вы, товарищ ефрейтор, поосторожнее. Подстрелите местного педагога или старушку какую-нибудь.

– Что ж, в нас палят, а мы, выходит, молчать должны? Все они здесь – белохохлы, только и ждут момента в спину бабахнуть, – уверенно заявил ефрейтор.

Машина остановилась. Из кабины высунулся лейтенант. Фуражка лихо съехала на ухо, в руке «наган».

– Все целы?

– Все, все, – успокоила Катрин. – Вы тоже стреляли?

– Да я и разглядеть ничего не успел. В кого стрелять-то?

– В белохохлов.

– В кого?!

– Поехали, потом разберемся.

До штаба корпуса добрались уже в темноте. Снова танки, артиллерия, десятки автомашин, стоящие практически без маскировки. Катрин знала, что до утра вся эта армада строится с места в новом многокилометровом марше, опять заведомо запаздывающем и поэтому бессмысленном.

Машина миновала два контрольно-пропускных пункта. В торопливых и коротких вспышках фонариков проверки Катрин в своем комбинезоне и пилотке подозрений не вызвала. Документы посмотрели только у старшего по машине. Собственно, у девушки теперь имелось почти самое настоящее командировочное предписание за подписью командующего 4-м мехкорпусом. Ну, пока не понадобилось, тем лучше.

Машина остановилась у зарослей на берегу мелкого ручейка. Очевидно, где-то недалеко был коровник. Густо несло навозом и свежей, измолотой гусеницами зеленью. Катрин и лейтенант отошли от машины и устроили совет.

– Вы, товарищ инструктор, здесь ждите. А то вопросов не оберемся. Время горячее, женщин здесь мало, – извиняющимся тоном предложил Любимов.

– Согласна. Тем более вид у меня—... Катрин развела руками.

– Вид как раз боевой, – лейтенант зачем-то одернул собственную гимнастерку, поправил кобуру и полевую сумку. – Но... как-то непривычно. В платье, я имею в виду, было... У вас в Москве... Наверное, в смысле...

– Лейтенант, вы не задерживаетесь? – сочувственно поинтересовалась Катрин. – Задание у нас срочное, идите быстрее. И не волнуйтесь.

– Есть, – с облегчением проронил парень и стремительно исчез в темноте.

Катрин вернулась к машине. Наказала Сопычеву проверить рацию и отдыхать. Ефрейтор заверил, что рация работает как часы, и предложил товарищу инструктору взять шинель, поскольку уже холодно и к тому же комары налетают. От шинели Катрин отказалась и села в кабину. Водитель дремал, подсунув пилотку под щеку.

– Отдыхайте, отдыхайте, – девушка неловко уселась в тесной кабине, – я только хотела спросить, как там у нас с бензином?

– Виноват, задремал. Как в субботу тревогу объявили, так толком спать и не пришлось. А с бензином у нас порядок. В полку полностью заправились.

– Ну и спите тогда. Пока время есть.

Ждать было тяжело. Катрин прошлась вокруг машины. Канонада вроде бы поутихла, отдалилась на север и юго-восток. На противоположном возвышенном берегу ручейка рычали моторы, слышались команды, перемежаемые непременными связующими словосочетаниями. Там формировалась колонна.

Потом шум постепенно стих. Колонна двинулась на север. К утру штаб корпуса должен очутиться гораздо ближе ко Львову.

Дурь какая, – ты знаешь все события на неделю вперед и не имеешь понятия, что творится под носом сию минуту.

Катрин смотрела на звезды. Слишком высокие и мелкие. Дрянь, а не звезды.

Сколько времени прошло? От пропавшего лейтенанта ни слуху ни духу.

Девушка заглянула в кузов к Сопычеву. Ефрейтор безмятежно сопел, уютно устроившись в углу у радиации. Но бдительности не утратил, подскочил, стоило тронуть за плечо. Часов у него тоже не было.

– Не беспокойтесь, товарищ инструктор. До утра обстановка прояснится. Лейтенант Любимов – командир надежный, я с ним уже в двух командировках бывал. Глядишь, еще позавтракать в полку успеем.

Насчет завтрака Катрин как раз была уверена в прямо противоположном. К утру подразделения 64-го полка должны очутиться в пригородах Львова. Если у Васько нет планов, категорически идущих вразрез с исторической действительностью.

Ждать дальше стало невмоготу.

– Сопычев, остаётся за старшего. Если лейтенант вернется, ждите меня минут тридцать. Если появятся проверенные новости, сразу передавайте в полк.

Катрин взяла помятое ведро, поправила пилотку и направилась через ручей.

Штаб свертывался. Мимо девушки проехали крытые машины, звякающие чем-то металлическим и легким. Следом прогремел тягач с противотанковой пушкой на прицепе. Потные красноармейцы грузили тюки с так и не развернутой маскировочной сетью. Какой-то майор громогласно искал сержанта Георгадзе. Мелькали лучи фонариков. На Катрин никто не обращал внимания. Девушка торопливо шла среди всей этой суеты. Сам черт здесь ногу сломит. Где здесь кого найдешь? Совершенно бессмысленная затея.

Катрин вышла в пологую ложину. Большая, похожая на сдутый аэростат палатка лежала на земле. Вокруг второй, такой же, но еще растянутой на кольях, сутились бойцы. Несколько «эмок» ровной шеренгой выстроились под охраной двух броневинов, развернувших пушечные башни в разные стороны. Мимо девушки рысцой пробежала цепочка автоматчиков с новенькими ППШ.

Из палатки вышли несколько старших командиров. Впереди шел генерал-лейтенант. Мелькнуло задумчивое толстогубое лицо сына церковного старосты. Нарочито старомодные круглые очки. Кобура маленького браунинга на боку.

Катрин запнулась. Несмотря на темноту, знакомое по сотням фотографий лицо командующего 4-м мехкорпусом не узнать было сложно. Тем более если знаешь дальнейшую биогра-

фию спасителя Москвы зимой 41–42 гг. и идейного, последовательного борца с большевистской Москвой начиная с 1943 года.

Девушка глупо стояла с пустым ведром. До сих пор она не сталкивалась лицом к лицу с личностями, оставившими следы, или, чего уж там, натуральные грязные лужи в истории.

Генерал-лейтенант прошел менее чем в десяти метрах от девушки. Бригадный комиссар, идущий рядом, что-то негромко говорил комкору.

А может... того? Привести в исполнение будущий приговор Военной коллегии Верховного суда прямо сейчас? Не будет никакой РОА¹⁶, не будет позора этого человека, так упорно пробившегося из рядовых до генерал-лейтенанта. «Наган» редко дает осечки. Даже можно успеть смыться.

«Все ты просчитала, арифмометр недоделанный? А что будет с отступлением растрепанного корпуса? С Киевским котлом и тем же контрнаступлением под Москвой? Слишком сложно».

Катрин навсегда запомнила одновременно и умное, и по-крестьянски грубое губастое лицо, складки кожи на затылке, старушечьи дужки очков...

«Наган» остался в тепле за пазухой. Теперь уже поздно. Командир корпуса сел в «эмку». Хлопнула дверь машины.

– Танкист, ты что столбом застыл? Почему с ведром?

Катрин обернулась. Перед ней стоял грузный майор с орденом Красного Знамени на груди.

– Что ты здесь делаешь, твою мать, спрашиваю?! – В темноте майор, наконец, пригляделся к лицу «танкиста», к светлым волосам. К тому же свободный комбинезон с маскировкой некоторых достоинств девушки справиться явно не мог.

– Вот б...! – вырвалось у орденоносца.

– Никак нет! – обозлилась Катрин. – Инструктор Мезина. Согласно мобилизационному плану, доставила автомашину номер «12–34». Требуется промыть фильтры.

– Какие фильтры?! Совсем спятили? С каких это пор по мобилизации девки вместе с машинами в части прибывают?

– Не девки, товарищ майор, а комсомолки. По решению собрания бригады имени Прасковьи Ангелиной, все девушки как одна решили лично передать машины в действующую армию.

– Чушь какая! Не до вас, немцы рядом. Сдайте автомобиль немедленно и отправляйтесь в тыл.

– Не могу, товарищ майор. Обязана сдать машину в 12-ю дивизию под личную роспись подполковнику Тарасову. Они наши шефы.

– Какие шефы?! Иди, сдай машину, дура, и чтобы я тебя больше не видел. Под арест пойдешь.

– За что, товарищ майор? – заканючила зарвавшаяся Катрин. – Я вас очень прошу, подскажите, как найти подполковника Тарасова. Меня же без его расписки из комсомола исключат.

– Уезжайте отсюда, девушка, – застонал майор. – 12-я уже подо Львовом должна быть. И Тарасова твоего нет.

– А где же он? Ну-у, товарищ майор, – подбавила слезности в голосе Катрин.

– Арестован Тарасов, поняла? В Камарах на дивизионной гауптвахте сидит.

– Как в Камарах?! – изумилась Катрин. – Там же немцы.

– Нет там никаких немцев! – снова зарычал майор. – Утром по крайней мере не было. А если и подойдут, вашего драгоценного Тарасова вместе с остальными арестованными эва-

---

¹⁶ Русская освободительная армия (РОА) – воинское формирование, состоявшее из сдавшихся в плен и насильно мобилизованных военнопленных, солдат и офицеров Красной Армии, воевавшее в составе вооруженных сил фашистской Германии.

куируют. Нашел время самоуправством заниматься. Видно, ваших машин не дождался, принялся у семей партактива транспорт отбирать. Анархист, – майор грустно покачал головой, – а ведь лучший в корпусе артиллерист был. Уходите, девушка, я убедительно вас прошу. Не до романтических игр сейчас. Война не прогулка.

«Это уж точно», – подумала Катрин, бренча ведром и рысцой возвращаясь к машине. Вокруг валялись пустые ящики, забытые колья от палаток. Почти все штабные подразделения уже снялись. Девушка поскользнулась на луже чего-то липкого. «Вот, наверняка фильтры промывали».

Еще и замочив ноги при форсировании превратившегося в проезжую канаву ручья, Катрин выскочила к машине. Все были на ногах.

– Куда вы пропали? – нетерпеливо проговорил лейтенант. – Я все узнал. Подполковник Тарасов арестован за превышение служебных полномочий...

– И скучает на нарах в Камарах, так? – Катрин злобно затрясла ногами, пытаясь отряхнуть налипшую грязь. – Доложили?

– Нет, ждали вас. Шифровать?

Короткая радиограмма, ушедшая в штаб 34-го танкового полка, прямым текстом гласила: «Превышение должностных. «Обезьянник» дивизии».

Ответ был получен через четыре минуты: «Приказ будет в течение часа. Зона выхода проблемная. Немедленно окажите помощь транспортом».

Катрин, стиснув зубы, глянула на лейтенанта. Любимов, вставший на цыпочки и подсвечивающий радиограмму фонариком, выглядел растерянным.

– Камары западнее Жечуба километров на шестьдесят. наших там быть не может.

– Карту давай.

Катрин водила узким лучом фонарика по бумажному полю, испещренному знакомыми названиями. Без синих и красных стрел, отмечающих удары и контрудары приграничных сражений, карта выглядела невинно голой. Общее положение частей на утро 24 июня девушка помнила. Но эти дурацкие Камары? Крошечное местечко, в районе которого и боев-то не было. Дислоцировавшиеся там артиллерийский полк и отдельный полк связи выступили еще 21 числа. Остались ли там тыловые подразделения? Хрен его знает.

– Ушли наверняка, – убежденно прошептал лейтенант. – Нечего там нашим делать. Немцы правее Камаров прорвались крупными силами. Я в штабе сам слышал.

– В радиограмме приказ. Думаешь, майор Васько обстановку хуже нас знает?

– Нет, конечно, – с некоторым испугом запротестовал лейтенант. – Товарищ майор никогда не ошибается. В полку об этом все до последнего человека знают. Должно быть, обстановка изменилась. Пора нам в наступление переходить. С севера, наверное, наши нажали. Там у нас три, а то и четыре корпуса. Такая сила... Любимов сконфуженно умолк.

– Это не военная тайна, – вздохнула Катрин. О реальных действиях советских корпусов севернее Львова она знала лучше лейтенанта, но огорчать парня не собиралась. – Нажали наши – не нажали... Приказ выполнять будем?

– Так точно, товарищ инструктор, – вдохновленный скорыми победами лейтенант был готов к самым решительным действиям.

– Тогда чего мы здесь сопли жуем? – мрачно осведомилась Катрин. Ее не оставляли мрачные предчувствия. «Не в ту вы сторону людей ведете, товарищ инструктор».

Сопычев, растопырившись, удерживал винтовку, рацию, свой вещмешок и портфель товарища инструктора. Катрин приходилось удерживать только себя любимую, что тоже было нелегко. Непривязанное второпях ведро гроыхало по всему кузову. Полуторка вырулила на проселок и развила поистине самоубийственную скорость. О том, есть ли в Камарах немцы или нет, девушка беспокоиться перестала. Судя по гонке, живыми туда все равно добраться не суждено.

На больших наручных часах лейтенанта Любимова зеленовато светились стрелки. Давно перевалило за полночь. Начинался третий день войны.

4

Стрелять еще никто не решался, но негодующая толпа все росла. Нетерпеливые сигналы клаксонов, крики и мат, ржание лошадей, мычание коров, всхлипывание и визг женщин слились в сплошную какофонию. Ни пройти, ни проехать невозможно. Шоссе наглухо перегораживали два вставших бок о бок «Т-26». Перекресток дорог с одной стороны подпирало болотце, с другой высился густой сосновый лес. Пробка у заблокированного пересечения выросла уже до километровой длины. Грузовики, танки, повозки с беженцами, велосипеды, навьюченные узлами и корзинами, легковые машины и сотни людей перемешались в единую массу. Блестели штыки утомленной бесконечным ночным маршем пехоты, в рассветном сумраке белели женские платки и рубашки подростков. Над кузовом одной из полуторок виднелось благородное пианино цвета слоновой кости... Шоссе стояло.

Пересекая его, прошли танковые роты, потом бензовозы и угловатые полевые мастерские, потом снова танки и машины с мотострелками. Артдивизион, снова грузовики с боеприпасами и бочками с горючим. Шли быстро, соблюдая уставные дистанции, как на параде.

Полковник сунул в кобуру «ТТ», рукояткой которого пытался достучаться в наглухо задраенный люк. Танки, блокировавшие перекресток, оставались безмолвными. Приказывать и угрожать арестом немой броне было бессмысленно. Оставалось бессильно наблюдать.

– Сволочи, – сказал полковник, – как будто они одни воюют. Безобразие. Особистов бы сюда.

– Морду бы набить за такое, – согласился стоящий рядом артиллерийский майор. – Но идут как, сукины дети?! Как по линейке. Только трибуны с флагами не хватает.

– Мне бы столько техники, я бы тоже... как по линейке, – зло произнес полковник и пнул сапогом покрытую росой броню. – У меня две трети полка на своих двоих маршируют. Растянулись, мать их... А тут еще эти бабы с фикусами.

– А что, 34-я дивизия прямо на северо-восток двинулась? Корпус ведь у Золыча концентрируется? – осторожно поинтересовался майор.

– Хрен его знает. У меня самого указаний – уже в планшет не помещаются. Приказ, понимаешь, у «трактористов»? Железяки чертовы, – полковник в сердцах снова грохнул сапогом по башне. – Когда пройдут, сучьи дети?

Шоссе пересекали тяжелые десятиметровые «линкоры» «Т-35»...

Нарушая приказ и избегая забитых перепутавшимися частями и беженцами дорог, 64-й танковый полк двигался напрямую к Бродно. Во второй половине дня и остальные части корпуса получают приказ развернуться туда же. Но до этого им придется сделать лишних 200 километров и пробиться через охваченный волнениями Львов. Своевольный 64-й будет там на день раньше. Сбережет горючее и матчасть. Пока рации майора Васько работали только на прием.

* * *

Июньская ночь промелькнула, едва начавшись. Катрин успела немного подремать, предварительно укротив проклятое ведро. Отдыхать в скачущем по полевым дорогам грузовике оказалось занятием непростым. Ходу полуторка не снижала. Николаич, как не по уставу величал водителя лейтенант, оказался истинным профессионалом. И откуда такие берутся без ралли, кольцевых гонок и журнала «Автопилот»? Катрин неритмично подлетала на жестких досках кузова. В животе что-то екало. Возможно, запитая невкусной водой тушенка. Но все

равно глаза закрывались. День выдался тяжелым и длинным. Неправдоподобным. До сих пор не верилось в реальность происходящего. Девушка на миг отключалась, тут же открывала глаза. Звезды туманились, летели над головой.

* * *

Городок Камары затаился в речной долине. Речушка издали казалась совсем крошечной, зато на этой, восточной, стороне раскинулись обширные заливные луга. Светать по-настоящему еще не начало. Над городком висел ночной сумрак, но уже призрачный, ненастоящий, грозящий вот-вот превратиться в раннее утро.

Катрин поехала. Под утро воздух стал прохладен. Но дело, конечно, не только в этом, – городок, лежащий в долине, вполне мог принадлежать и другому миру. Другим временам. Только телеграфные столбы портили иллюзию.

Ну, хорошее пиво в трактире тебе здесь наверняка не предложат.

Грузовик стоял в кустах у дороги. Бинокла не имелось. Сколько ни напрягай глаза, ничего не рассмотришь.

– Тихо все, – с сомнением произнес лейтенант, – наверное, немцев нет. Севернее прошли. Не может же быть прорыв по всей границе?

– Прорыв – понятие относительное. Война нынче мобильная, – изрекла банальность девушка. – Если немцы в городе и появились, отсюда мы это не узнаем.

– Поехали, товарищ инструктор, – сказал Николаич, – если что, развернемся. Они сонные и глаза продрать не успеют.

– Ездите вы классно, – Катрин вздохнула, – только пулемет, он ведь такая быстрая сволочь.

– Все равно ехать нужно, – лейтенант вынул «наган», проверил. – Разведку бы послать, – он глянул на не проявляющего особой активности ефрейтора. – Жаль, времени мало. Поехали. Комендатура с «губой» на противоположном берегу реки располагается. Я там как-то побывал. Пакет передавал, – почему-то торопливо добавил он, глянув в сторону девушки.

Забираясь в кузов, Катрин невесело ухмыльнулась. Война идет, премся прямо на немцев, а мальчишка боится, как бы не подумали, что он на гауптвахте сидел. Большое дело – на нарах валяться.

Полуторка рванулась вниз по дороге. Вокруг светлело прямо на глазах, – летнему утру не терпелось вступить в свои права. Стоило ли делать глупости в самом начале долгого лучезарного дня? Ехать в город Катрин ужасно не хотелось. Обойти бы, развернуться. Ладно, ты уйдешь в свое время, хватит и минуты. А эти люди? Вон Сопычева аж пот прошиб. Лейтенант, наверное, еще и влюбиться ни разу не успел. А у мобилизованного Николаича, должно быть, уже и детишки есть. Спросить не успела. Не первой молодости мужик, а машину водит, словно отмороженный тинейджер. Интересно, сколько у него наследников?

Дети, дети... Какие к черту дети, когда приказ есть. Выполняйте, сержант.

Размышляя о том, что лично она совершенно не создана для выполнения приказов, Катрин достала «наган». Дивное оружие, потренироваться бы его перезаряжать. Она давненько не имела дела с револьверами.

Увидев, что комсомольский инструктор проверяет оружие, Сопычев перемкнул штык в боевое положение. Девушка глянула на его сосредоточенные манипуляции со сложным чувством. В эру бронированных гусеничных монстров и пикирующих бомбардировщиков тыкать в брюхо человеку граненую сталь казалось дикой несурезицей. По крайней мере для Катрин исторические эпохи делились четко. Хотя... Она вспомнила некоторые невеселые факты из собственной биографии.

– Товарищ Сопычев, у вас еще консервы есть?

– Так точно, еще банка. Достать?

– Пока не надо. Но штык вы берегите. А то голодными останемся.

Сопычев напряженно глядел на командиршу. И, судя по всему, не очень понимал ее.

«Что-то с юмором моим стало», – самокритично подумала девушка.

Промелькнули первые дома. Грузовик резко затормозил. У распахнутой калитки стояла бабушка с двумя козами. Напуганные козы, мемякая, тянули лохматую веревку, норовя удрать во двор. Бабулька подслеповато шурилась на пыльную машину.

– Гражданка, фашисты в городе есть?

– Що, сынку, кажешь? – Бабка уцепилась за калитку. – Куди вам потрибно ихаты?

– Говорю, власть какая в городе? – повысил голос Любимов.

– Звычайна влада. Як завжды. А що? Що-нэбудь трапылось?

– Германцев в городе нет? – спросила с кузова Катрин.

– Та вы що? Який гэрманець? Цэ скільки рокив тому було, – хозяйка коз перекрестилась.

– Значит, в городе Советская власть? А не врете, гражданка? – с угрозой спросил Сопычев. – За ложные сведения знаете, что бывает?

– Яка, Радянська! Я ж кажу – як звычайно. Що вы даремно лається ни свит ни зоря? Лається вин, як той собака. Изжайтэ, куды ихалы, – бабка замахала сухой лапкой.

– Вы, гражданочка, извините, нам только—...начал лейтенант, но бабка неожиданно тонко и громко закричала:

– Так проижджайтэ вы, бисовы диты, щоб вас чорты зжерлы. Жужжать отут и жужжать. Спокоя ниякого нэма. Лаються щэ. Ни сорому, ни совисти...

Басом загавкала собака в соседнем дворе. Ее поддержала другая псина.

– Оставь ее, лейтенант. Едем, – болезненно сморщилась Катрин.

Грузовик газанул, дернулся вперед. Катрин, держась за крышу кабины, смотрела, как вслед полуторке яростно грозит старушка.

– Вот вражина, – сказал Сопычев.

Тут Катрин готова была с ним согласиться.

Городок был пуст. Закрытые ставни, серые заборы, дома, погруженные в рассветную дремоту. Ни единого человека. Только ветви деревьев, тоже кажущиеся серыми в рассветном воздухе, покачиваясь, тянулись из-за заборов.

Грузовик резко повернул, едва не выскочив на тротуар. Катрин качнулась к борту, уцепилась крепче. Проскочили мимо двухэтажной школы, почты. Девушка по-прежнему не замечала ни единой живой души. Мелькнула нелепая мысль: может быть, все эвакуировались? Осталась бабка с козами да собаки на страже. Как же, все здесь, сидят по домам, ждут указаний новой власти. Или старой – это как повернется. А мотор полуторки еще и всех случайных прохожих отпугивает. И понятно, никакая серьезная власть так ошалело носиться не будет.

Машина выскочила на мощеную площадь, кажущуюся из-за своей пустынности гораздо больше, чем на самом деле. Пролетел мимо какой-то странный дом, бугрящийся избыточной лепниной от тротуара до самой крыши. Улица сузилась, старые дома теперь выстроились с обеих сторон, заставляя снижать ход. За домами высился шпиль костела. Полуторка уже выскочила к реке, перелетела горбатый каменный мост и повернула налево. Не успела Катрин удивиться тому, что в крошечных Камарах существует настоящая, выложенная камнем набережная, как эта набережная осталась позади. Машина со скрипом и лязгом затормозила. Девушка с трудом удержалась на ногах.

Мощеная площадка перед низкими воротами, глухая стена, уходящая вдоль заросшего берега речушки. Крыльцо красного кирпича, двери с казенной вывеской. «В/Ч № 57068. Комендатура». За зарешеченными окнами никакого движения.

Из кабины выглянул напряженный лейтенант Любимов.

– Проверим? – Не дожидаясь ответа, он спрыгнул на землю.

«Может, не надо? Хватит с нас фанатизма», – подумала Катрин, выпрыгивая из машины. Совсем рассвело. Пахло бензином и свежей зеленью. Вдоль забора ветерок небрежно перебирал листы каких-то документов. Тихо. Мертво...

– Глядите в оба, – приказал лейтенант бойцам. Николаич завозился в кабине, разворачивая длинную винтовку. Сопычев уже давно взял оружие на изготовку. Над бортом торчал только курносый нос и штык.

– Пойдемте, товарищ Мезина, – прошептал Любимов. – Вы сзади идите, если что – сразу к машине. Портфель вам зачем?

– Будем протокол писать, – ответила Катрин. Она видела, как парень переложил «наган» из руки в руку, чтобы вытереть вспотевшую ладонь. Нервничает. А кто не нервничает? Самой не по себе. Свой револьвер девушка засунула за ремень сзади. Зачем захватила портфель, и сама не знала. Надо думать – для представительности, – вошла в роль.

Они успели сделать несколько шагов к крыльцу, как дверь распахнулась. Выглянул узколицый милиционер.

– Вы из Львова, товарищи? Заходите, мы здесь, можно сказать, на осадном положении. Как обстановка на дорогах?

– А что, немцев нет? – несколько разочарованно спросил лейтенант Любимов, опуская «наган».

– Немцев? – удивился милиционер. – У нас спокойно. Вот только ни во Львов, ни в Дрогобыч дозвониться не можем. Связь прервана. Проходите – расскажете. Обстановка сложная, приказов не получаем.

– Обстановка везде сложная, – сказал лейтенант, поднимаясь по ступенькам. – Но ничего, товарищ сержант, разберемся. Арестованных с гауптвахты эвакуировали?

– Не всех, товарищ лейтенант. Проходите – все доложим по порядку, – милиционер кинул взгляд на машину, улыбнулся Катрин. Галантно придержал дверь, пропуская вперед.

Катрин стало тревожно. Что это он лыбится, как будто кофе и диван предлагать собрался? И говорит как-то слишком четко.

– Вы, товарищ, мне дверь не держите. Не старое время, и я вам не барышня. Проходите. – Катрин едва ли не грудью впихнула милиционера впереди себя.

Короткий коридор, в котором раньше дежурил часовой. Свет не горел. Идущий впереди Любимов уверенно свернул, дернул ручку двери. «Ну да, он же здесь бывал», – вспомнила Катрин. А почему у милиционера кобура расстегнута?

– Руки в гору! – скомандовали впереди.

В открытой двери Катрин увидела двух милиционеров и какого-то штатского в очках. Все трое направляли винтовки на вошедшего лейтенанта.

– Тихо, птишка, – сержант, резко обернувшись, схватил девушку за руки. – Не вертись...

Катрин не принадлежала к числу тех девиц, которых можно «поймать», угрожая словами. Лапы у милиционера оказались липкими, и чувствовать их на своих запястьях было противно. Избавиться от захвата не составляло труда, но Катрин решила потерпеть. Так сказать, до выяснения обстоятельств.

– Подывыться, яка компания, – тихо рассмеялся сержант, входя в комнату. Пленницу он вел за руки, словно невесту. – Нэ зрозумієш – чи то дівка, чи то солдатик, алє очі блещуть, як драгоценні каміння. Там ще двоє краснопузых вояків на машини розсились..

– Гарна компания, – пробормотал пузатый милиционер, приближаясь к лейтенанту, – ворохнись тильки, москалєнок сопливий, – толстяк потянулся к кобуре Любимова.

Лейтенант, бледный как снег, смотрел в дула винтовок.

Ой, сейчас сорвется.

– Товарищи, да вы же не понимаете! У нас ведь полномочия. Мы же документы секретные везем. И ценности—... Катрин тряхнула портфелем: – Посмотрите, товарищи...

– Давай сюды, – повернулся пузатый, отвлекаясь от лейтенантской кобуры.

Портфель плюхнулся на пол.

– Тяжелый, – виновато пролепетала Катрин. – Простите, дяденьки милиционеры...

Насчет дяденек был, конечно, перебор, но все равно подействовало. Все глянули на зеленоглазую дурочку, потом на портфель...

Чего еще желать?

Катрин рванула руки так, что практически отшвырнула псевдосержанта себе за спину. Колено врезалось в лицо толстому... Он еще валится на пол... Через него!

Катрин снесла табуретки, чуть не развалила письменный стол, перекатившись по его крышке. Брызнули в стороны карандаши и чернильницы. «Наган» уже в руке...

Уйти от неуклюжих винтовочных стволов несложно. Не бойцы. Главное – не дать выстрелить...

И сама не стреляла... Безжалостный удар-тычок стволом револьвера в глаз. «Наган» не стилет, череп не пробьет. Но и так хватит.

Бросив «наган», Катрин перехватила винтовку очкастого хлюпика. Толкнула назад, тут же рванула на себя. Очкастый отпустил с легкостью. Детский сад, да и только.

Девушка развернулась. Толстый «милиционер» уже поднялся на колени, тянул с пола винтовку. Медлительный боров. Раньше худеть было нужно...

Катрин от души залепила прикладом в испуганную рожу. Знакомый хруст костей... еще поворот... очкастенький пытался увернуться, но приклад трехлинейки достал его по затылку.

Если, пока ты здесь вертишься, тебя не подстрелили, значит, «сержант» чем-то увлекся.

«Сержанта» оседлал лейтенант Любимов. Как это удалось щуплому невысокому парню, Катрин не поняла. Противники боролись за револьвер, и силы РККА явно побеждали.

– Не стреляй! – Катрин перескочила через бесчувственное тело толстяка, коротко и сильно ударила придавленного Любимовым противника прикладом в висок. Звук получился тошнотворный, – как будто горшок с холодцом треснул. Лейтенант отшатнулся, тут же подскочил на ноги. Завертелся с «наганом», ища врагов.

– Цыц, стрелять не вздумай, – предупредила девушка, поспешно прыгая по обломкам мебели в поисках собственного личного оружия. Револьвер нашелся в ногах одного из «ментов». Тот стоял на коленях, зажимая лицо ладонями. Из-под пальцев струился алый ручеек.

– Почему не стрелять? – тяжело дыша, спросил лейтенант.

– Их здесь может быть много, – объяснила Катрин, бегло оглядывая поле боя.

– Диверсанты? Немецкая разведка?

– Сейчас попробуем узнать. Глянь в окно, что с нашими?

Быстро и легко двигаясь по разгромленной комнате, Катрин склонялась над телами. «Сержант» и толстый были готовы. Винтовка, оказывается, очень даже опасна с обоих концов.

– У машины все спокойно, – хрипло доложил от окна Любимов. Он начал отходить от горячки рукопашной и теперь с ужасом смотрел на убитых и деловитую девушку.

– Не пялся. Мертвяков не видел? Допросить нужно, – зло прошептала Катрин.

Одноглазый тихо завыл. Катрин кинула на него быстрый взгляд. Все равно придется.

– В окно смотри, лейтенант.

Любимов отвернулся к окну. Вздрыгнул, услышав тяжелый удар. Вой раненого оборвался.

Катрин положила изгаженную винтовку. Сняла со шкафа графин с желтоватой водой, вылила на голову штатскому. Тот застонал, заскреб руками. Девушка присела, схватив за лацканы пиджака, посадила пленного спиной к стене. Тот громко застонал. Без слетевших очков пленник был похож на пожилого мальчишку.

– Его надо в Особый отдел сдать, – тихо сказал Любимов.

– Счасс, – сквозь зубы процедила Катрин и тряхнула пленного. – Говори!

– Що говорить? Вы мэнэ вбылы, – простонал тот.

– Еще нет. Говори: кто? зачем? сколько?

– Ничего не скажу. Москали клятые. Каты!

– Я тебе уши отрежу, потом пальцы. А потом яйца. Или наоборот. Яйца тебе, видимо, не слишком нужны.

– Режь, коммуняка. Хай живэ нэзалэжна Украина!

Катрин врезала ему по скуле. Пленник неожиданно отключился. Девушка выругалась и принялась осторожно похлопывать хлипкого мужчину по щекам. Сзади на нее смотрел лейтенант. Катрин лопатками чувствовала его ужас и отвращение.

– Не стой, оружие собери...

Пленный, наконец, открыл глаза. Мутно взглянул на девушку:

– Що?

– Ты кто?

– Учитель я. Ты хто? – Мужчина едва ворочал языком. Глаза снова начали закатываться.

– Задержанные где? – Катрин придерживала его за пиджак, но встряхнуть боялась. И так готов сомлеть. Нужно было бережнее по затылку стукать.

– Мы их нимцам здамо, нэхай розбираються, – прошептал пленный.

– В камерах посмотреть нужно, может, так и сидят, – сдавленно проговорил лейтенант Любимов. Две винтовки висели у него на плече, третью, ту, что в крови, он держал за ствол, как ядовитую гадюку. Похоже, лейтенанта mutilовали.

Катрин выпрямилась.

– Брезгуешь, да? – с ненавистью прошипела она. – Головы разбивать – это тебе не из танка постреливать. А что они сделали бы со мной, ты подумал? Ты еще про права человека вспомни и презумпцию невиновности. Не та война. Да это еще и не война. Так – разногласия с селянами. Тащи оружие в машину, бери Сопычева, и пошли камеры осматривать. Катрин вырвала из рук парня грязную винтовку. – Живее, товарищ танкист.

Лейтенант четко повернулся через левое плечо. Широко перешагнул труп «сержанта».

Катрин слышала, как за дверью Любимова вырвало.

Ей и самой было нехорошо. Длительные перерывы в подобной «работе» подпортили квалификацию. Катрин вытерла измазанный кровью, серой «кашей» и прилипшими волосами приклад о брюки лежащего в проходе тела. К горлу подкатило. Бросить бы винтовку, стволов хватает, да не время слабость показывать. Девушка сгребла в карман пару лежащих у телефона обоев. Нашла свою пилотку. Нетерпеливыми рывками расстегнула ремень «сержанта», сняла кобуру «нагана».

По коридору протопали шаги. В дверном проеме возник Сопычев.

– Товарищ инструктор—...ефрейтор онемел, увидев склонившуюся над трупом девушку.

– Ефрейтор, вы сюда полюбоваться зашли? – ласково осведомилась Катрин, засовывая за пояс кобуру.

– Никак нет, – пролепетал радист, озирая тела в разгромленной комнате. – В городе вроде бы моторы слышны.

– Вроде или слышны? – прошипела Катрин.

– Слышны, – глухо сказал из коридора лейтенант, – скорее всего, мотоциклы.

– Живее, – Катрин перепрыгнула через труп. – Где камеры?

Они выскочили во внутренний двор. Небольшой плац... Гаражи... Машина с открытым капотом... Любимов решительно бросился к приземистому строению, похожему на барак или конюшню. Катрин озиралась по сторонам. Тихо, зарешеченные окна глядят со всех сторон. Лейтенант толкнул дверь. Заперто.

– Сопычев!

Ефрейтор ударил в дверь прикладом. Грохнуло на весь двор. Катрин присела спиной к стене, выставила винтовку. Если сейчас начнут палить, окажемся как на ладони. Дверь не поддавалась. Теперь лейтенант и Сопычев лупили в нее прикладами вместе. Замок держался.

– В сторону, – скомандовала Катрин. Уперла винтовочное дуло в замочную скважину. «Сейчас сама заполучишь рикошет в глупый лоб».

Обошлось. Зато отдача чуть не вырвала винтовку из рук.

– Вперед...

Мужчины дружно навалились плечами. Дверь, жалобно скрежетнув, распахнулась. Передернув затвор, Катрин заскочила в темный коридор. Пустующий стол дежурного, двери направо, двери налево. Тишина. Некогда искать.

– Тарасов? Есть Тарасов? – заорала Катрин во все горло.

– А кто стрелял? – поинтересовался бас из-за двери под грубо намалеванным номером «5».

– Кто надо, тот и стрелял. Мне нужен Тарасов.

– Что за проблемы? Интим не предлагать. Нашли время, – пробурчал тот же голос.

– Что происходит? Когда кормить будут? – закричали с другого конца коридора. Послышались еще голоса.

Катрин подскочила к пятой камере. Утренний свет вовнутрь почти не попадал. Электрическая лампа не горела.

– Отойти к свету! Живо!

– Настойчивая какая, – удивился бас. – Ты меня еще жениться заставь.

– К окну! Или стреляю, – Катрин вскинула винтовку.

– Вот черт, – пробормотали внутри, и широкоплечая фигура отступила под зарешеченное окошко.

Две шпалы в петлицах, рост, телосложение, лицо... Подполковник похудел, но узнать можно.

– Какого хрена, товарищ Тарасов?! Что вы здесь спектакль устраиваете? Немцы на подходе.

– Ну, извините. Обленился я тут, – зло проговорил подполковник.

Лейтенант двинул в гулкую дверь прикладом.

– Не стоит, – спокойно сказал Тарасов. – Дверь крепкая, а ключи у дежурного, в ящике стола.

Катрин метнулась к столу, выдернула ящик, высыпала содержимое на стол. Среди карандашей, скрепок и ластиков зазвенела связка ключей.

– Там номерочки, – посоветовал подполковник, – вы не торопитесь.

Когда девушка отперла дверь, Тарасов шагнул, окинул цепким взглядом освободителей и ловко выхватил из-за пояса девушки кобуру с «наганом».

– Благодарю, мадмуазель. Ключи...

Катрин отдала ключи, и подполковник зашагал по коридору. Был он широкоплеч, плотен, двигался вроде бы неторопливо и в то же время угрожающе быстро.

Глядя, как он отпирает дверь камеры, Катрин крепче стиснула винтовку. Куда его черт понес? Сваливать бы побыстрее.

Когда дверь отворилась, внутри завизжали. Тарасов шагнул внутрь. Сухо хлопнули два выстрела. С «наганом» в руке подполковник вышел в коридор, принялся отпирать дверь на противоположной стороне. На миг Катрин увидела его сосредоточено-спокойное лицо. «Что же он делает? Всех, что ли, в расход?» – в панике подумала девушка.

– Чухрай, на выход.

Из камеры выскочил старший лейтенант.

– Есть приказ, товарищ подполковник?

– Есть, – нетерпеливо ответила Катрин. – По крайней мере на товарища подполковника.
– Отлично, – без тени сомнения пробасил Тарасов. – Старший лейтенант Чухрай, поступаете в мое распоряжение. Немцев в городе еще нет?

– Слышны мотоциклы. Возможно, немецкие, – отрапортовал лейтенант Любимов.

– Значит, за вещами заскочить не успеем, – с некоторым удовлетворением отметил подполковник. – Тогда бегом марш...

Лейтенант Любимов выскочил из здания комендатуры первым и замер. Машины не было. Лейтенант в растерянности повернулся к товарищам и в это время услышал тихий свист. Полуполторка стояла у самого ручья. Как водитель умудрился загнать туда машину, было непонятно, но с моста полуполторку было совершенно незаметно.

Николаич высунулся из кабины.

– Немцы! Мотоциклисты на ту сторону проскочили.

– Много? – деловито спросил подполковник.

– Три или четыре мотоциклетки.

– Это разведка. Можем проскочить. В машину! – скомандовал Тарасов, запрыгивая в кабину.

Старший лейтенант хотел посадить Катрин, но девушка молнией оказалась в кузове.

– А вы спортсменка, отлично тренированы, – одобительно произнес старлей, присаживаясь рядом. Полуполторка стартовала, и непривычный к такому сокрушительному стилю вождения офицер немедленно ушиб локоть. – Ух, – сказал старший лейтенант, – вот и для нас война начинается. А вы, товарищ спортсменка, мне винтовочку не уступите? Мне все-таки, исходя из здравого смысла, оружие иметь положено.

Катрин хотела высказаться в том смысле, что распоясанным арестантам оружие как раз доверять не рекомендуется. Но припомнила кое-что из собственного богатого опыта и молча передала винтовку.

– Благодарю. Доверие постараюсь оправдать, – серьезно пообещал старлей, проверяя затвор.

– Тогда уж и патроны возьмите, – пробурчала Катрин, – а то оправдывать нечем будет. Она сунула обоймы старлею и встала у кабины рядом с Любимовым.

Мост машина уже проскочила, летела по узким улицам. Город оставался все так же пуст. К отнюдь не плавному движению грузовика девушка слегка приноровилась. Пилотку сдувало, пришлось сунуть ее за ремень.

– Вы бы сели, товарищ инструктор. Зачем мишень увеличивать? – не глядя, сказал лейтенант Любимов. Он, сжимая винтовку, всматривался вперед. Образ молодого командира так и рвался на плакат. Тем более что в нарисованном виде товарищ лейтенант приобрел бы нужные габариты.

«Циничны вы, товарищ инструктор».

Садиться Катрин не стала. Борты у полуполторки отнюдь не бронированы, а так хоть врага можно будет заранее узреть.

Машина благополучно миновала центр города. Вот уже и окраины. С немцами одинокая полуполторка благополучно разминулась...

* * *

Танковые колонны двигались практически безостановочно. Только неповоротливые «Т-35» пришлось дозаправлять. Неожиданностей не было. Налет, вернее попытку налета, предпринятую парой «мессеров», зенитный дивизион отразил. Сбитый истребитель рухнул в дубовую рощу. Столб дыма еще был замечен. О том, что уцелевший самолет наведет бомбардировщики, майор Васько не слишком беспокоился. Целей, в отличие от самолетов, немцам хватало.

В данный момент на подступах ко Львову скопилось множество механизированных частей Красной Армии. Некоторые колонны неизбежно должны столкнуться на улицах города. Полностью предотвратить последствия катастрофически опаздывающих приказов Ставки и штаба фронта отделу «К» не удалось. Не получилось и подавить в зародыше выступление националистической «пятой колонны» в самом городе. Несмотря на изобилие агентурных данных и попытки координировать свои действия с армейскими частями, войска НКВД потеряли контроль над несколькими районами Львова. Стрельба началась в центре и в районе железнодорожного вокзала. Впрочем, мятежники утратили эффект неожиданности, и скоро очаги националистического сопротивления будут изолированы и подавлены.

Хуже было то, что 4-й мехкорпус оставался на месте. Вернее, делал вялые попытки преградить путь небольшим группам прорвавшихся немецких войск. К месту сосредоточения для контрудара части 4-го корпуса явно не успевали.

Исправить ситуацию ни майор Васько, ни люди отдела «К», законспирированные в штабе 6-й армии, не имели возможности. Рации полка работали только на прием. Обнадеживающих новостей не было.

Майор Васько нашел глазами свой танк. «КВ» под номером «05» замыкал штабную колонну. Скоро придет срок пересест в сорокатрехтонного бронированного зверя. Нет, еще не так скоро, как хотелось бы. Командир полка говорил мало. Знание будущего давило чудовищно тяжким грузом. Майор желал, хотел, торопил развязку. Было страшно ошибиться в самом конце трехлетней подготовки.

Из радиной машины высунулся капитан, командир роты связи.

– Радиограмма. Код «Байконур»...

Командир полка, сдерживая шаг, пошел к «ГАЗ-3» с высокой антенной...

* * *

Катрин сидела на крыше грузовика и чистила «наган». Кровь на стволе запеклась и поддавалась с трудом. Помогала позаимствованная у Николаича ветошь. Девушка тщательно полировала револьвер. Если вдуматься, музейная вещь. Модели больше ста лет. Правда, именно этот экземпляр помоложе. Под пятиконечной звездой стояли цифры 1938. Почти на полвека старше своей временной владелицы. Стрельнуть так и не пришлось. Воспользовалась оружием ты, комсомолка, по-варварски. Шокированный лейтенант воспоминаниями о тебе будет пугать внуков.

Скоро придется передать оружие настоящему владельцу. Не майору Васько, понятно, комполка уже что-нибудь себе в кобуру сунул. Майору, собственно, личное оружие только по форме одежды полагается. Танки, артиллерийские и минометные батареи, роты мотострелков – вот чем стреляет командир полка. Придется «наган» вручить Николаичу как приз за мастерское вождение. Хотя рядовому револьвер не положен, еще неприятности на мужика накличешь.

Катрин пока сунула «наган» за ремень. Солнышко пробивалось сквозь листву, полуторка отдыхала, прячась в зарослях у просеки. Тишь да благодать. Только на севере едва слышно погромыхивало. Чухрай и Любимов сидели на опушке наблюдателями. Николаич посапывал в кабине.

А товарищ подполковник вместе с доблестным радиоэфрейтором вот уже сорок минут сидели в сторонке у рации. Видимо, Юстас по Алексу соскучился.

Наконец, подполковник Тарасов поднялся на ноги. Сопычев принялся шустро сворачивать радиостанцию.

Подполковник махнул девушке. Катрин без особой охоты прыгнула с грузовика. Ну не любила она, когда вот так властно машут. Товарищ Мезина, может, и сучка, но хвостом никогда не виляла. И вообще, миссия выполнена. Пора бы и в обратный путь.

– Почему сразу не доложили? – требовательно спросил подполковник.

– О чем именно? – кротко поинтересовалась Катрин.

– О вашей ведомственной принадлежности. Почему я должен был разгадывать ребусы? «КГМ – немедленно возвращаться на базу». Дураком выгляжу.

– Никак нет. Доложить не имела возможности ввиду отсутствия третьих лиц. И потом вы не спрашивали.

Подполковник покачал головой:

– Совсем спятили. Девочку посылать...

– Я справилась, товарищ подполковник.

– Угу. Благодарю от лица Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Мы сейчас уедем, а вы возвращайтесь.

– А вы куда, товарищ Тарасов?

– В пяти километрах отсюда поляна подходящая. Меня «ераплан» подхватит. К войскам успею, пусть в «кальке» не беспокоятся.

– Разрешите проводить. Доложу, что видела своими глазами. Да и товарищам командирам, – Катрин кивнула в сторону опушки, – понятнее будет.

– Усложняешь все, девочка. Ладно, поехали. У меня еще пара вопросов к тебе...

Раскачиваясь и кренясь, полуторка выползла на просеку. Чухрая подполковник посадил в кабину, а сам трясся рядом с девушкой. Тарасов интимно шептал Катрин в самое ухо, и со стороны все это здорово смахивало на флирт. По крайней мере и Сопычев, и лейтенант старательно пилились в стороны.

– Вы, мадмуазель комсомольский инструктор, пожалуйста, мне ремень свой уступите. А то я как-то заранее на окруженца стал похож. Дурака сваял. Из-за случайности все сорваться могло. Хотел два грузовика реквизиловать, да слишком поторопился наших чекистов со счета списать.

Оправдания подполковника Катрин были ни к чему. Она молча сняла ремень.

Тарасов надел кобуру с револьвером и с явным облегчением подпоясался.

– И еще вопросик. Вы уж простите мужскую глупость, – совершенно случайно не помните, кто в прошлом году чемпионом России по футболу стал? – подполковник жалобно смотрел на девушку. – Любопытство мучит, ну прямо ужасно.

– Увы. Понятия не имею. Была в командировке. В очень дальнем зарубежье.

– Ну вот—... Тарасов не скрывал разочарования.

– Но сейчас ЦСКА лидирует, – вспомнила Катрин заголовок, случайно прочитанный в метро.

– И на том спасибо, – вздохнул подполковник. – Ты сразу возвращайся. Я парням скажу, что идешь на связь с корректировщиками. Только не тяни. Немецкая разведка здесь всю шурует...

Поляна оказалась шириной с футбольное поле. Но самолету и этого хватило. Действительно, такой «ераплан» с полпинка взлетит.

«По-2», стрекоча, как большая швейная машинка, пробежал по траве и, едва не зацепив шасси крайние кусты, взмыл вверх. Самолетик был перегружен, – подполковник забрал с собой Чухрая. Старший лейтенант без документов и с сомнительной историей своего освобождения с гауптвахты, скорее всего, оказался бы верной добычей первого же контрольно-пропускного пункта. Кроме того, Чухрай, по мнению подполковника, был отличным сапером и в операции мог пригодиться.

Катрин проводила самолетик взглядом. Летают же люди на таких хрупких штуковинах.

«По-2» развернулся над рощей и взял курс на север.

– Прощаться будем? – сумрачно спросил Любимов. – Пора вам идти, товарищ инструктор.

– Пора, наверное, – рассеянно согласилась Катрин. Как-то не верилось, что на этой футбольной поляне ее краткий боевой путь закончится.

– Счастливого пути, товарищ инструктор, – браво пожелал Сопычев. – Если что, в гости заезжайте.

– Обязательно, – пробормотала Катрин, раздумывая, передавать или нет «наган» Николаичу, оставшемуся с машиной у затененной высокими тополями дороги.

Хлопнул выстрел.

Катрин резко обернулась.

Легкий на помине Николаич отчаянно махал рукой и винтовкой, указывая на противоположный край поля.

Катрин увидела три мотоцикла, неторопливо сворачивающих с проселочной дороги. Треск мотоциклетных двигателей казался эхом улетевшего самолета.

Девушка упала на землю. Попались, да еще как глупо. Немцы, очевидно, заметили взлетающий самолет, завернули любопытствовать. Да и хрен бы с ними. Вы-то трое чего заезвались?

С мотоцикла протрещала короткая очередь. Предупреждение: не дергайтесь, для вас, русский солдатен, война окончена.

– Бежим! – прошептал лейтенант.

– Застрелят же! – заскулил Сопычев. – Мы ведь как на ладони. Пулемет...

– Заткнись! – рывкнула Катрин. – Врозь, лейтенант. Короткими перебежками...

Сопычев, не дожидаясь дальнейших приказаний, подскочил и кинулся бежать. Уходя влево, метнулся лейтенант, невысокий, прыгучий, как заяц. Катрин приготовилась последовать примеру старших товарищей, но тут увидела оставленную ефрейтором винтовку.

Через секунду она уже мчалась по полю, сжимая в руке длинную трехлинейку. На кой черт ей неуклюжая винтовка, девушка объяснить не смогла бы. Вероятно, сказывалась приобретенная за годы скитаний жадность к оружию.

На полном ходу, не жалея локтей и коленей, Катрин рухнула на землю, проехала по инерции, тут же перекатилась в сторону. Вовремя. Над головой просвистела очередь. Не пулемет, конечно. Стреляли из автомата, скорее для острастки.

Тапочки скользили по траве. Катрин заставляла себя падать чаще. Иногда видела впереди себя спины. То увенчанную фуражкой, то с фляжкой на заднице. Ничего бегают, хорошая в РККА физподготовка. Самой девушке мешала винтовка. Еще этот дурацкий штык. Оглядываться на немцев было некогда.

Двигатели за спиной тархтели все громче. Мотоциклы по высокой траве не могли развить настоящую скорость, но все равно нагоняли беглецов. Катрин слышала перекликающиеся голоса. Весело сволочам. До тополей оставалось рукой подать. Да что толку? Катрин задыхалась.

Первым дороги достиг ловкий лейтенант. Припал на колено, затаив дыхание, вскинул винтовку. Выстрел, второй... Любимов не зря носил значок снайпера. Взвыл двигатель опрокинувшегося мотоцикла. Водителя лейтенант застрелил, еще один немец закричал, раненный в руку. Мотоциклы остановились, и с них открыли яростный огонь.

Последние метры Катрин проползла под свистящими над самой головой пулями. Перевалялась в мелкий кювет, развернулась. Она задыхалась, пот заливал глаза. Душила злость. Гоняли как зайца перепуганного. Поймала в прорезь прицела серую фигурку с карабином в руках. Выстрелила. Попала или нет, не поняла, но немец исчез. Катрин выстрелила еще два раза, по мотоциклу, из-за которого вели огонь.

– Там еще машины! – закричал лейтенант. Он залег за другим стволом и редкими выстрелами не давал поднять головы немцам у мотоциклов.

Катрин и сама видела. На той стороне, на опушке, появился грузовик, еще какая-то приземистая машина. И еще мотоциклы. Девушка огляделась. От ближайшей рощи они отрезаны. Сзади поле, за ним лесок. Минут за сорок можно добежать. Да только кто даст им эти минуты?

Из-за перевернутого мотоцикла выглянул немец. Катрин выстрелила. Немец спрятался, а на голову девушки посыпалась кора с тополя. Автоматчик патронов не жалел. Девушка такой роскоши себе позволить не могла. В магазине винтовки оставался единственный патрон. Еще «наган». Если посчастливится, можно попробовать в деле знаменитый русский штык. Но вряд ли немцы согласятся участвовать в эксперименте.

– Катя! – Лейтенант махал рукой. По дороге летела полуторка. Николаич решился подбирать своих. Учитывая полную незащищенность машины, попытка отчаянная. – Быстрее! – снова закричал лейтенант.

Немцы тоже заметили полуторку. Огонь усилился. Издали ударил пулемет. На дорогу летели сбитые пулями листья.

Лейтенант, как подброшенный пружиной, метнулся к машине. Если грузовик и притормозил, то чисто символически. Любимов с кошачьей ловкостью запрыгнул в кузов. Катрин выпустила последний патрон в сторону немцев. Вставать-выпрямляться под пули тупо и категорично не хотелось. Даже колени не разгибались.

Катрин прыгнула прямо на пролетающий борт. Чертова трехлинейка на плече помешала, девушка чуть не сорвалась. Лейтенант рванул ее за ворот комбинезона. Катрин перевалилась через борт, словно ошеломленная камбала, плюхнулась на дно кузова. Затылок стукнулся обо что-то мягкое. Это оказалась ляжка каким-то образом очутившегося в кузове Сопычева. Ефрейтор лежал, прикрыв голову руками. Катрин обессиленно ткнула его локтем и прохрипела:

– Ты, сука, когда в следующий раз винтовку бросать будешь, не забудь патроны оставить.

– Потом разберемся! – рывкнул стоящий на коленях у заднего борта лейтенант. – Они нам колесо пробили.

Машина шла все еще быстро, но уже неуверенно рыская из стороны в сторону. Водителю стоило большого труда сохранять управление.

Катрин принялась расстегивать подsumки ефрейтора и забирать патроны. Действовала без церемоний, будто обирала труп. Сопычев, впрочем, признаков жизни и вправду не проявлял. Должно быть, уверенно считал себя покойником. Основания у него были: если бы у Катрин имелась свободная секундочка, пожалуй, пристрелила бы козла трусливого.

Лейтенант прав – это потом. Катрин зарядила винтовку и принялась отсоединять дурацкий штык.

– Кажется, нет никого, – сказал Любимов и чихнул. За полуторкой тянулся шлейф пыли. Разлохмаченная покрышка этому грязному и демаскирующему делу весьма способствовала.

Грузовик свернул с дороги. Ложбина, ответвление неглубокого оврага, показалась Николаичу подходящей. Собственно, выбирать было не из чего.

– Сопычев, поможешь с колесом. И смотри—...лейтенант добавил выражение, которое Катрин от воспитанного командира услышать не ожидала.

Она выпрыгнула вслед за Любимовым, они вскарабкались на склон балки и повалились на траву. Дорога пуста. Пока везло. Машина укывляла от места перестрелки не так уж далеко. Оставалось надеяться, что у немцев имеются более важные дела, чем гоняться за отдельными грузовиками.

– Попить бы, – прошептал лейтенант.

– Точно, пива холоденького, – с искренним вождением ответила девушка.

– А вы правда пиво пьете? – поразился Любимов.

– Почему это должно кого-то шокировать? Осуждения пивоварения и пивопотребления со стороны партии вроде бы не было. Или я что-то пропустила?

– Да нет. Я так... Просто странно, что такая девушка, из Москвы... И пиво... Вас на комсомольских собраниях не очень...?

– Во-первых, я на комсомольских собраниях нечасто бываю. Все как-то по командировкам. Во-вторых, времена меняются, а пиво и необходимость делать реальные дела остаются. А в-третьих, ты уже вроде на «ты» перешел. Передумал?

– Да нет, – лейтенант смутился. – Как-то в запарке вышло. Потом, подумал, обидишься. Я, честно говоря, не знаю, какое у тебя звание. На комсомольского работника ты не очень похожа.

– Правда? – не слишком огорчилась Катрин. – Ну, тогда, не вдаваясь в подробности, – сержант я.

– Госбезопасность? – шепотом спросил Любимов.

– Вроде того, но не совсем, – исчерпывающе ответила девушка и глянула вниз. Водитель торопливо ставил запаску. Рядом суетливо копошился Сопычев.

– А ефрейтор-то твой слабоват оказался, – заметила Катрин, опираясь подбородком на теплый приклад винтовки.

Лейтенант фыркнул.

– Какой он мой?! Он вообще оказался не наш, не советский. В часть вернемся, под суд пойдет. Война третий день идет, а он уже винтовку бросает. И откуда такое чучело взялось? Полк позорит.

– Знаешь, он, должно быть, не один такой, – осторожно заметила Катрин. – Фронт длинный, трусов и паникеров хватает.

– Ну что за пессимизм, Катерина? Мы с тобой вон сколько врагов положили. А наш полк? Мы ведь 22-го только начали. Сейчас подготовим контрудар и дадим фашистам жару.

– Ваш полк – это конечно. Только мы с тобой не всех фрицев добили.

Лейтенант тоже услышал треск мотоциклетных двигателей. На гребень дороги выскочили два мотоцикла. Остановились. Рыжий немец поднялся в коляске и принялся обозревать округу в бинокль.

Катрин и лейтенант уткнулись в траву. Девушка туже натянула пилотку на светлые волосы.

– Не заметит, – прошептал Любимов.

– Оттуда – нет. А если ближе подкатят? Следы от колес запросто засечь могут, – пробормотала Катрин, не отрывая взгляда от рыжего немца.

Помоложе будет, а так вылитый Ганс. Только вместо легкого пулемета «Миними» древний автомат. И какой мудак эту войну придумал?

– Отобьемся, – прошептал лейтенант. – Надо было гранат взять.

– И пару танков, – согласилась Катрин. – Если вся шайка, что на поляне была, на нас выкатится, без бронетехники не справимся.

Немец плюхнулся на сиденье, мотоциклы развернулись и укатили за гребень холма.

– Фу, прямо отлегло, – прошептал Любимов, вытирая пот.

– А я думала, пальнешь. Уж очень хорошо фриц стоял. Ну, прямо как в тире.

– Да. Я думал, ты не выдержишь, – засмеялся парень. – Очень задумчивые у тебя глаза стали.

– Не в глазах наша сила. Скорее уж в терпении, – нудно известила Катрин.

– Быстроты у тебя тоже хватает. Как ты тех провокаторов, в комендатуре... Я и оглянуться не успел.

– Лучше бы ты и не оглядывался. Видела я, какое милое впечатления произвела.

– Да это я так, – смутился лейтенант, – от неожиданности. Нас хорошо учили рукопашному бою.

– Знаешь, меня тоже не раз тошнило. Война, если вдуматься, вообще сплошная тошнеловка.

Они замолчали, прислушиваясь. Моторов не слышно. Звенел высоко в небе жаворонок. Солнце припекало плечи и шею. Катрин подумала, что уже трое суток не мылась. Захотелось отодвинуться подальше от парня.

– Ну что, они там закончили? – прошептал Любимов.

– Подождем, как бы на немцев не наткнуться.

Катрин вдыхала запах оружейной смазки и пороховой гари от затвора винтовки, аромат зреющих трав и полевых цветов, смотрела на залитые ярким солнцем поляны и далекие рощицы. Задворки великой империи. Вернее, – ее прихожая. Война за войной. Что здесь делают парни вроде лейтенанта? Освобождают или завоевывают землю, жители которой встречают «всяк входящего» цветами и улыбками, а провожают выстрелами в спину? Знатная страна, благородная, древняя. Как в борделе, пропускающая через себя толпы завоевателей, но вечно помнит о своей «незалежности». Тильки дайте волю, и будем плевать на всех, говорить на поэтично-песенном языке и устраивать поповские, с серпантинном «революции». От то красивэ життя будэ. Оперетка. Галиция – одно слово.

Только люди здесь гибли всерьез.

Катрин скривилась и принялась проверять патроны. Лежать жарко. «Наган», который пришлось за неимением кобуры снова переложить за пазуху, давил грудь.

Из балки выполз Сопычев.

– Поменяли колесо, товарищ командир. Все в порядке. Можно ехать.

Глаза у ефрейтора были честные и преданные, будто у карликового пуделя, нагадившего на подушку.

* * *

Жужжание воздушного боя отдалилось. Майора Васько круговерть в небе больше не интересовала. Советские истребители растрепали строй «Юнкерсов» и теперь горели один за другим в круговерти с «Мессершмиттами». Опыта не хватало. Еще не хватало тактического умения, слетанности и координации звеньев. Это уже не исправить. Да и не умел это делать танкист Васько. Он умел вести свои колонны. Для середины дня результаты были неплохими. Один «БТ» потерян. И еще две машины. Машины разбиты бомбами. В танке вышел из строя двигатель. Сейчас с него снимали боеприпасы и все нужное-полезное. Механики работали споро. Все отрабатывалось не раз и не два. Дежурные мастерские – «летучки» сновали вдоль колонны. Забитые фильтры двигателей меняли в считанные минуты. Чертова пыль.

Майор глянул на часы. Передовая разведывательно-дозорная группа уже должна выходить к железнодорожному разъезду. Там перекресток с большаком, идущим от Бересто на Львов. Наверняка пробка.

Мотоциклы разведчиков остановились у садика с завалившимся плетнем. Железнодорожный разъезд был невелик: несколько домиков и длинный обветшавший склад. Зато людей на рельсах копошились сотни. Короткий пандус забит машинами. Один эшелон разгружался, другой эшелон торопливо грузили, перебрасывая из машин свежесколоченные ящики. Прицепленные в хвосте плацкартные вагоны уже были заполнены женщинами и детьми семей львовского облОНО. Доставившие эвакуированных людей автобусы не отъезжали, мешая разгрузке тракторов и орудий гаубичного дивизиона. Рев тягачей, мат и крики военных, истерические свистки паровоза смешались воедино с криками и плачем детей, напуганных начавшейся еще в городе стрельбой и суетой.

У мотоциклов разведроты остановился броневомобиль с удлиненной антенной мощной радиостанции. К нему бросился лейтенант-разведчик. Из грузовика выпрыгивали бойцы комендантского взвода. Сзади подходили танки охранения.

Через пять минут головной дозор 64-го полка в буквальном смысле атаковал разъезд. Группы вооруженных бойцов, пробивая дорогу среди бестолково двигающихся и толпящихся красноармейцев и гражданских, направились к паровозу, к конторе начальника станции и к самому переезду. Расчет ручного пулемета занял позицию на крыше склада. Три танка, не щадя заборов и фруктовых деревьев, обогнули разъезд и наглухо перегородили дорогу на Бересто. Несколько регулировщиков с красными флажками, не обращая внимания на толпу и крики, пробились на другую сторону переезда. Сопровождающие их разведчики с еще одним пулеметом залегли на высоте, которую огибала уходящая на северо-восток дорога.

К разъезду подошла прикрывавшая головную колонну батарея ПВО.

Проезд был закрыт: два эшелона, грузовики и автобусы, тяжелые орудия и прицепы, сцепленные с тягачами. Масса растерянных, злых, дезорганизованных людей, которых убедить в чем-то просто невозможно.

Эшелон с эвакуирующимися и с недогруженными платформами тронулся под истошный гудок паровоза. Люди, заставшиеся между поездами, в панике закричали. Кто-то упал, кто-то повис на поручнях, пытаясь запрыгнуть на ходу. Проклятия в адрес машиниста, визг. Под колеса никто не попал, но поразительно, сколько шума могут создать почти две сотни перепуганных женщин и детей. Машинист в столпотворении виноват не был: его, в присутствии начальника эшелона, просто вынудили убрать эшелон подальше от переезда. Угроза оружием старшему по званию в военное время чревата трибуналом. Впрочем, наглые молчаливые бойцы не угрожали, – просто демонстративно держали оружие в боевом положении. Второй, артиллерийский эшелон так просто убрать с переезда не получилось. К паровозу часовые артдивизиона разведчиков-танкистов не подпустили, грозя открыть огонь согласно уставу караульной службы. Зато машины на самом переезде удалось полностью растащить. Применять легкое насилие и угрозы танкисты не стеснялись.

К разъезду подходил головной батальон полка. Разведчики попробовали еще раз прорваться к паровозу. Охрана всерьез защелкала затворами. На помощь часовым пришли офицеры дивизиона. Лейтенанту-разведчику пришлось ретироваться. Но передышки артиллеристы не получили. Бешено заорал майор – командир дивизиона. Захлопали выстрелы в воздух. Поздно: «КВ», разворачивая башню орудием назад, шел прямо на эшелон. Протарахтела предупредительная очередь с крыши склада. Толкаясь и падая, кинулись в стороны от состава люди. На опустевшее пространство, прямо под вагон, метнулся кто-то из разведчиков, расцепил сцепку. В следующую минуту громада тяжелого танка неторопливо протаранила платформу, со скрежетом спихнула вагон с рельсов, поволокла дальше. Танк старался отодвинуть вагон в сторону, но платформа упрямилась, ползла поперек дороги. Гусеницы «КВ» превратили настил переезда в деревянное, жеваное крошево. Наконец, край вагона зацепил угол сарая, развернулся, освобождая проезд. Танк деловито подтолкнул несчастную платформу еще дальше, как спичечную коробку, завалил сарайчик. Пестро-белым облаком разлетелись ошалевшие куры. Застыла на крыльце дома пораженная зрелищем мгновенного разорения хозяйка дома. «КВ» взревел и пошел вперед по дороге. Через развороченный переезд с трудом перебрались мотоциклы. Опережая подходящую колонну, подскочила полуторка саперов. Застучали топоры, наскоро приводя в порядок настил. Подбежавший с «наганом» в руке разъяренный командир дивизиона отскочил от «неловко» вырвавшегося броневика. Через рельсы двинулся взвод легких танков, и переорать их рев было невозможно.

64-й танковый продолжил марш по графику.

* * *

– ...Бес попутал, скомандовали, я рванулся, а винтовка зацепилась, – ныл Сопычев, свесившись с кузова и заглядывая в кабину к лейтенанту. Грузовик петлял между полянами, выбирая едва заметные колеи и стараясь удалиться от места встречи с немцами.

Катрин с отвращением косилась на униженно оттопыренный зад ефрейтора. Сопычев вымаливал право носить оружие с такой страстностью, что девушка даже удивилась. Прямо сектант какой-то воинствующий. Может, и впрямь – затмение на него нашло? Бывает ведь. Но все равно слушать противно. Хотелось пнуть в зад, чтобы умолк. А еще больше хотелось отобрать фляжку. Катрин так и не успела попить, а теперь просить воду у рассопливившегося радиста не хотелось. Что отвечал лейтенант опозорившемуся подчиненному, девушка не слышала. Судя по всему, ничего утешительного ефрейтору обещано не было. Сопычев сел у борта, подобрал штык и принялся пристраивать его за ремнем. Надо думать, был переведен в «легковооруженную» пехоту.

«Пора мне покинуть это транспортное средство, – подумала Катрин, отворачиваясь от убитой горем рожи ефрейтора. – Что я здесь от жажды и пыли загибаюсь? Выполнила все и даже больше. Нужно возвращаться. Душ, обед, пиво, хотя бы «Очаковское».

Солнце пекло прямо в макушку. На спине комбинезон промок от пота. Пыль скрипела на зубах, густо пудрила шею и волосы. Пыли стало больше. За машиной тянулся длинный шлейф. Катрин пригляделась. В пыли мутно взблескивало металлом.

Мотоциклы...

– Дай фляжку! – рыкнула Катрин ефрейтору и забарабанила по кабине: – Командир, немцы на хвосте.

Грузовик прибавил ходу. Все вокруг тряслось, звенело, жужжало, но даже Катрин, далекой от тактики и стратегии автогонок, было ясно, что уйти от быстрых мотоциклов не удастся.

Лейтенант высунулся из кабины, проорал:

– Не оторвемся. Будет удобный рубеж, зайдем оборону, готовьтесь.

Катрин кивнула, еще раз глотнула из фляжки. Вода теплая, и алюминием от нее прет, но все равно полегчало. Девушка кинула фляжку скорчившемуся у борта ефрейтору. Промелькнувшая было мысль дать ему «наган» была явно нелепой, стоило взглянуть на помертвевшее остроносое лицо. Штыком обойдется, штрафник.

Магазин трехлинейки был полон. Катрин было приложилась, но тратить пулю передумала. Мотоциклы приблизились, но и сейчас невозможно разглядеть, сколько их там. Вот сволочи, и охота им пылью дышать? Валили бы по своим оккупационным делам.

Девушка сплюнула в клубящуюся за бортом пыль. Что у тебя за судьба такая? Было ведь уже нечто похожее: грузовик, погоня. Только в Африке, как ни странно, пыли было поменьше. Да и грузовичок тамошний хрен прострелишь. Мельчаем.

Катрин сунула пилотку за ремень, машинально отряхнула волосы. Как коротко ни стрижешься, а надо бы еще короче.

Из кабины на миг вынырнул Любимов.

– Сейчас... мост...

Катрин привстала, кинув взгляд вперед, сообразила. Мост через узкую речушку. Перед ним то ли брошенные, то ли сожженные машины. Рубеж лучше не представится. Водная преграда, как-никак.

Только машины помешают.

Не успев сообразить, что она, собственно, делает, Катрин кувыркнулась через борт.

«Вот дура».

Полет показался длинным, будто из стратосферы прыгнула. Приземление – убийственным. Девушку закрутило по жесткой земле, понесло. Несмотря на знания и подготовку, руки и ноги не сломала чудом. Когда лягушачьи кувыркания прекратились, Катрин оказалась стоящей в собачьей позе. Голова находилась в опасной близости с бампером брошенной на обочине машины. Полуторка стояла с распахнутыми дверцами, вокруг валялись нанизанные на проволоку связки каких-то запчастей. Еще один грузовик замер в пяти метрах впереди. «ЗИС-5» с фанерной будкой, из которой кишками сползали полуразвернутые рулоны светлой ткани. Машины-укрытия рядом – это хорошо, но вот вырвавшаяся из рук винтовка валялась на середине дороги.

Катрин юркнула под днище грузовика. Полуторка с товарищами по оружию уже проскочила деревянный мост. В стрекоте и пыли приближались немецкие мотоциклы. Густая завеса прикрыла десантировавшуюся девушку, но та же пыль не давала как следует вздохнуть. Катрин глотнула густой взвеси. Не хватало еще раскашляться.

Она видела, как затормозил на той стороне Николаич. Уловила даже движения выпрыгивающего с винтовкой из кабины лейтенанта.

Если он не успеет, останешься ты, как крыса, под этой вонючей машиной.

Немецкие мотоциклы трещали уже рядом. Катрин уловила обрывки громкой непонятной фразы. Взвела курок «нагана». Револьвер казался теплым, даже потным и сидел в ладони неудобно.

«Сбегай, поменяй на «беретту».

Немцы увидели оставленный на той стороне грузовик и притормозили. Сквозь треск двигателей слышались голоса. Все это происходило метрах в тридцати от Катрин, и девушка злилась, что не понимает ни слова. Пыль чуть осела, и она разглядела сначала мотоциклистов, потом свою винтовку. Немцев было пятеро, мотоциклов два, возможно, старые знакомые. Тот на тот берег сразу не суются. Подрастеряли наглость.

Катрин глянула на винтовку и чуть не заскулила от разочарования. Всего каких-то метров десять, а не подберешься. Из трехлинейки сняла бы пару фрицев, и мяукнуть бы не успели.

Немец поднялся, поднес к глазам бинокль. Точно, тот самый. Несмотря на каску, Катрин узнала рыжего родственника покойного Ганса.

С того берега не стреляли. Понятно, этого астронома с биноклем хлопнешь, а остальные головы не дадут поднять.

Рыжий ничего не разглядел, опустил бинокль и закричал:

– Русский солдат! Сдавайся! Комиссар нет. Война плохо. Жить корошо. Выходи.

– Выходи, подлый трус, – пробормотала Катрин про себя, прицеливаясь и прикидывая, попадет или нет.

– Иду! – тоненько-тоненько взвизгнули на той стороне.

Голос Катрин не узнала. Мелькнула мысль о какой-то странной хитрости.

И тут же она увидела Сопычева. Радист удивительно быстро, на полусогнутых ногах бежал к мосту. Несмотря на согбенное положение, он умудрялся высоко держать поднятые руки. В одной был зажат штык, в другой красноармейская книжка.

– Них шиссен! – тонко и высоко голосил ефрейтор. – Я ценный! Радио знаю! Не стреляйте!

Вид Сопычева был странен и пугающ. Небывалая поза и скорость передвижения, нечеловечески визгливый голос поражали.

«Да разве ты могла ехать с таким гоблином в одной машине?»

Одновременно захлопали выстрелы с обеих сторон. Почему стреляли лейтенант с Николаичем, девушка вполне понимала. Почему принялись палить немцы? Возможно, их тоже напугал этот обезьяний бег. Или они заподозрили в дурацком штыке и рыжеватой книжке

коварную уловку большевистского фанатика? Или просто мстили за подстреленных в недавней стычке товарищей?

Стреляли много и часто. Короткие и длинные очереди «МП-38», резкие хлопки карабинов. Немцы разбежались вокруг своих драндулетов, стреляли с колена, коротко привставая из-за укрытия. Один из мотоциклистов удобно залег на пригорочке. С того берега отвечали реже, но одна винтовка высаживала обойму за обоймой, словно автомат. Николаич старается. Это же ему не баранку крутить. Куда гонит?

Катрин чувствовала себя дура душой. Отсюда стрелять – только себя раскроешь. Вылезешь – одного-двух подстрелишь, а куда потом с голой дороги деваться?

Перед мостом замер подстреленный с двух сторон Сопычев. Брать пример с этого вороха тряпья ни в коем случае не хотелось.

Пуля звякнула о металл. Угодили в машину, под которой лежала девушка. Не хватало еще под пулю товарищей попасться.

Немцы тоже решили поостеречься. Правда, их больше волновала судьба собственной техники. Один из мотоциклистов ухватил свою машину за руль, собираясь убрать ее подальше от большевистских пуль. Свой «Цундапп»¹⁷ он поволок под защиту брошенной машины, прямо на прячущуюся девушку.

«На ловца и хряк бежит», – подумала Катрин, поспешно пятясь. Немец сопел, толкая тяжелый агрегат. С носа и из-под каски капал пот. Винтовка заброшена за спину, коробка противогаза по заду похлопывает, трудолюбивый оккупант попался.

Катрин морщилась. Придется нашуметь, хлопнуть «бурлака». Был бы привычный нож-«лепесток» – обошлась бы без шума. Правда, на ремне фрица висел штык. Как там с застёжкой?

Немец затолкал мотоцикл в тень грузовика, с облегчением выпрямился. Прячущаяся за кузовом девушка слышала его тяжелое дыхание. Пахнуло горячим мужским потом. Соберется ли мотоциклист толкать вторую машину или просто вернется к своим товарищам, Катрин дожидаться не стала. Скользнула за спину немцу, обхватила рукой за горло и подбородок, поймала другой рукой рукоять штыка. Немец в первое мгновение замер, парализованный и беззащитный, как курица. Вот только высвободить штык не получалось. Фриц, приходя в себя, уцепился за руку, зажимающую его рот, и даже попытался кинуть невидимого противника через себя. Знакомая с такими фокусами Катрин не пустила, опрокинула мужчину к себе. Заваливаясь в ее объятия, мотоциклист попробовал ударить головой. Собственно, девушка была готова и к этому, но уж больно здоровая башка у немца в каске оказалась. От соприкосновения с «тяжелым тупым предметом» уклониться не удалось, – аж из глаз искры полетели. Катрин зашипела, готовая отпустить тяжелое тело и без изысков всадить в него пулю из «нагана». В этот миг штык поддался и вышел из ножен. Похожий на обоюдоострый кинжал, он был длинноват для привычного девушке ножа. Отрепетированный удар в печень не получился. Фриц отчаянно затрепыхался, пытаясь укунить руку, зажимающую рот. Катрин удерживала его надежно и с повторным ударом не сплеховала. Враг обмяк. Не удержав отяжелевшее тело, девушка и сама плюхнулась на задницу. Шепотом матерясь, заерзала, оттаскивая труп за грузовик. Тяжеленный хряк.

Несколько секунд борьбы показались получасом. Все так же хлопали выстрелы. Левую щеку саднило. «Понадевают касок, козлы».

Катрин торопливо сняла с немца винтовку. Покойник лежал, изумленно разглядывая голубое небо. Девушка щелкнула затвором. Опустошила два подсумка на поясе трупа и поползла под машину.

---

¹⁷ «Цундапп» (Zundapp Ks 750) – мотоцикл мощностью 25 л.с. Мотоцикл с коляской использовался германской армией, как правило, в составе разведывательных или отдельных мотоциклетно-стрелковых частей.

«Отряд не заметил потери бойца». Автоматчик еще набивал патронами магазин. Трое остальных немцев стреляли, не давая поднять головы залегшему на противоположном берегу немногочисленному противнику. Мотоциклисты расположились уверенно, как будто за ними танковая дивизия стоит. Может быть, действительно ждут подкрепления?

Катрин решила не затягивать. Один из мотоциклистов оглянулся, ища взглядом запропавшего товарища. Катрин поймала смутное лицо в прорезь прицела. Неплохие у фашистов винтовки. Голова немца коротко мотнулась, каска слетела, и мотоциклист распластался, убитый наповал. Его товарищи всполошились. Развернуться к внезапно появившемуся противнику они не успели. Катрин выстрелила в автоматчика. Тот выронил оружие, со стоном схватился за левое плечо.

В девушку начали стрелять. Догадаться, где прячется противник, мотоциклистам труда не составило, – кроме как за машинами, скрыться коварному русскому, собственно говоря, негде. Взвизгнула, отскочив рикошетом от колесного диска, пуля. Катрин торопливо попятилась. Фрицев осталось двое, но эти вполне могут зажать. Теперь не только толком не прицелишься, но и из-за грузовика не высунешься.

Один из немцев прополз по дороге ближе, приподнялся на коленях и кинул гранату. В кузов граната не попала, стукнула по крыше кабины и упала перед машиной. Девушка успела увидеть «колотушку» на деревянной ручке и уткнуться носом в землю.

Грохнуло не так уж сильно, но осколки густо застучали по машине. Кашляя от дыма и пыли, Катрин дотянулась до покойника. Едва не содрав сапог, рванула торчащую из короткого голенища такую же «колотушку». Отвинтила крышечку, дернула выпавший на шнурке шарик и изо всех сил швырнула гранату в сторону немцев.

Немец упавшую гранату увидел и, не дожидаясь взрыва, кинулся назад. Несколько секунд у него оставалось. Но торопился он зря, стоило мотоциклисту приподняться, с того берега щелкнул меткий выстрел. Лейтенант Любимов подтверждал свое звание снайпера.

Грохнула граната.

Катрин судорожно чихнула. Последнее время девушка стала необычайно чувствительна к химии. Вонь аммонала и пыль рассеялась. Оставшийся в одиночестве немец, сидя на корточках, растерянно крутил головой. Девушка подвела мушку к висящим на его шее мотоциклетным очкам. Словно почувствовав, что сейчас получит пулю, немец бросил свой карабин и задрал руки над головой.

Катрин не в первый раз удивило, с какой готовностью люди отказываются от свободы и достойной смерти. Неужели настолько счастливы в нынешней жизни? Вот дерьмо. Ты-то где свое милосердие потеряла? Не можешь пожалеть этого тридцатилетнего мужика. Сидит, будто в штаны наложил, руки, как физкультурник, тянет. Может, у него родители, жена, дети?

Она с трудом заставила себя не нажать на спуск. Лейтенант не поймет, – он парень правильный. Сначала допрос снимет, потом отправит одурманенного фашистской пропагандой солдата в лагерь на перековку. Скорее всего, там камрад и загнется от холода, вшей и недоедания. Ну, фриц, сам выбрал.

Держа винтовку на изготовку, Катрин вышла из-за машины.

– Найн наци, – громко залопотал немец, увидев врага. – Майн фатер дер коммунист. Интернационал, ферштейн?

– Ферштейн, ферштейн, – пробормотала Катрин. В таких пределах язык Гете она вполне понимала. – Отец у тебя коммунист, мать проститутка, а сам ты не местный. Может, тебе еще денег на обратную дорогу выдать?

Разглядев фигуру с винтовкой, немец примолк, очевидно пораженный принадлежностью русского танкиста к женскому полу. Наблюдая за ним краем глаза, девушка разобралась с остальными. Двое убиты наповал. Автоматчик лежал в луже крови, зажимая простреленное плечо. Серое пыльное лицо, вокруг глаз светлые овалы, оставленные поднятыми на каску

очками. Рыжих волос под шлемом не видно. Раненый следил за Катрин мутным от боли и ненависти взглядом.

«Сын коммуниста» снова залопотал. Что-то о доблестной фройлян, о женском милосердии и Гаагской конвенции.

– Пошел в жопу со своей конвенцией, – искренне посоветовала Катрин и указала стволом винтовки на пояс пленного. – Разоружайся. Найн арсенал, ферштейн?

Пленный начал дергать свои пряжки и выдергивать из-за ремня гранаты с таким энтузиазмом, словно собирался разоблачиться до сугубо мирного нудистского состояния.

Держа под прицелом разоблачающегося немца, Катрин чувствовала себя глупо. Где лейтенант с Николаичем застряли? Катрин глянула на ту сторону. Лейтенант Любимов зигзагом, как положено по боевому уставу, бежал к мосту. Молодец, однако. Осторожный.

Уловив движение, Катрин дернулась, выстрелила, почти не глядя. Пуля пробила грудь раненому автоматчику, голова немца со стуком коснулась земли. Окровавленная ладонь бесильно выпустила рукоятку «парабеллума». И как он, почти не шевелясь, умудрился достать пистолет?

Когда девушка щелкнула затвором, разоружившийся немец с ужасом всхлипнул, задрал руки еще выше и зажмурился.

– Что случилось? – прохрипел запыхавшийся Любимов.

– Да тут проявил героизм один... истый ариец, – пробормотала Катрин. – Что вы так долго?

– Николаича ранили, – ответил лейтенант, оглядывая слегка ошалевшим взглядом поле боя. – В госпиталь его надо быстрее доставить.

– Так поехали. А то еще немцы появятся.

– Пленный, документы, трофеи, – это как? – взгляд Любимова прыгал. Парень никак не мог сосредоточиться.

– Понятно, все заберем. Не дергайся. Сначала фрица связать нужно.

Мародерствовать лейтенант еще не научился. Предоставив ему выводиться из строя вражескую технику, Катрин быстренько собрала все нужное и полезное. Большое дело – навык. Лазить по карманам трупов занятие, конечно, неприятное, но и к нему привыкаешь. Катрин поглядывала на сапоги. Но тут уж не повезло, – все оккупанты были мужчинами немаленькими и обувь изящнее 42-го размера не носили. Большую часть оружия и подсумков девушка навесила на пленного. Тот покорно нагибал голову и со связанными руками вполне заменял ишака. Катрин остановилась у рыжего. Блестела полоска крови из угла губ. Прикрытые глаза обиженно отвернулись от убийцы. Сейчас Катрин не могла бы сказать, похож он или нет на покойного Ганса. Наверное, нет. Галун на погонах и воротнике – унтер-офицер. Катрин вынула документы, запасные обоймы. Кровь на рукоятке пистолета уже подсохла и с трудом оттерлась о штаны покойного. Все-таки – похож. И подбородок такой же крепкий. Катрин не могла отделаться от ощущения, что все можно было изменить. Зачем войны вообще нужны?

Девушка оглянулась, ища, чем бы прикрыть лицо рыжего пришельца. Ничего подходящего не увидела. Да и времени нет.

– Товарищ лейтенант, идемте.

Лязг и стук оборвался, Любимов закончил мстить «Цундаппам». На трупы немцев лейтенанту, по правде говоря, очень не хотелось оглядываться.

– Шнель, шнель! – рыкнула на пленного Катрин. Навьюченный немец покорно перешел на тяжеловатую рысцу. – Вперед, камрад! – подбодрила его девушка.

Двигаясь бегом за сопящим немцем, Любимов обернулся.

– Надо бы сжечь машины.

– На дымок не только пожарники нагрянуть могут, а мотоциклы после тебя только палеонтолог соберет.

– Кто?

– Ученый, что ископаемых ящеров по одной косточке собирает.

– Зачем?

– Партия такую задачу поставила. Чтоб, если ящеры оживут, встретить их надлежащим калибром.

– Шутишь все, – слегка обиделся лейтенант.

Они перебежали через мост и остановились у лежащего ничком Сопычева.

– Документы забрать нужно, – Любимов собрался с духом, перевернул ефрейтора. На лице покойника застыло то самое истошно-безумное выражение, что так напугало немцев.

– Может быть, он с ума сошел? – предположил лейтенант, высвобождая из мертвых пальцев красноармейскую книжку. – Что мне теперь в донесении о потерях писать?

– Напиши, пропал без вести. Вон, на лицо посмотри. Явно – пропал.

Любимов хмыкнул:

– Как же, пропал. Документы – вот они.

– Документы здесь, а боец пропал? – предположила Катрин.

– Ты научишь. Пошли быстрее.

Николаич был ранен в бедро и голень. Автоматная очередь достала его в момент переползания к лучшему укрытию. Ползал по-пластунски Николаич значительно хуже, чем водил машину.

– Ничего, – сказала Катрин. – До врачей доберемся, быстро на ноги поставят. Нынче медицина и не такие чудеса творит.

Вообще-то дела были не так хороши: кость задета, и сильно. Несмотря на жгут, кровь все сочилась. Николаич лежал с серым лицом и изо всех сил старался не стонать.

Водителя подняли в кузов. Пришлось развязать руки немцу. Фриц сопел, старательно поддерживал раненого за плечи. Николаич заскрежетал зубами и вырубился. Катрин сказала торопливо закрывающему борт лейтенанту:

– Давай быстрее. Крови потерял много. Быстро и осторожно. Сама знаю, что так не получится, но постарайся...

Немец тянул руки, напоминая, чтобы его связали. Катрин поспешно стянула ему руки за спиной и занялась Николаичем. Перевязочных пакетов хватало, но на ходу бинтовать было страшно неудобно. Катрин стучалась о борт всеми мягкими и немягкими частями тела. Ее жалких знаний об оказании первой помощи здесь было явно недостаточно. Девушка резала штыком окровавленные галифе, накладывала бинт поверх еще более неумелых повязок, сделанных лейтенантом. Получалось плохо, зато толсто.

Николаич если и приходил в себя, то очень на короткое время. Лейтенант гнал по проселку, машину кидало так, что и здоровым сидеть несладко. Катрин вытерла липкие руки своим бывшим сарафаном. Промедол бы мужику вколоть или еще что-нибудь антишоковое.

Немец глазел исподлобья. Наверное, думал, когда за него комиссары возьмутся.

Катрин прикрыла глаза. Попить бы. В кузове творился бардак: оружие, боеприпасы, шинель Сопычева, рация, коричневые обертки немецких пакетов первой помощи. Где здесь флягу найдешь? Сил нет. Девушка притянула поближе винтовку. Вяло проверила затвор. День бесконечный. Солнце палит, как на юге, спасу нет. Если немец сиганет за борт, так и хрен с ним.

Очнулась от стога Николаича. Раненый шевелил потрескавшимися губами, хотел пить. Очумевшая от короткого забытья девушка принялась ползать среди оружия. Нашла флягу. Николаич, глотал, обливаясь. Все так же прыгала по пустому проселку полуторка, все так же тряся у заднего борта скорчившийся немец. Сколько времени прошло? Катрин соображала с большим трудом. Проклятое солнце висело на том же месте. Раненый лежал, закрыв глаза. Вода на гимнастерке уже высохла. Нужно было с какого-нибудь убитого часы снять, или этот день никогда не кончится. Катрин посмотрела на пленного. С него часы снять, что ли? Противно...

* * *

Танковые роты тщательно, как будто собираясь оставаться здесь надолго, маскировались. Майор Васько вывел полк на несколько километров восточнее Золоча. Еще одно нарушение приказа командования корпуса, но и это проскочит. 64-й полк вышел на исходные намного раньше остальных частей дивизии. Немецкие колонны 1-й танковой группы уже проскочили на восток, вклинились в тыл 6-й армии. Можно сесть немцам на хвост, трепать, не давая развить успех. Только пока подобные действия не входят в планы штаба армии. Собственно, ни штаб, ни командующий армией еще не знают о масштабах немецкого прорыва. О выходе немцев на рубежи восточнее Львова станет известно только ночью.

Об этом знал майор Васько. Но ни он, ни остальные офицеры отдела «К» не собирались ловить прорвавшиеся немецкие танки.

Батальоны полка приводили себя в порядок. Подходили отставшие роты и отдельные машины. Только-только втягивался с дороги в лес батальон тяжелых танков. «Т-35» со своими максимальными 30 км/час могли соревноваться только с тихоходными артиллерийскими тягачами.

Отдых. К шоссе, вдоль которого прорвались немцы, командир полка выслал разведчиков и саперов. Васько ждал вестей из 4-го мехкорпуса. Еще ждал подхода своей дивизии и всего корпуса. Группировка, готовящая контрудар, хоть и медленно, но концентрировалась на исходных.

В 16.32 на связь вышел подполковник Тарасов. Командование над своим полком он принял, но большая часть корпуса уже вошла во Львов. Ударные части корпуса оказались втянутыми в беспорядочные перестрелки с националистическими группами, засевшими на чердаках и в подвалах.

* * *

У села Щурица полуторка вышла к большаку. Катрин издали увидела запряженную повозками, людьми и машинами дорогу. Движение казалось одинаково напряженным в обе стороны. И к городу, и от города шли беженцы, гнали стада, двигались отставшие от своих частей подразделения, отдельные армейские машины и даже единичные танки. Вдоль обочины тянулась длинная цепочка уставших до полного безразличия пехотинцев.

Катрин знаком приказала немцу лечь и не высовываться. Их полуторка с трудом втерлась в тесный поток. Кто-то ругался, истошно сигналила легковая машина. Лейтенант не обращал внимания. Они пристроились за тяжелогруженным грузовиком. Грузовик еле полз, стреляя удушливыми черными выхлопами. Обогнать его было невозможно, да и бесполезно, – насколько могла видеть Катрин, впереди тянулась сплошная колонна из перемешавшихся телег, тягачей и машин.

Девушка машинально взглянула на небо. За последние часы они только раз видели прошедшие далеко на севере самолеты. Должно быть, у немцев на данный момент были цели поважнее, чем эта мешанина на дороге.

Николаич что-то пробормотал. Катрин нагнулась ниже.

– Далеко еще? Нога болит невозможно.

– Чуть-чуть осталось. Держись. Скоро укольчик сделают, полегчает, – девушка вытряхнула из фляги остатки воды, протерла клочком сарафана осунувшееся лицо водителя.

Пригрозив немцу пустой посудиною, чтобы не шевелился, Катрин перегнулась к кабине.

– Долго еще? Какого-нибудь объезда нет?

– До города километров пять осталось. Объезжать еще дольше будет. Воды там нет? – прохрипел Любимов. Лицо у него было напряженное. Волосы слиплись от пота.

– Извини. Ни капли не осталось, все Николаичу отдала. Надо было у немцев фляги взять.

– Зато мы у них автомат взяли. В полку похвастаю. Если дотяну. Водитель из меня, честно говоря, хреновый. Я больше на «бэтээшке» да на мотоцикле учился.

– Да ты чего? – удивилась Катрин. – Отлично ведешь. Не такой, конечно, гонщик, как Николаич, но вполне.

– Льстите, товарищ инструктор. Ты лучше немца проверь. Скоро КПП будет.

Пробиться до КПП оказалось сложно. Огромная пробка встала у первых домишек пригорода. Любимов запрыгнул в кузов, глянул в трофейный бинокль.

– Ничего себе, километр еще, а уже не двигаемся.

– Давай придумай что-нибудь, – нервно сказала Катрин. – Нам загорать некогда. Раны нужно бы почистить. Так и до заражения недалеко.

– Да понимаю, – лейтенант с досадой махнул вперед биноклем. – Если крутанем, так нарушение режима движения припаяют. Не знаю, как ты, а я могу запросто на «губе» оказаться.

– «Губа» – дело житейское, командир полка тебя вытащит. Зато Николаич сможет на своих двоих победу отпраздновать, – Катрин понизила голос: – Сам понимаешь.

– Понимаю, если что, потребую, чтобы тебя по соседству заперли. В порядке комсомольской солидарности.

– Запросто. Хоть в одну камеру.

Последнего Любимов не слышал. Хлопнула дверь кабины, и полуторка, непрерывно сигналя, вывернула из колонны. Вслед послышался мат чуть не угодивших под колеса красноармейцев. Грузовик перевалил через глубокий кювет. Застонал и потерял сознание Николаич. Катрин старалась его поддержать, но и сама колотилась о борт. Связанный немец пытался упереться ногами, ящик рации настойчиво наезжал ему на голову.

Любимов напрямую, по полю, объехал сад. Грузовик сломал забор, переехал грядки с огурцами. Едва не обрывая цепь, яростно лаял черный пес. Полуторка проехала через тесный дворик, оборвала бельевые веревки и, снеся хилые ворота, оказалась на зеленой улочке. Лейтенант радостно повернул направо.

Захлопали выстрелы.

Катрин слышала, как мгновенно заглох двигатель. Любимов высунулся из кабины и заорал:

– Вы что, озверели?! По своим стреляете?

– Свои на КПП отмечают. Руки вверх!

– Сейчас, товарищ сержант, подниму. Особенно если представитесь как положено.

Катрин осторожно высунулась.

Машину и лейтенанта держали под прицелом четверо бойцов. Сержант безо всяких шуток целился в грудь Любимова из ухоженного «ППД».

– Вы, товарищ сержант, спокойнее. Я выполняю задание командования. А у вас в руках боевое оружие.

– Будьте добры поднять руки вверх, товарищ лейтенант. У нас тоже задание. Не подчинитесь, буду стрелять, – сержант в фуражке с синим верхом и малиновым околышем¹⁸ был настроен серьезно.

– А в немцев ты стрелять не пробовал? – вкрадчиво спросил Любимов. – Может, ты их и не видел?

Катрин сдернула с себя пилотку и резко поднялась на ноги.

---

¹⁸ Ярко-синий и малиновый – отличительные цвета НКВД.

– Как вам не стыдно спорить, товарищ лейтенант! У нас каждая минута на счету, а вы вступаете в пустые пререкания и не даете бойцам выполнять свои обязанности. А вы, товарищ сержант, прежде чем наставлять оружие на командира Красной Армии, могли бы проверить автомобиль. Вдруг здесь немецкие диверсанты скрываются? Вызовите старшего по команде. Мы возвращаемся с боевого задания. У нас тут раненый и пленный. Не думаю, что в штабе одобряют, если мы с вами будем тянуть резину. Общее дело делаем. Или мы с вами не советские люди, не коммунисты? Проверяйте нас и не задерживайте.

Катрин выпятила грудь с комсомольским значком.

Мужчины дружно и слегка ошалело уставились на значок.

Неизвестно, чем бы закончилось выяснение отношений, если бы из переулка не выскочил мотоцикл с коляской. Сидящий в коляске боец направил ствол «дегтярева» в живот девушке. Водитель мотоцикла ловко вскинул автоматическую винтовку. Сидящий за ним командир требовательно спросил:

– Что у тебя происходит, Жигунов?

– Пытались скрытно проникнуть в город, – отрапортовал сержант. – Якобы возвращаются с задания. Говорят, имеют раненого и пленного.

– Якобы, да говорят, – поморщился старший лейтенант, неохотно вставая с седла мотоцикла. – Четче, Жигунов. Документы проверил?

– Никак нет. Не успел, вступили в пререкания.

– Если так возиться будешь, они с тобой и в половую связь вступят, – старший лейтенант глянул на девушку.

– Разрешите доложить, товарищ старший лейтенант, – Любимов спрыгнул с подножки и лихо кинул руку к фуражке. – По заданию командира полка был отправлен делегатом связи. Под своей командой имел трех человек. На обратном пути столкнулись с разведкой немцев. В бою уничтожили четырех мотоциклистов. Один взят в плен. Два «Цундаппа» выведены из строя. Потери: один красноармеец убит, водитель тяжело ранен. Следуем в госпиталь, потом в штаб дивизии. Вот мои документы...

– Немцы, говорите? Жигунов, осмотри с бойцами машину. А разве немцев у границы не остановили? Панику наводите, товарищ лейтенант?

– Никак нет, – Любимов расстегнул полевую сумку и вытащил стопку немецких документов. – Вот, товарищ старший лейтенант, изъяты у трупов, согласно инструкции. Наверно, просочились на стыке наших частей. Вот документы моего раненого водителя. А это убитого ефрейтора Сопычева. Отвлек на себя внимание немцев, пал как герой. Буду добиваться представления к награде.

– Ну да, – старший лейтенант НКВД, не выпуская из рук стопку документов, снова взглянул на молчащую девушку. – А что у вас в танковых войсках такие красавицы делают?

– Товарищ старший лейтенант! Смотрите, – сержант, обыскивающий машину, держал немецкий пистолет-пулемет. – В кабине лежал.

– Товарищ старший лейтенант, здесь раненый и этот, – солдат, забравшийся в кузов, поднял за шиворот послушного немца.

– Так, – чекист секунду помолчал, – пленный, значит? И оружие.

– Так точно, трофеи, – Любимов обреченно показал, – вот документы пленного.

– Хорошо, товарищ лейтенант. Согласно приказу, немца и оружие мы забираем.

– Товарищ старший лейтенант, – взмолился Любимов, – мне в штаб дивизии...

– Не время для споров, лейтенант. Боец Ефремов, проводите лейтенанта до комендатуры. Пусть свяжутся с кем положено. Счастливо, товарищ лейтенант. Выполняйте приказ.

Бойцы ловко сгрузили немца. Старший лейтенант собственноручно проверил, как связан пленник, и подтолкнул его к мотоциклу.

– До госпиталя нам как добраться? – грустно спросил Любимов.

– Жигунов, объясни, – приказал чекист, садясь за руль мотоцикла. Немца усадили в коляску. Автомат старший лейтенант повесил на шею. Немецкие винтовки держал усевшийся сзади пулеметчик.

На ограбленного Любимова было смешно и жалко смотреть.

* * *

В госпитале Катрин так достала измученного врача своими просьбами и требованиями, что он в конце концов согласился включить раненого в первую партию эвакуации в глубокий тыл. Зачем-то предложил девушке пройти в процедурную. Катрин в некотором изумлении отказалась. В госпитале раненых уже хватало. Что это военврачу вздумалось девок рассматривать? До войны не нагляделся?

Катрин завернула в туалет. Напилась холодной воды до неприличного бульканья в животе. Наполнила из-под рычащего от напора воды крана фляжку. Умылась. В коридоре ее ждал такой же умытый и посвежевший Любимов. Под старинными каменными сводами госпиталя было прохладно и тихо. Сюда, в торец длинного высокого коридора, запах карболки и боли не доходил. Найти бы какую-нибудь пустую палату и «поболеть» часа хотя бы два.

– Пошли, что ли?

Мимо торопливо прошел санитар. Оглянулся на девушку.

– Чего это медики меня так разглядывают? Здесь вообще, что ли, баб не бывает? Нет, я же санитарок сама видела.

– Ты, Катя, на себя в зеркало смотрела?

– Сейчас? Нет. Чего там интересного?

– Ну, не знаю. Может быть, стоит взглянуть правде в глаза, товарищ инструктор?

Катрин вернулась в туалет. Мутное зеркало висело почему-то в межоконном проеме. Ни фиги себе! Левый глаз девушки окружал лиловый синяк. Широкий, смачный, такие рисовали в черно-белых комедиях на заре кинематографа. Не веря своим глазам, Катрин потрогала пальцем. Ушиб практически не чувствовался. Черт знает что. Ужасные у фашистов каски. Хорошо, что без рогов.

Любимов с интересом посмотрел на девушку. Особого смущения не увидел. Разве что пилотка сдвинута пониже.

– Фигня. Позор немецко-фашистским захватчикам. Хорошо хоть не болит, – пробурчала Катрин.

– Хорошо, – согласился лейтенант. Перед ним стояло создание в широком распоясанном комбинезоне, испятнанном кровью и машинным маслом, в грязных, уже не просящих, а требующих «каши» тапочках. Ядовито светился сквозь синяк изумрудный глаз. Пилотка непонятно как держалась на небрежно приглаженных светлых прядях волос.

Любимов смущенно кашлянул.

– Вам бы, Катя, в порядок себя привести. Переобуться...

– После комендатуры. Я и так задерживаюсь.

Действительно, пора и честь знать. Всех мотоциклистов все равно не перестреляешь, а в отделе доклада ждут. Хотя зачем им доклад? Наверное, уже все результаты по факту просчитали.

Боец, осуществлявший роль то ли проводника, то ли конвоира, нервно прохаживался возле полуторки. Вообще, во дворе гарнизонного госпиталя царил нервная обстановка. У ворот устанавливали второй станковый пулемет. Только что прибывший санитарный автобус разгружали бегом, невзирая на стоны и жалобы раненых.

– Долго вы, товарищ лейтенант. Слышите? Опять началось. Не добили утром националистических бандитов. В спину стреляют, сволочи, – боец НКВД так сжимал свою самозарядную винтовку, как будто собирался немедленно вступить в рукопашную схватку.

Дело, впрочем, явно осложнялось. Слышалась близкая перестрелка, можно было различить не только треск винтовочных выстрелов, но и пулеметные очереди, разрывы гранат. Затем грохнуло так, что окна зазвенели.

– Может, немцы прорвались? – спросил побледневший боец. – Вы ведь мотоциклистов недалеко видели?

– Те уже никуда не торопятся. Не наводи панику, – строго сказал Любимов. – Ты чекист или из банно-прачечного отряда? Поехали в комендатуру, приказ никто не отменял.

– Так точно – «чекист», – Ефремов замялся, – только бой идет как раз в той стороне.

– Бой, товарищ боец, это когда применяются танки, артиллерия и авиация. А это – так... плановое выявление диверсантов и вражеских шпионов.

– Зачистка, – подсказала Катрин.

– Вот товарищ инструктор, и та понимает. Смелее, товарищ Ефремов. Показывайте дорогу. Я во Львове всего два раза бывал.

– Мне вас приказано в комендатуру проводить, а не под пули вести. Мне отвечать, если вас вдруг ранят или убьют, – заупрямился боец.

– Так что, нам теперь всю войну при госпитале сидеть?! Мне засветло в полк вернуться необходимо. Объедем опасный квартал, заскочим в комендатуру, получите свою отметку и свободны. Или мне о вашем поведении докладную писать? – наседал потерявший терпение лейтенант.

Часовые подняли шлагбаум, и грузовик вывернул на пустую улицу. Катрин сидела на шинели в опустевшем кузове. Девушка подняла одинокую трехлинейку, на которую не польстились чекисты. Нашелся еще ремень с подсумками, принадлежавший Николаичу. Всего три обоймы. Перед своим ранением водитель патронов не жалел. Может, и кончилась для него война. Отрезать ногу запросто могут. Зато живой останется.

Катрин отпихнула ногой собственный никчемный портфель и без зазрения совести залезла в вещмешок покойного ефрейтора. Сопычев был хорьком запасливым. Катрин нашла зачерствевший хлеб, банку консервов, уйму катушек ниток, сапожный нож, сахар, четыре пачки папирос и две пары кальсон. Только патронов не нашла. Ладно, к долгим боевым действиям девушка все равно не готовилась. Оставалось отметить в комендатуре, дабы не подводить Любимова. В нынешней суматохе «липа» с инструктором должна проскочить. Проводить лейтенанта, зайти в пустой дворик и через минуту оказаться дома. Дом – понятие шаткое. Но у лейтенанта на четыре года вперед вообще никакого дома не предвидится. Да и четыре долгих года – это если Любимову очень-очень повезет.

Девушка вздохнула и перетянула себя солдатским ремнем. Под комбинезоном остались трофейный штык и «наган». Афишировать арсенал перед визитом в комендатуру не стоило.

Полуторка осторожно пробиралась по притихшим улицам. Вокруг высились старые красивые дома. Город недобро затаился. Кое-где блестели на тротуаре выбитые стекла, ветер гнал по мостовой бумаги и мусор. Сильно пахло дымом. Бой в районе комендатуры вроде бы стих. Одиночные выстрелы доносились со всех сторон, где-то настойчиво и бесконечно бил пулемет. Но все это вдалеке. Здесь только тишина, нарушаемая урчанием двигателя полуторки да побрякиванием шаткого корпуса машины на камнях древней мостовой.

Все это напоминало другой город. Там тоже пахло гарью.

На перекрестке лежал человек. Катрин увидела седой, коротко стриженный затылок, неловко торчащий локоть, светлый пыльник в пятнах крови.

Трупы, везде трупы. Катрин села спиной к кабине. Откуда начнут стрелять, все равно не заметишь, а смотреть на затаившийся в страхе и надежде город тяжело. Несколько дней здесь

будут отлавливать и расстреливать высунувшихся раньше времени желто-голубых, потом станут охотиться на не успевших уйти «советских», потом придет черед евреев. Ими будут заниматься с особым тщанием и удовольствием. Ясное дело, – мало кто из жидов сможет отстреливаться до последнего патрона. А за сопливых и слезливых жиждовок и жиденят, подумать только, новая власть даже приплачивать будет. Хйба поганый час для щирого украинця?

«Война – дерьмо. А то, что творится под прикрытием этого дерьма, непонятно даже как назвать. Людишек здешних не переделать. Может, пора подумать о себе, нелюбимой? Чего сюда поперлась? Помочь, как просили, помогла, можно было и сваливать. Еще вчера...»

Рычание множества двигателей, шум и крики заставили Катрин подняться. Полуторка остановилась на перекрестке. По широкой улице медленно двигалась колонна военной техники. Очередная безумная смесь бронетехники, тягачей с противотанковыми пушками, грузовиков с боеприпасами, мотострелками, минометами и еще сотнями тонн груза, которые будут брошены или уничтожены в ближайшие дни и недели.

Катрин знала цифры, знала практически неизбежный сценарий летнего разгрома Красной Армии. Все равно не верилось, что вся эта сила, все эти лучшие в мире танки, миллионы одетых, кормленных, обученных бойцов и командиров не устоят перед наглым, самонадеянным врагом.

Катастрофа. Еще не бывшие в бою, но уже обреченные, намотавшие за три дня войны на свои гусеницы сотни километров танки. Уходящий в ничто моторесурс, сжигаемые тонны горючего. И люди, на глазах теряющие уверенность...

Не все, конечно, не все. Битва за Западную Украину еще только начиналась.

А пока нужно пересечь забитую войсками улицу Соборную.

– Ничего, проскочим, – сказал Любимов, озирая вереницу машин. – Экая силища. Только порядка нет. Бардак...

Катрин промолчала. У нее были основания полагать, что не любой бардак является синонимом беспорядка и хаоса. Бывают бардаки вполне аккуратные, с роскошной мебелью и прекрасным постельным бельем. Видали мы такие. Но вдаваться в дискуссию не стоило. Девушка вскрыла банку консервов. Жуя мясо с крошащимся хлебом, лейтенант покачал головой.

– Столько бронетехники, а я машину так и не получил.

– Зато мы немцев уже постреляли, а они в броне только парятся, – прочавкала Катрин.

– На танке я бы их больше уложил. Я все-таки танкист. А так, честно говоря, мотоциклов в основном ты валила. Вы бы посмотрели, товарищ Ефремов, как наши комсомолки стрелять умеют.

Конвоир мрачно молчал. Ему не терпелось вернуться в родную роту.

– Нервничать не надо, – сказала Катрин, запивая мясо госпитальной водой. – А стрелять мы все умеем. Фашист ничем не тверже свиньи, простреливается запросто.

– О! По коням! – скомандовал лейтенант.

В колонне заглох один из «ЗИСов». Образовалась щель, в которую, сигналив, втиснулся грузовик с быстро сориентировавшимся лейтенантом Любимовым за рулем. Со всех сторон полуторку обматерили, но и лейтенант, и Катрин за эти дни совершенно свыклись с массовым употреблением ненормативной лексики.

Снова потянулись пустые улицы, промелькнуло слева здание театра. Машина вывернула на Валовую. Ефремов, до сих пор не слишком уверенно руководящий движением подконвойных, обрадовался знакомым местам.

– Вот тут направо, у аптеки налево, там еще фонари чудные...

Машина повернула направо. Впереди булыжную мостовую перегораживала невысокая баррикада из ящиков, досок и останков громадной ржавой кровати.

Катрин захотелось заорать, чтобы не вздумали останавливаться. Баррикада она по личному опыту терпеть не могла. Но лейтенант уже тормозил. С ходу прорываться через свалку

рухляди на мостовой и рисковать покрывками он не хотел, задний ход давать не было оснований. Проще раскидать доски. За минуту можно управиться. Ефремов высунулся, стоя на подножке, вытянул шею.

– Утром проезжали, здесь ничего...

Катрин едва успела ухватить винтовку. Выстрелы ударили сверху, казалось, со всех сторон. Девушку спасло только то, что она, не раздумывая, перевалилась за борт. Ахнула, упав на горбатые камни. Вокруг звенели стекла, взвизгивали, рикошета от мостовой, пули. Ефремов отпустил дверцу кабины, неуверенно сделал шаг, другой... Выронил винтовку и взялся за живот. Еще одна пуля попала ему в голову, сбив фуражку с синим верхом. Боец рухнул на камни. С другой стороны из кабины вывалился лейтенант. Закрывая двумя руками голову, слепо пополз в сторону.

– Куда, твою мать?! – закричала Катрин. – Сюда ползи.

Любимов послушно повернул на голос. Из-под его пальцев текла кровь.

– Замри, – скомандовала девушка.

Они скорчились за задним колесом грузовика. Полуторка вздрагивала от попадающих в нее пуль. Катрин различила длинные очереди пулемета и хлопки двух-трех винтовок, помогающих дьявольской машинке. Стреляли все-таки не со всех сторон, – только с верхнего этажа и с чердака трехэтажного дома. Внизу висела красивая, старорежимного вида вывеска аптеки.

– Мне череп прострелили, – прохрипел лейтенант.

– Лапы убери, посмотрю.

Любимов разжал вздрагивающие руки.

Катрин с облегчением увидела глубокую царапину на правой стороне лба. Кровь в основном текла из полуотодранного уха.

– Мозги на месте, – девушка выдернула из кармана остаток немецкого бинта, – глаз протри. Слипнется. И винтовку бери, пока из нас действительно мозги не вышибли.

Сволочной пулемет умолк. Должно быть, с перезарядкой возились. Хлопнул винтовочный выстрел. Пуля взвизгнула в полутора метрах от ноги лейтенанта.

– Двигаться нужно, сидим, как мишени на стрельбище, – Любимов прижимал ко лбу скомканный бинт и приходил в себя.

– Точно. Придется тебе меня прикрыть, – Катрин торопливо возилась, перевешивая ножны со штыком на пояс и проверяя «наган». – Только в меня не попади сослепу.

– С ума сошла?! В рукопашную собралась? Да ты знаешь, сколько их там может быть?

– Все мои. Если кого ты подстрелишь, я не обижусь.

– Я пойду...

– Сиди. Я клинком привыкла махать. Справлюсь. Жаль, гранат нет.

Стукнули еще два выстрела. В кабине полуторки что-то жалобно зазвякало.

– Возьми, – Любимов выцарапал откуда-то с живота из-под гимнастерки утаенный от чекистов «парабеллум».

Катрин предпочла бы второй «наган», но привередничать было некогда. Надолго ли умолк пулемет, девушка не имела ни малейшего представления.

– Прикрывай!

Лейтенант кивнул неузнаваемой, наполовину красной головой, сморщился, и, на миг поднявшись над бортом машины, выстрелил. В ответ немедленно затрещали выстрелы. Кажется, сразу три.

Катрин метнулась сзади машины, вмиг пролетела три метра до стены дома. По девушке не стреляли, то ли не заметили, то ли просто опоздали. Катрин вжалась спиной в дверь подъезда. Мертвая зона. Дверь заперта. Покрашенные коричневой краской резные завитушки врезались между лопаток.

Любимов прополз чуть вперед, высунулся из-за капота, выстрелил. Ему ответили с опозданием.

Не профи.

Вдохновленная этим, девушка двинулась вдоль стены. Метрах в трех замер убитый Ефремов. Кровь аккуратными струйками заполняла впадины между камнями. Самозарядная винтовка так и манила взгляд Катрин. С такой машинкой можно и повоевать, не то что эти самопалы времен Первой мировой. Но жадность сейчас неуместна. Если тебя до сих пор не заметили, то уж вояж за «СВТ»¹⁹ точно привлечет внимание. Катрин кралась вдоль стены. «Парабеллум» оттягивал руку. С противоположной стороны улицы на девушку смотрели десятки окон. Заходящее солнце блестело в стеклах, и Катрин не оставляло ощущение, что за ней кто-то следит.

Сейчас какой-нибудь престарелый петлюровец как врежет картечью из двустволки.

Ступать было больно. Осколки стекол врезались в пятки сквозь истончившиеся до прозрачности подошвы тапочек. Большой палец любознательно торчал из дыры. Так и в йога превратишься. Стрельба прекратилась. Лейтенант сэкономил патроны. Над аптекой тоже выжидали. Стрельба в других районах города, взрывы на окраинах казались безмерно далекими. Куда слышнее был ехидный скрип стекол под ногами.

Вот и угол дома с аптекой. Катрин хотела обойти его с тыла. Выбивать аптечную, наверняка не фанерную дверь или бить витрину нежелательно. Шума будет много. Во двор вели крепкие ворота и калитка. Заперто. Придется через верх. Катрин засунула пистолет за ремень, подпрыгнула.

Любимов очень вовремя выстрелил по чердачному окну. Оттуда начали палить в ответ. Катрин подтянулась, и в это время загрохотал пулемет. Сидя верхом на заборе, девушка оглядела двор. Куча угля, старый велосипед, сарай. Катрин соскользнула с забора.

Вдоль стены тянулась низкая пристройка – вход в подвал. Над ним балкон. Девушка запрыгнула на покатый черепичный скат подвального входа, оттуда без труда дотянулась до балкона. Витые прутья ограды балкона заскрипели, но выдержали. Катрин закинула ногу, колено уперлось во что-то ужасно неудобное. Давя стон, девушка выпрямилась.

Наверху гремел пулемет. Теперь он бил короткими очередями. Надо думать, патроны у «аптекарей» тоже были в дефиците.

Катрин прислонилась к стене спиной, перевела дух. Пора переходить к активным действиям. Потрогала ручку двери. Заперто. Куркули осторожные. Дождавшись очередной перестрелки, стукнула рукояткой пистолета по стеклу. Кажется, зазвенело громче пулемета. Отодвинув щеколду, Катрин скользнула вовнутрь.

После хоть и угасающего, но яркого солнечного света оказалась в смутной полутьме. Громоздкая мебель, чехлы на стульях, низко опущенный к столу абажур. Бу-бу-бу – глухо проговорил пулемет наверху. Катрин двинулась вперед.

Коридор. Глаза привыкли к темноте. В поисках лестниц наверх Катрин скользила по мягкой ковровой дорожке. Тумбочка. Тускло мерцает старый телефонный аппарат. Темныйпрямоугольник зеркала. Еще дверь. Тихо. Вешалка. Группка пальто и плащей. Призрак казненных через повешенье...

Входная дверь. Опять заперто. Катрин осторожно повернула защелку. Клацнуло, как будто затвором. На лестнице пахло прохладой и влажной уборкой. Наверху короткая строчка пулемета простучала громче. Дверь на чердак открыта. Но до чердака есть еще эти... стрелки-охотники на третьем этаже. В последние минуты винтовочных выстрелов девушка что-то не слышала.

---

¹⁹ «СВТ» – самозарядная винтовка Токарева.

Ступала Катрин совершенно бесшумно. Еще бы, все равно что босиком. Только бы они никаких гвоздей здесь не накидали.

Площадка третьего этажа. Две двери. Куда? Налево? Направо? Дальше деревянная лестница на чердак. Темнеет распахнутый люк. Туда?

Дверь с правой стороны с грохотом распахнулась. Катрин машинально присела. На лестницу вывалились две фигуры. Мелькнул винтовочный ствол... Девушка вскинула «парабеллум». Грохнуло как из пушки. Вспышка выстрела порядком ослепила и саму Катрин. Она нажала на спуск еще два раза, целясь чуть ниже, и откатилась к лестнице.

Кто-то стонал. Из глубины квартиры выстрелили. Пуля стукнула в стену высоко над головой. В квартире закричали. Слов девушка не разобрала. Что-то со звоном опрокинулось. Катрин различила два тела, лежащие в дверях. Верхнее шевелилось. Катрин выстрелила не раздумывая. Донесся громкий вздох. Из квартиры начали торопливо стрелять. Над головой снова ожил пулемет. Катрин скорчилась на холодных ступеньках, в бок давили ножны штыка. Сверху сыпалась пыль и известь.

Человек, поспешно высадивший обойму в сторону лестницы, снова закричал. Ему, кажется, ответили. Катрин выдернула из-за спины «наган». Не поднимаясь, доползла до двери. Локти разъезжались в липком. Прячась за неподвижными телами, Катрин выстрелила в темноту за дверью сразу из двух стволов. И тут же прыгнула вперед. Под ногами спружинила забаррикадировавшая дверной проем плоть. Девушка откатилась в сторону, сшибла ореховую тумбочку. Сверху, прямо на голову, упал телефонный аппарат. Блин. Плюс телефонизация всей страны...

В дальней комнате что-то происходило. В коридор под углом падал дневной свет, и Катрин видела гильзы на ковровой дорожке, приоткрытую в конце коридора дверь, белеющий унитаз за нею. В коридор, словно кукушка из часов, выскочил человек, не целясь выстрелил из короткого карабина. Девушка ответила ему из «нагана», – не попала, обозлившись, швырнула по направлению унитаза увесистый телефонный аппарат. Швырять средство связи занятой револьвером рукой – дело неумное. До туалета телефон не долетел, звеня и брэнча, покатылся по коридору. На эту провокацию осажденные немедленно ответили стрельбой. «Да сколько же их там?!» – изумилась Катрин. Как минимум трое стреляли одновременно. «Больше без гранат из дому не выйду. И вообще, самое время отправляться восвояси к химическому пиву».

Вместо того, чтобы последовать этой, совершенно разумной мысли, девушка поднялась и, крадучись, двинулась вперед, стараясь держать на прицеле дверной проем, из которого так шустро выскакивал человек-кукушка.

Она слышала обрывки нервных фраз, но говорили на украинском, и девушка никак не могла уловить суть. Все же по тону она почти догадалась.

Когда трое мужчин одновременно выскочили в коридор, Катрин, упав на одно колено, открыла стрельбу первой. Стрелять пришлось почти в упор. Из бандеровцев, не ожидавших, что противник окажется так близко, выстрелить успел только один. В прижавшуюся к стене девушку пуля карабина не попала, зато лихорадочно плюющиеся огнем стволы в руках Катрин находили цель безошибочно. Но три конвульсивно дергающиеся фигуры никак не желали падать. Курок «нагана» клацнул вхолостую. Катрин попятилась от неуязвимых силуэтов. И тогда они начали валиться на пол. Задыхаясь, Катрин поняла, что враги не падали только из-за тесноты – коридор был слишком узок для трех крупных мужчин. Девушка не успела рассмотреть сползающие на ковровую дорожку тела и разбитый унитаз за превращенной в решето дверью. В коридоре потемнело – на Катрин рванулся четвертый националист. Грузный, пожилой. Страшное, ненавидящее лицо с седыми отвислыми усами.

– Дерьмо собаке. Москали вошивы! – В занесенной руке сверкнула сабля.

Катрин вскинула «парабеллум». С левой руки она стреляла похуже. Но здесь не промахнешься: ствол пистолета почти упирался в широкую грудь. Щелк – фишка затвора нелепо застыла в верхнем положении – осечка.

– Задушу, сосунок! – сабля зацепила провод, сшибла лампочку, хлопнувшую игрушечным выстрелом.

Катрин успела отпрыгнуть. Престарелый бандеровец действовал не слишком резво.

– Шкодливый комунячий кобель! – зарычал старик, напирая.

Девушка швырнула ему в грудь «парабеллум», выхватила штык.

– Мэрзотник! – прорычал усатый.

Свистнула сабля. Катрин уклонилась. Ударила пяткой в слоновье колено. Свалить такого великана было сложно, но старик покачнулся. Девушка, яростно шипя, прыгнула прямо на широкую грудь. Ударить саблей неповоротливый поборник независимой опоздал. Катрин, впиваясь ногтями, обхватила большую лысую голову, запрокинула назад, одновременно вонзила штык под подбородок.

В последний момент старик рассмотрел девушку. В глазах мелькнуло удивление. И в тот же миг благородная седина усов окрасилась кровью.

Катрин отскочила. Рука усача вяло приподнялась, но полоснуть саблей не хватило сил. Большое тело завалилось назад. Печально брякнул клинок.

«Давненько меня не пытались именно зарубить, – Катрин лихорадочно вталкивала в барабан «нагана» патроны. Руки тряслись. – Ненавижу револьверы. И старость ненавижу. Дурь одна. И я дура».

Катрин перешагнула через еще хрипящего усача, подняла «парабеллум». Теперь затвор послушно встал на место. В обойме оставалось еще два патрона. Не оружие, а чистый фашизм. Девушка выдернула из-под тел старый кавалерийский карабин. Кто-то из сгрудившихся в узком коридоре людей еще дышал. Пробитые легкие судорожно ловили воздух. Под эти ужасные хрипы Катрин перешагнула через тела. Держа наготове карабин, заглянула в комнату. Пусто. Перевернутые стулья, составленные к стене горшки с цветами, большой портрет Тараса Шевченко, висящий между книжными шкафами. Пододвинутый к окну стол. Распотрошенные пачки патронов. На улице почему-то стреляли активнее. Нервно огрызнулся пулемет на чердаке. Девушка поспешно стрепла со стола патроны. С отяжелевшими карманами выскочила в коридор.

На лестничной клетке поскользнулась и чуть не загремела вниз. Черт, кровящи! Горестно подумала о себе: «После тебя, сержант, как на бойне». Карабин тоже лип к рукам.

На улице, судя по пальбе, шел форменный бой.

Катрин на цыпочках поднялась по лестнице. На чердаке клубился жаркий пороховой воздух, в слуховое окно падал сноп рыжего закатного солнца. Блестела россыпь гильз. Пулеметики почему-то переместились к другому окну.

Пригибаясь, девушка прокралась между пыльными столбами, обошла корзину со старыми игрушками. Подслеповатый заяц укоризненно смотрел на пришлицу единственным глазом.

У окна возились двое.

– Швыдче! Швыдче! – пробормотал один. Пулемет выдал короткую очередь и захлебнулся. Мужчина яростно задержал затвор старого «браунинга». – Пся крев! – пискляво выругался другой, звеня пулеметной лентой.

Катрин прислонила к балке карабин, вытащила из-за пояса «наган». Негромко сказала:

– Кончайте бал. Москали пришли.

Пулеметчик дернулся, словно ошпаренный, обернулся. Его товарищ взвизгнул. Катрин дважды выстрелила. Большой бандеровец повалился без звука. Тот, что щуплее, жалобно

вскрикнул, поворачиваясь, опустился на колени. Лучше бы не поворачивался, – совсем мальчишка – усишки едва пробились. Сопляк.

Стиснув зубы, Катрин выстрелила еще два раза.

На улице действительно шел бой. Десятка полтора разномастно одетых мужчин с двухцветными повязками на рукавах отступали по направлению к Соборной площади. Очевидно, их и прикрывали пулеметчики с чердака. На отступающих наседали взвод красноармейцев, поддержанный броневином. Юркий «ФАИ»²⁰ щедро поливал пулеметными очередями улицу. Огонь бронеавтомобиль вел практически неприцельный, по-видимому, считая основной задачей напугать всю округу и не оставить ни единого целого окна. Тем не менее повстанцы несли потери. Раненый мужчина в светлом, перехваченном ремнем пиджаке пытался отползти к тротуару. Еще один вис на плечах собратьев по оружию. Да, удрать от шустрой бронированной черепахи, вооруженной пулеметом, – дело сложное.

Катрин с тревогой глянула на свою полуторку. Лейтенанта не было видно. Или затаился, или его все-таки подстрелили.

«Жовто-блакитны» попробовали выломать дверь двухэтажного дома, чтобы укрыться внутри. Дверь не поддавалась. От метких выстрелов красноармейцев упали еще двое. Повстанец в фуражке выбил прикладом окно в полуподвал, начал вышибать сапогом остатки переплета. Остальные залегли прямо на мостовой, отчаянно отстреливаясь.

«Ну уж нет, – подумала Катрин, – сейчас засыдете здесь, а мне ночевать на чердаке придется?»

Националисты были видны как на ладони. Девушка прижала к плечу приклад пулемета. «Браунинг» выдал скупую очередь и заткнулся, патрон опять перекошило. Но и этого хватило. Один из повстанцев упал. Остальных поразило поведение изменившего национальным интересам пулемета. Завертели головами. От пули со стороны красноармейцев ткнулся в мостовую еще один «двухцветный».

Повстанцы начали бросать винтовки и поднимать руки. Поскольку делали они это лежа, оставались сомнения, заметят ли капитуляцию красноармейцы. Бронеавтомобиль, правда, строчить из своего «ДТ» прекратил. Националисты начали осторожно подниматься и тянуть руки выше. Человек в фуражке прислонил винтовку к стене. Неторопливо вытащил из кармана брюк небольшой револьвер, поднес к виску. Катрин видела, как дрогнула его рука. Человек кинул ненавидящий взгляд на столпившихся с поднятыми руками повстанцев и вдруг бросился бежать.

– Стой, гад! – заорал кто-то из подошедших ближе красноармейцев. – Стрелять будем!

Бандеровец метался из стороны в сторону. Застучали выстрелы, с беглеца слетела фуражка, но сам он, резко меняя направление, неся по брусчатке. Сейчас скроется за замершей посреди мостовой полуторкой.

«Лихой, однако», – с уважением подумала Катрин, поднимая карабин. Выстрелить не успела. Из-за капота грузовика поднялась окровавленная голова Любимова. Он прицелился из «нагана». Бандеровец заметил лейтенанта, метнулся в сторону, поднимая свой кургузый револьверчик. Стукнул выстрел «нагана». Беглец споткнулся и покатился по мостовой. Когда он замер, широко раскинув руки, его голова почти касалась сапога убитого Ефремова.

«Безумие какое-то. Чекисты, «бандеры», политруки, гитлеровцы, беженцы. И никакого просвета впереди. Совсем больной мир». Катрин машинально вытащила из пулемета затвор, зашвырнула в дальний угол чердака. Посмотрела на лежащие у окна тела. «Это будет длиться бесконечно. Каждый уверен, что прав. У каждого Родина, Фатерлянд, нэнька Украина. И у меня Родина. Недобрая, вороватая, своя. Все равно Родина. Еще немножко, товарищ сержант».

---

²⁰ «ФАИ» – легкий бронеавтомобиль, устаревший к 1941 году.

Катрин нагнулась и принялась стягивать с убитого парнишки короткие сапоги. Размер вроде бы подходил.

Держаться на ногах Любимову было тяжело. Пуля, чиркнувшая по лбу и подпортившая ухо, порядком контузила лейтенанта.

– Плывет все, – пожаловался парень. – Стрелял как во сне. Дом-то едва видел. Как ты там справилась?

– Да, горожане, аптекари. Они и норм ГТО ни разу не сдавали, – пробормотала Катрин, осторожно накладывая пластырь на рассеченное ухо.

Любимов зашипел от боли.

– Терпите, товарищ лейтенант. А то ваш слуховой аппарат совсем отвалится.

Они сидели в аптеке. Бойцы комендатуры взломали дверь, обыскали дом. Забрали оружие и погрузили в подошедший грузовик убитых. Вопросов девушке никто не задавал. Катрин выбралась из дома проверенным путем через балкон и на глаза злым бойцам не попала. Теперь на углу торчал патруль с пулеметом.

Катрин полазила по полкам, нашла склянку с нашатырным спиртом. Любимов вдохнул, отшатнулся.

– Да это хуже боевых газов!

– Зато в мозгу просветлеет. Бери пузырек. Тебе в госпиталь надо.

– Какой госпиталь? Поспать бы часа два, – лейтенант с трудом поднялся. – Машину завести, пока не стемнело.

На улице смеркалось. Отдельных беспорядочных выстрелов вокруг комендатуры, в районе старого замка и в центральной части города стало меньше. Но на северной окраине Львова слышались непрерывная пальба и взрывы. Небо там озарялось широким заревом.

Лейтенант возился с радиатором. Катрин подсвечивала ему тусклым фонариком. Плечо девушки оттягивала тяжелая самозарядная винтовка, унаследованная от павшего в перестрелке с националистами чекиста. Отмечаться в комендатуре теперь не было никакой нужды, да Любимов, похоже, и забыл про формальности. Катрин смотрела на едва видимые в быстро сгущающейся темноте пятна крови на камнях булыжной мостовой. Может, хватит? Пора домой. Хватит Галиции. Хватит убивать. Под комбинезоном все чесалось. Невыносимо хотелось принять душ.

Лишившаяся фар и лобового стекла полуторка, наконец, завелась. Довольный Любимов послал девушку взять воды про запас. Радиатор подтекал. Волоча помятую и воняющую бензином канистру, Катрин твердо решила проводить лейтенанта до полка и немедленно «эвакуироваться» самой. Глупо, конечно. Чужой парень, ростом – метр с кепкой. Смешно просто. А вроде уже не чужой. Жалко будет, если не доедет. Заснет, вырубится прямо за рулем со своим сотрясением мозга. Ладно, доведем парня до родной части.

Сидеть на простреленном сиденье было неудобно. Катрин ерзала, пока лейтенант не посоветовал подложить старую замасленную гимнастерку, лежавшую под сиденьем. Девушка уселась на липкий ком. Все равно комбинезон грязный. Ночной ветер врывается в кабину, бил по лицу запахами ночи и войны. Грузовик, неуверенно петляя по незнакомым улицам, двигался к северо-восточной окраине города. А на севере все шире разгорались пожары.

* * *

– Даю пять минут, – сказал подполковник Тарасов.

Колонна опять встала. Здесь, в пригородах, разрозненные группы националистов оказывали особенно упорное сопротивление. И грузовики, и тягачи артдивизионов были слишком уязвимы. Командир полка не желал терять ни одной машины.

Из углового дома, прячущегося в тени деревьев, все еще стреляли. Попятившиеся из-под пуль машины забили узкую улицу, не давая подойти танкам. По дому вели огонь сразу несколько пулеметов, но оттуда все еще стучали винтовочные выстрелы. Время уходило. Два легких танка обошли затор по соседней улочке и, проломив заборы, выползли прямо на угол. Передний «ОТ-26»²¹ качнулся на узких гусеницах и плюнул огненной струей. Загорелись деревья. Второй выстрел угодил щедрой дозой огня прямо в окно. Крики прорвались сквозь треск пламени и выстрелы. Через несколько секунд дом пылал, словно сложенный из спичек. Несколько пулеметных очередей в огонь, и танкетки тронулись вперед.

Время, время! Отделу «К», как и всей Красной Армии, катастрофически не хватало времени...

5

Майор Васько лежал на заднем сиденье «эмки», высунув босые ноги наружу. Сиденье было коротковато, но командир полка привык к подобному отдыху. Сон накатывал неувольными мгновениями и тут же уходил. Майор не знал, можно ли подобное назвать бессонницей? Он привык к этому болезненному состоянию, длящемуся уже много месяцев. Судя по тому, что Васько до сих пор не спятил и был способен к напряженной работе, организм все-таки успевал отдыхать.

Не открывая глаз, майор слушал отдаленный гул артиллерии. К вечеру канонада поутихла. И немцы, и разрозненные части Красной Армии пытались передохнуть и привести себя в порядок. К западу и северу от Львова продолжали оказывать сопротивление попавшие в окружение остатки 6-го и 27-го советских стрелковых корпусов. На востоке у Бродно прорвавшимся немцам преградили дорогу 15-й и 22-й мехкорпуса. «Калька» начинала оказывать свое воздействие. Но единого фронта у Бродно еще не было. Советские войска никак не могли разобратся в собственных перепутавшихся частях. Связь между корпусами по-прежнему отсутствовала. Армейская разведка в основном бездействовала. В свою очередь передовые подразделения 1-й танковой группы немцев, оторвавшиеся от тыловых подразделений, нуждались в пополнении горючим и боеприпасами. Крошечная пауза в самом начале долгой войны.

Посреди этой паузы в нескольких километрах от шоссе Львов – Бродно затаился полк майора Васько. Дальше к юго-западу концентрировались остальные войска 8-го мехкорпуса. Ближе ко Львову группировались растрепанные, но выполнившие приказ дивизии 4-го мехкорпуса. О странном приказе, приведшем корпус сюда, лучше всех знал подполковник Тарасов. Рискованная игра в фальшивые, но очень похожие на настоящие директивы и приказы входила в решающую стадию.

Майор Васько открыл глаза, посмотрел в темный потолок машины. К отдаленной артиллерийской перестрелке прибавились более близкие разрывы. Серия, вторая... Работали ночные бомбардировщики. Советские или немецкие – не имело значения. На шоссе до самых пригородов не должно быть ни одной организованной части РККА. Беженцы, хаотично отступающие ошметки стрелковых дивизий, – их майор в расчет не принимал. Неизбежная помеха. Из-за нее сейчас невозможно заминировать шоссе. Впрочем, приближающиеся к Бродно немцы выйдут на дорогу восточнее.

Майор постарался отключиться. Случайные бомбардировщики его не интересовали. В расположении полка соблюдалась строжайшая светомаскировка. Для того чтобы заблудившийся бомбовоз вывалил груз на темные рощи, требовалось удивительное стечение обстоятельств. А в удивительное офицер отдела «К» не верил.

---

²¹ «ОТ-26» – советский огнеметный танк. Боевая масса – 9 т. Экипаж – 2 чел. Вооружение – один огнемет, один 7,62-мм пулемет.

* * *

Катрин спала, привалившись щекой к стеклу дверцы кабины. Щека расплющилась, из приоткрытого рта тянулась тоненькая ниточка слюны. Девушка давным-давно так не уставала. Ей снился безлюдный берег лесной реки. Камышовые заросли, у которых прячутся хищные безмолвные шуки. Ветер с гор раскачивал ветви прибрежных ив. Потом все начало беззвучно вздрагивать, дергаться. Катрин испугалась, что тихий мир исчезнет, но не проснулась. Просто все потемнело и исчезло.

Машину сильно встряхивало. Катрин сглотнула слюну, теперь она упиралась в стекло лбом, но все равно не просыпалась. Только колени надежнее сжали винтовку.

Когда вернувшийся Любимов распахнул дверцу кабины, девушка, не успев открыть глаза, машинально вскинула револьвер.

– Тихо, тихо. Это я, – сказал лейтенант, предупреждая поднимая ладони.

– Извини, заснула.

– Неудивительно. Я думал, хоть из машины выйдешь, когда бомбить начали.

– Бомбили? – вяло удивилась Катрин.

– Артиллеристов разнесло. Говорят, наши соколы и бомбили. Черт его в темноте разберет. Вперед не двинемся, пока машины не растащат. Может, поспим?

– Давай. Я в кузов. Здесь не вытянешься.

– В танке ты не сидела. Долго отдыхать не будем. Тронемся, как только дивизион двинется вперед...

Рядом заржала лошадь. Катрин поправила сползшую с поясницы шинель и поняла, что видит собственные ноги. Сапоги были чуть великоваты, но ходить можно.

Девушка села и выглянула за борт. Мимо двигались телеги. Бородатый возница безразлично глянул на Катрин. На телеге среди вещей лежали закутанные в одеяла, почти неотличимые от узлов дети. За телегой шла усталая, едва передвигающая копытами корова. Поскрипывали колеса, тускло блестел таз для варенья. Над шоссе висела туманная предутренняя дымка. Пахло росой и гарью.

Катрин неловко спрыгнула с машины. После вчерашнего бурного дня мускулы казались деревянными. Дальше по шоссе замерли серые, едва видимые в дымке силуэты машин. Катрин закинула на плечо винтовку, поеживаясь, отправилась в кусты. На обратном пути срезала подходящую веточку. Хорошо, когда не успеваешь слишком привыкнуть к настоящей зубной щетке. Быстренько почистив зубы, девушка прополоскала рот. Воды мало, вместо умывания пришлось просто протереть лицо влажным кусочком бинта.

Над шоссе стояла тишина. Телеги проехали. В армейских машинах спали или просто бросили технику еще ночью. Впрочем, раз телеги ушли, можно двигаться дальше и на полуживой полуторке.

Любимов подскочил, стоило постучать по голенищу сапога.

– Черт, утро уже!

– Не переживай. Если совсем не спать, толку тоже не будет.

Пока лейтенант заводил не желающую просыпаться полуторку, Катрин приготовила «завтрак». Из съестного оставались только сахар и пара поломанных сухарей. Истрадавшийся грузовик наконец затарахтел. Любимов запихнул в рот горсть хрустящей смеси, торопливо запил из фляжки.

Торопились зря. Буквально метров через сто шоссе перегородил развернувшийся поперек проезда «Газ». Несколько бойцов начали сбрасывать прямо на обочину ящики со снарядами. Их торопил лейтенант с пушками на петлицах.

Любимов высунулся из кабины:

– Вы что, места получше найти не могли? Проезд перегородили. Сваливаете прямо в канаву. Как отсюда забирать боеприпасы будете?

– Приказано немедленно разгрузиться. Пока немцы не налетели. Проезжайте, не задерживайтесь, – огрызнулся лейтенант-артиллерист.

– Как же я проеду? Я ведь не на велосипеде, – удивился Любимов.

– Сейчас разгрузимся и отъедем. Давайте быстрее! – поторопил лейтенант своих бойцов.

– А снаряды? – не понял Любимов.

Артиллерист промолчал. Бойцы подтаскивали к заднему борту тяжелые ящики.

– Лейтенант, вы вообще понимаете, что делаете? – повысил голос Любимов.

Артиллерист, не поворачивая головы, пробурчал что-то себе под нос. Очевидно, нецензурное.

– Где ваш командир, где замполит? – Полный негодования Любимов соскочил на дорогу.

– Вам какое дело, лейтенант? Заняться нечем? – окрысился артиллерист.

– Не забываетесь, товарищ лейтенант! – рявкнула из кабины Катрин. – Вы разговариваете с полномочным делегатом связи штаба корпуса.

– Нужно – тогда с командиром дивизиона разговаривайте. У меня приказ, – лейтенант-артиллерист слегка подтянулся, но отвечал, мягко говоря, с неприязнью. – А замполит еще вечером уехал.

Любимов быстро пошел вперед. Катрин вылезла на подножку, ненавязчиво прислонила к ноге «СВТ».

– Вы бы, товарищи бойцы, пока перекурили. А то как бы все обратно грузить не пришлось.

Лейтенант покосился на непонятную девицу, но возражать не стал. Очевидно, у него и самого оставались сомнения в целесообразности вываливания боезапаса в придорожную канаву. Бойцы отошли шагов на десять, сели на откос. Вид у них был замученный. Новенькое обмундирование выглядело грязным и засаленным, как будто война шла уже не первый месяц.

Катрин хмыкнула, вспомнив о собственном внешнем виде.

Дальше по дороге гудели двигатели. Несколько грузовиков пытались развернуться. Между ними ворочался горбатый тягач. Темнели остовы сгоревших машин. Один из грузовиков уткнулся бампером в канаву. Стояло несколько 122-мм орудий. Между всей этой беспорядочно стоящей и тыкающейся в разные стороны техникой можно было протиснуться с большим трудом. Зачем дивизион растопырился посреди шоссе, девушка догадаться не могла. Чуть дальше виднелась сосновая роща. По другую сторону шоссе стоял полузакрытый туманом хутор. Там бы пушкарям и остановиться.

К Катрин неуверенно подошел лейтенант.

– А вы, – артиллерист замялся, – товарищ, извините, из какого корпуса?

– Из 8-го. Я прикомандирована ЦК комсомола для связи и выяснения обстановки, – охотно отозвалась девушка. – По постановлению сверху, как смежный специалист.

– Понятно, – кивнул ничего не понявший лейтенант. – А во Львове, не знаете, что происходит? Говорят, немецкий десант в городе?

– Националистическая агентура выступила, но ее уже добивают.

– Да? – В голосе лейтенанта сквозило и облегчение, и недоверие. – Вроде бы даже танки применяли?

– А что ж, неужели жалеть этих белогвардейцев хохляцких, когда они в спину с чердаков бьют? По законам военного времени с ними и обошлись. Какие сомнения?

– Да я не к тому, что сомневаюсь в чем-то. Общую обстановку до нас совсем не доводят. Как дивизион сформирован, еще и трех месяцев не прошло. Личный состав неоднородный. Всякое болтать начинают.

– Пресекайте, товарищ лейтенант, безо всякой жалости. На то вы и командир Красной Армии. Я вместо вас следить за дисциплиной не буду. Я хоть и комсомольский работник, но по другой части. Хотя, если наблюдать, как вы лихо боезапас в канаву сваливаете, поневоле задумаешься.

– Да я что? Приказ, – лейтенант потупился, неопределенно махнул рукой куда-то по дороге, – у меня командир есть.

– Повезло, – Катрин хмыкнула, – будет на кого сослаться, когда до Москвы отступим.

– До какой Москвы? – вскинулся лейтенант. – Я сам из Серпухова. Не бывать там немцам. На старой границе насмерть встанем.

– Там тоже командиры будут. А если нет, всегда на низкий боевой дух бойцов «неоднородного состава» сослаться можно, – негромко сказала Катрин.

– Вы хоть и из ЦК, а так говорить не смейте, – у лейтенанта даже челюсть выпятилась. – Мы за Родину насмерть встанем, где прикажут.

– Верю. Только у тебя на петлицах пушки или у меня что-то со зрением? Снаряды свалили, орудия побросаете. На хрена ты Родине без пушки с боекомплектom нужен? В штыковую пойдешь? Так хоть винтовку у бойца отбери.

– Так приказ же! – почти выкрикнул артиллерист. – Вывести личный состав. Ночью пята-рых убило, тягач разбомбило. В двух других тягачах горючки километров на тридцать. На одном «СТЗ»²² далеко не уйдем. Разбомбят ведь засветло.

– Тогда конечно. Тогда да. Тогда ты, лейтенант, добежишь до своего Серпухова. Там дадут тебе новенькую 122-мм дуру. В Серпухове их мно-ого. В ножки тебе дома поклонятся за то, что привел гостей из Европы.

Казалось, лейтенант сейчас схватится за кобуру.

Катрин спрыгнула на землю, закинула за спину винтовку:

– Пойдем.

– Куда?

– Снаряды загрузим. Если уж решили драпать налегке, то хоть в нормальном месте сложите. Может, пригодятся кому.

Катрин съехала по скользкой от росы траве вниз, уцепилась за ручку ящика. Блин, тяжеленный какой. У бойцов эта работа получалась лучше. Девушку попытались оттеснить, но она упорно помогала и не заметила, как подбежал Любимов.

– Товарищ Мезина, они уходят и матчасть бросают! Их майор меня послал и уже укатил. Сволочь тыловую. «В связи со сложившейся обстановкой». Авиации, гад, боится.

– Не ругайся. У майора небось семья в Караганде. Шутка ли, в такую даль драпать придется, – Катрин покосилась на сопящего от натуги лейтенанта-артиллериста.

Большая часть ящиков вернулась в машину. Правда, бойцы начали растерянно переглядываться.

– Может, свяжешься с комполка? Он недалеко.

Любимов несколько смутился.

– Я на танковой рации могу. А на полковой не очень. У вас, лейтенант, радисты остались?

– Радисты есть. Связи нет вторые сутки, – пробурчал артиллерист.

– Попробуйте на нашей. Радиста нашего... Смертью храбрых. Да не возитесь. Немцы кофе попьют, действительно бомбануть могут, – намекнула Катрин.

Оба лейтенанта рысью убыли искать радиста.

Катрин тянула ящик в паре с рослым бойцом. Красноармеец поглядывал на нее, но молчал.

– Я тебя возбуждаю или еще чего?

---

²² «СТЗ» – транспортный тягач. Использовался для буксировки тяжелых орудий.

– Комбез у вас...

– Ну да, кровь, – Катрин похлопала по штыку на поясе. – Вчера с немецкими мотоциклистами познакомились. Ничего парни были, приветливые. Там и лежат, суки. А за вид извините. Переодеться не во что.

– Работает? – нетерпеливо спросил Любимов.

– Не могу знать, – пробормотал младший сержант, не поднимая головы. – У нас не такая модель была.

– Да ты чего, Ковальчук? – изумился лейтенант-артиллерист. – У нас такие же аппараты.

– Не включается, – мрачно сказал радист, трогая ручки настройки.

– Позвольте мне посмотреть, товарищ Ковальчук, – вежливо сказал только что подошедший к машине капитан.

Катрин с некоторым изумлением смотрела, как неуклюже капитан лезет в кузов. Кобура болталась на худой заднице, как нечто совершенно противопоказанное этому тощему существу в новенькой форме и сидящей на ушах фуражке. Хрустящая от новизны полевая сумка путалась в коленях. Любимов подхватил капитана под локоть, помог.

– Благодарю, – капитан поправил очки и представился: – Капитан Рац Николай Ефремович. Исполняю обязанности начальника штаба дивизиона, – он отдельно кивнул сидящей на заднем борту Катрин. – В чем дело, товарищ Ковальчук?

– Не надо включать, товарищ капитан, – угрюмо и убежденно заявил младший сержант. – Немец запеленгует в два счета. Пришлет бомбовозы, все погибнем.

– Вы не правы, голубчик, сейчас работает столько радиопередатчиков, вряд ли их все пеленгуют, поэтому логично предположить, что... укоризненно начал капитан.

– Голубчик?! – взорвался поначалу обомлевший Любимов. – Ты что, сука, тут мудрить вздумал? Думаешь на гауптвахте отсидеться? Видели мы эти гауптвахты. Слазь, я тебя по закону военного времени, – лейтенант без шуток рванул кобуру.

Сержант шарахнулся к борту.

– Э-э, – капитан Рац тоже явно не ожидал такого резкого развития событий.

Любимов стряхнул руку пытающегося его остановить артиллериста, ткнул дуло «нагана» в лицо побледневшему радисту.

– Слазь, с предателями разговор короткий!

– Лейтенант, сейчас каждый человек на счету, – вмешалась в приобретающий катастрофический характер разговор Катрин. – В бою сможет искупить. Я с него глаз не спущу...

Рация заработала.

– Позывные? – хрипло спросил несчастный Ковальчук.

– Я только старые знаю, – поморщился Любимов. – Попробуем?

– Подождите... сказала Катрин.

– ...Ельцин, Горбачев, ножки Буша, Паша Грачев, Герат, Грозный, одноногий Басаев, БМП, Калашников, 9 мая... Николай Андреевич, ответьте. Вызывает ЕГМ... радист бубнил с профессиональной монотонностью.

Слегка остывший Любимов совещался с офицерами-артиллеристами. Катрин показала ему глазами, чтобы «наган» спрятал. Большая часть машин уже двинулась под защиту роши. Тягач буксировал туда же уже второе орудие. Один «СТЗ» заводиться не желал, и с него сливали остатки горючего. Верхушки деревьев начали розоветь. Сидя в обнимку с винтовкой, Катрин с тоской думала о том, что те дни в июне были ясными и солнечными. По крайней мере здесь, у Львова.

Николай Андреевич ответил только часа через полтора. Превратившаяся в машину радиосвязи полуторка уже стояла под сенью сосен. Уставший Ковальчук поманил Катрин. Сухой голос майора Васько девушка сразу узнала, но ей пришлось ответить, как имя-отчество

Горбачева и сколько Шереметьевых под Москвой. Ответы Васько удовлетворили, и Катрин передала связь лейтенанту Любимову.

Приказ был короток: «Развернуться, замаскироваться. Ждать связных с дальнейшими указаниями».

Катрин охраняла изнуренного предчувствием трибунала Ковальчука и старалась не задремать. Радист бы и сам никуда не делся. Все желающие, включая командира дивизиона, замполита и большую часть офицеров, уже «выводили личный состав». Уменьшившийся на две трети дивизион занял позиции на опушке роши. Кроме четырех 122-мм орудий, в дивизионе сохранились 25-мм зенитное орудие, счетверенная пулеметная установка и два станковых пулемета. Катрин осознавала, что ей никогда не понять происходящее. Люди, только что готовые бросить все и бежать, окапывались, преувеличенно бодро переговаривались, готовясь к бою.

Катрин взяла Ковальчука, и они принялись зарываться. В саперных работах девушка была не сильна, пришлось слушать опытного младшего сержанта.

На шоссе темнели сгоревшие машины да так и не оживший тягач. Но пустовало шоссе недолго. Потянулись телеги, отдельные машины, потом поток отступающих усилился. Артиллеристы создали что-то вроде контрольно-пропускного пункта. Руководил там приободрившийся Любимов. Работая попеременно с радистом лопатой, Катрин поглядывала на деятельность лейтенанта. Неплохо у него получалось, уверенно. В Берлин войдет со звездочками покрупнее лейтенантских. Хотя до звездочек и погон еще воевать и воевать. Сказать, что погоны носить будет, – не поверит. Доживет? Катрин с яростью вонзила лопату в песчаную, засыпанную сосновыми иголками землю.

– Очень правильная тактика, – одобрительно закивал подошедший капитан. – Устраиваться необходимо так, будто до Страшного суда здесь воевать собираемся. Тогда вышеназванный суд подольше не наступит. Только вы бы, товарищ Ковальчук, побольше даме помогали.

Катрин сунула лопату что-то пробурчавшему в свое оправдание младшему сержанту. Капитан, похоже, хотел о чем-то ее спросить.

Рац протер очки.

– Как думаете, сегодня облачность будет умеренной?

– Весьма. Настолько, что ее совсем не будет. Вы что-то хотели узнать, товарищ капитан?

– Да. Я не совсем понимаю, какая у вас должность или звание. Но вы не могли бы откровенно мне объяснить, ваш командир полка действительно пришлет помощь? Так получилось, что под моей командой оказались люди...

Катрин в общих чертах представляла, что собирается предпринимать Васько, но это была не ее тайна.

– Товарищ капитан, я хорошо знаю командира 64-го полка. Уверена, он предпримет все для того, чтобы фашисты понесли на нашем участке наибольший урон.

– То есть не видать нам прикрытия, – догадался капитан. – Я не знаток пулеметов, но весьма сомневаюсь, что единственный «максим» способен прикрыть несколько крупнокалиберных орудий. Жаль будет глупо погибнуть. Мы бы могли принести пользу.

– Уважаемый Николай Ефремович, категорически вас уверяю – о бесполезных потерях речь не идет. Майор Васько самый расчетливый командир, которого я знаю.

– Надеюсь, вы знаете многих. Вид у вас очень... боевитый. Орудия у нас скученно стоят. Нужно бы рассредоточить. Ставить на прямую наводку. Я по танкам никогда не стрелял, понимаете?

– Что же здесь непонятного? – сказала Катрин, удивившаяся, что капитан вообще по кому-то стрелял. – Вы только не говорите об этом вслух. Бойцы будут увереннее себя чувствовать. А насчет танков – думаю, командир полка нас бы предупредил. Хотя готовым нужно быть ко всему.

– Вот и я думаю, – согласился капитан Рац. – Попробуем предусмотреть все. Задача мало-выполнимая, но крайне актуальная.

Людей на опушке между тем прибавлялось. Мимо прошел лейтенант-пограничник – обе кисти у него были перевязаны, как будто лейтенант надел грязно-белые варежки. С пограничником были человек шесть обтрепанных, осунувшихся бойцов. Последним шел жуликоватого вида боец, несущий на плече ручной пулемет. Несмотря на явную усталость, он подмигнул девушке.

Еще одна группа бойцов окапывалась на другой стороне шоссе, на подступах к хутору. Но большая часть проходящих мимо машин и прочего транспорта после КПП не задерживалась, уходя дальше на Бродно. Куда они двигаются, Катрин не понимала. О том, что Бродно захвачено немцами, наверняка уже знали во Львове.

Окончательно рассвело. Блестела и сверкала росой трава.

* * *

Командир корпуса вскрыл пакет, начал читать. Бригадный комиссар и начальник штаба следили, как меняется лицо генерал-лейтенанта.

– Приказано создать еще одну ударную группу, – командир корпуса снова перечитал лаконичные пункты приказа. – Группа создается на основе 64-го танкового полка. Ему придается 2-й зенитно-артиллерийский дивизион, разведбат, два батальона 7-й мотострелковой дивизии, 26-й автотранспортный. И почти вся, без управления, 34-я танковая. Командиром группы назначен майор Васько. Направление удара будет уточнено позже.

– Почему Васько? Он в корпусе без году неделя. Звание – майор, – начальник штаба в недоумении развел руками. – Зачем силы корпуса дробить? Удар на Бродно отменяется?

– Нет. Сроки те же. Завтра утром ударим. Если все успеют подтянуться. Черт с ним, с Васько. Нам с тобой приказано срочно прибыть в штаб армии. Маршрут указан. Заботятся о нас с тобой, Александр Васильевич.

Начальник штаба глянул в приказ.

– Это что за кругосветное путешествие нам назначили? Мы завтра и к утру не вернемся.

– Позовите летчика, доставившего приказ, – велел комкор.

Молодой старший лейтенант четко бросил руку к кожаному летному шлему. Бригадный комиссар хмыкнул – такому орлу на истребителе немцев бить, а не на «У-2» бумаги возить.

– Штаб армии на прежнем месте? – спросил комкор.

– Так точно, – летчик чуть шире раскрыл свои удивительно ясные голубые глаза. – Вам шифровку должны были направить, товарищ генерал-лейтенант.

Комкор кивнул. Связь работала чудовищно плохо. С утра радисты потеряли не только штаб армии, но и связь с большинством дивизий корпуса.

– Хорошо, старший лейтенант. По пути немцев не видели?

– Только мелкие группы. Зато «мессеров» в воздухе полно. Я начальнику оперативного отдела все подробно изложил. Будете двигаться в штаб армии, осторожнее, товарищ генерал-лейтенант.

– Без ваших подсказок обойдемся, товарищ лейтенант. Примите расписку и можете быть свободны.

Летчик, придерживая планшет, выскочил в дверь.

– Распустились, – комкор с чувством шлепнул пакет со сломанными печатями на стол. – Поднимай охрану, начштаба...

– Получается, мы большую часть ПВО передаем этой новой группе, – задумчиво произнес бригадный комиссар. – Сами с чем останемся?

– Толку от твоих зениток, только ворон разгоняют. Где наши «соколы»? Пакеты возят?

Бригадный комиссар промолчал.

– Ты вот что мне скажи, – продолжил комкор, – зачем приказано этой группе столько пехоты передать? Для обороны позиция неудачная. Да и что они такими силами сделать могут?

– Приказ есть приказ. Доедете до штаба армии, там вам свою задумку объяснят. Кстати, ты помнишь, как лихо этот Васько на дивизионных учениях выступил? Может, поэтому его и выдвинули?

– Из молодых да новых, – согласился комкор. – Ты, комиссар, подтягивай части, подтягивай. Сейчас бомбежки начнутся, ты понимаешь. Какие здесь на хрен сроки? Какие 6.00? Завтра к полудню бы собраться. И по новой ударной группе приказ отдай. А то и здесь затянем...

* * *

Разведчиков-мотоциклистов было всего пятеро. Это все, что мог выделить майор Васько. Правда, парни видные – в свободных комбинезонах защитного цвета, с кинжалами на поясах. У двоих автоматы, на коляске мотоцикла закреплен ручной пулемет. Катрин смотрела, как разговаривает командир разведчиков с капитаном Рацем и Любимовым, передает им пакет. Чуть позже Любимов рысцой приблизился к сидящей на краю свежеврытой стрелковой ячейки девушке.

– Тебе пакет.

Катрин распечатала конверт без подписи.

«Уходить немедленно».

Лейтенант, дисциплинированно не заглядывающий в записку, спросил:

– Что-то срочное?

– Не особенно. Командир полка напоминает о деталях. Как дела у тебя?

Лейтенант чуть обиженно отодвинулся.

– Какие дела? Порядок стараемся поддерживать. Всех беженцев, раненых и всю шушеру направляем на юг, на Каменец. Другие организовываются. Вон, уже почти рота готова. Есть чем пушки прикрыть. Люди подрастерялись, бывает. Со связью везде плохо. Но ничего, вот окопаемся. Приказ – прикрыть шоссе, ждать дальнейших распоряжений. Чего тут непонятного?

– Да ты не обижайся, – Катрин помахала листком с лаконичным указанием, – дай лучше спички.

Она сожгла записку. Любимов посмотрел на пепел, спросил:

– Пока с нами останешься? Или как?

– Пока обстановка не прояснится, остаюсь. Рано еще мне идти.

Честно говоря, в том, что рано, Катрин была не очень уверена. Но вот так просто встать и уйти за сосны? Пиво в другом мире чересчур горчить будет.

Движение на дороге становилось интенсивнее. Все больше появлялось машин. Группы неразличимых с опушки людей и повозок упорно двигались на восток. Катрин надеялась, что большая часть этих уходящих от войны людей через пару километров свернет к югу. Те, кто рискнет двинуться на Бродно, очень скоро попадут под гусеницы вражеских танков.

– А вам какие-нибудь указания по поводу перекрестка, – Катрин ткнула пальцем за спину в сторону невидимой развилки, – и нашей маскировки комполка давал?

– На перекресток отделение выслали. Чтобы людей заворачивали. А насчет маскировки... сама видишь: спрятали все, что могли. Васько тебе что, нас контролировать поручил? Он меня когда в полк отзовет? – подозрительно спросил Любимов.

– Ничего я не знаю. Просто догадалась. Я вообще часто догадываюсь, что дальше будет.

Лейтенант посмотрел в ее зеленые глаза и неуверенно спросил:

– А разве можно об этом говорить?

– Да брось. Я здесь не дату фронтового наступления выдаю. Что контрудар готовится, ты и сам знаешь.

– Пора уже. Четвертый день отступаем. Авиация подойдет, ударим всей мощью...

– Все не так оптимистично. Насчет отсутствия авиации ты уже понял. Только слепой не заметит. Немцы в Бродно и прорываются к Луцку. Прорыв широкий, наши мехкорпуса, скорее всего, его не закроют.

– Как ты можешь говорить такое?! Если временные неудачи...

– Да не ори ты. Я же не бойцам рассказываю, а тебе. Ты в панику не ударишься. А сообщать станешь лучше.

– Ладно. Ну, прорыв. Видно, немцы здесь кулак собрали. Дальше, на что они надеются? Неужели к Житомиру прорваться?

– Могут и дальше. Ты глаза не выкатывай. Не на политинформации сидим. В Прибалтике и Белоруссии дела не лучше. Войска оттуда перебросить не успеют. Авиацию тоже.

– Ты это к чему? – потемнел Любимов.

– Это все, что у нас есть, – Катрин кивнула на медленнодвигающиеся по шоссе фигуры. – Контрудар нужен, и он будет. Но ты в полк не рвись. Дивизион полку очень даже пригодится. Не так много пушек осталось.

– Ты мне не намекай. Я танкист и в танке должен воевать. А приказ я выполняю. Дивизион мы прикроем.

– Я об этом и говорю, – согласилась Катрин. – Главное, чтобы нас с воздуха не достали. И люди были увереннее. Слово ободряющее сказать, пожрать чтобы было, вода... Ты понимаешь...

– Я уже думал. Политрук приболудился, вроде ничего парень. Пусть языком поработает. Насчет довольствия хуже. Во Львове, говорят, пекарни не работают. Да и далеко. Про полевые пункты питания тоже никто не слышал.

– Проще нужно к проблемам подходить, и люди к тебе потянутся, – заверила Катрин. – Давай карту. Людей, а тем более бойцов, кормить нужно. Кроме шуток, лейтенант.

– Как бы нас за мародерство...

– «Как бы» – было раньше и будет потом. А пока райком комсомола в моем лице за все ответит. Подбери мне пару толковых бойцов и водителя...

* * *

– Стой, – сказала Катрин.

Новый водитель многострадальной полуторки, разведчик из присланных Васько, притормозил. Машина уже въехала на окраину поселка с многообещающим названием Чоткое. Судя по карте, это был ближайший населенный пункт от обосновавшегося у шоссе усиленного дивизиона. Крошечный хуторок у дороги решили приберечь на крайний случай. «Заготовительную» команду, кроме девушки и разведчика-водителя, составляли двое бойцов и старшина. Эти трое прибились из разбомбленной где-то у Самовора зенитной батареи. Зенитчики двигались с каких-то непонятных учебных сборов. Боекомплект у батареи отсутствовал в принципе. «Мессершмитты» утюжили зенитчиков, не торопясь, поджигая машины, как на полигоне. Потом зенитчики, вместе с единственным уцелевшим орудием, окружным путем попали во Львов, откуда были отправлены в Бродно, где якобы формировался зенитно-артиллерийский дивизион. Снарядами зенитчики запасались самостоятельно на складах у Пивденых казарм. С бензином им так не повезло. Остатки батареи застряли на шоссе и в итоге слились со сводным отрядом, возглавленным капитаном Рацем.

Катрин выпрыгнула из машины, перемахнула через плетень. Хата стояла аккуратненькая, свежепобеленная. Девушка энергично потерла ладонью стену. Из кузова смотрели бойцы.

Катрин с тяжелой винтовкой и белой ладонью перебралась через забор. «Сейчас я точно клоуном стану».

– У кого, товарищи, зеркальце имеется? На секундочку...

Красноармейцы смотрели молча. Понятное дело, – подсадили в команду спятившую девку. Старшина кривовато улыбнулся. «Счас как дам прикладом», – подумала чувствующая себя душой Катрин.

– У меня зеркало есть, – неожиданно сказал, высовываясь из кабины, разведчик.

Катрин критически осмотрела свою рожу. Умыться, конечно, не помешало бы. Синяк слегка пожелтел, но никуда не делся. Девушка подмазала глаз белым. Стало страшновато, но не так позорно.

– Старшина, вашим бойцам привести себя в порядок не требуется? Не будем пугать мирных граждан.

Зенитчики неуверенно зашевелились. Катрин стоять над душой не стала, привычно запрыгнула на простреленное сиденье. Улыбнулась.

– Спасибо.

– Не за что, – водитель бережно спрятал зеркальце. – Куда дальше?

– Думаю, магазин у них в центре, верно?

– А денег у нас хватит? Или как?

– Деньги есть. Но в основном придется «или как», – Катрин высунулась. – Старшина, вы мой портфельчик не передадите?

Девушка приняла пухлое, за время скитаний окончательно потерявшее вид чудище. Утвердила вместилище бюрократии на коленях.

– Поехали, не торопясь, чинно, осторожно. Мы не махновцы какие-нибудь. Честные заготовители...

В Чотком еще держалась мирная жизнь. Смотрели вслед потрепанной полуторке немногочисленные прохожие. Лаяли из-за заборов собаки. Засвистел с крыши сарая рыжий мальчишка. Машина выехала на центральную площадь. Два магазинчика, здание поселкового совета с пустым флагштоком. Скособочилось похожее на дровяной склад, с большим замком на двери, строение. Свеженькая вывеска «Клуб» еще висела над зарешеченным окном.

Грузовик остановился у магазинчика с вывеской «Продовольчі товари».

– Винтовку мою сохрани и по сторонам смотри, – прижимая к себе неудобный портфель, девушка выбралась из кабины.

– Товарищ старшина, со мной. Остальным не забывать о бдительности.

С другой стороны площади на машину смотрели женщины, собравшиеся у поселкового совета.

– Вы, товарищ старшина, сохраняйте солидный вид. И говорите что-нибудь серьезное, типа: «Торг в данном случае неуместен».

Старшина поправил кобуру и промолчал.

Катрин тронула дверь. Заперто.

Девушка обернулась к женщинам.

– Где заведующий?

Женщины пошушукались, и самая смелая крикнула:

– Так вин до Львиву поихав. За вказаниями.

– За какими еще указаниями? Почему без разрешения? Где продавцы? – начальственно спросила Катрин.

– Та вона до хаты побигла.

– Что значит до хаты? Рабочий день кончился? Немедленно вызвать сюда! – Катрин отодвинула рукав, глянула на несуществующие часы. – Даю пять минут. Иначе будем считать

отсутствие на рабочем месте саботажем. И злостной профанацией, – для убедительности добавила Катрин.

Одна из теток небыстрой рысью двинулась по улице.

– Часы есть? – шепотом спросила девушка. – Через пять минут дверь вышибаем к свиньям собачьим.

– Часы есть. А если милиция? Доложат, нам мало не покажется.

– Милицию мобилизуем на охрану народного достояния. Того, что останется, – Катрин смерила взглядом невеликое строение магазинчика. – Если вообще что-нибудь останется. Армейские и правоохранительные структуры обязаны работать в тесном контакте.

Старшина покрутил головой. У него имелись сомнения в целесообразности тесных контактов с другими «силовыми» ведомствами.

Катрин подозревала, что, кроме их побитой машины, никаких других признаков государственной власти в Чотком, при всем желании, обнаружить не удастся.

Обсудить эту проблему они не успели. По улице торопилась пухлая молодая женщина.

– Який саботаж? Та хто ж такое сказав? Кому такая думка прыйшла?

Последние шаги пышка проделала медленнее, с сомнением разглядывая грязную непонятную девушку и пропыленного старшину. Глянула на лишенную фар, зияющую свежими пулевыми пробоинами полуторку.

– Почему на рабочем месте отсутствуете? – немедленно взяла инициативу на себя Катрин.

– А що? Уж и пообидаты нельзя?

– Рано обедаете. Видно, устаете на работе. Открывайте. Накладные – к проверке.

Продавщица в ужасе заозиралась. Приблизившиеся к магазину женщины кидаться на выручку не рвались.

– Та зачем накладные? Заведующего подождите, – пролепетала толстушка.

– Не отягощайте, гражданка, – внушительно произнес старшина.

Продавщица обреченно вытащила из-под передника связку ключей.

В магазине пахло мешковиной и чаем.

– Не густо, – сухо проронила Катрин, оглядывая практически пустые полки. – Где накладные?

Дверь распахнулась. В магазин решительно вошел усатый мужчина в сером полувоенном костюме.

– В чем дело, товарищи?

– Представьте! – отрывисто гаркнула Катрин.

– Зампредседателя поссовета Иващенко Тарас Иванович. А в чем собственно дело?

– Секретарь особой ревизионной комиссии Мезина, – Катрин небрежно козырнула. – Обязаны присутствовать, товарищ Иващенко. Секретарь партийной организации и зав бытовым сектором, как я понимаю, ответственные мероприятия игнорируют? Время военное, ждать не будем. Накладные на стол, – девушка по-хозяйски раскрыла портфель и вынула чистый бланк.

– А какие у вас полномочия? – не очень уверенно осведомился Иващенко.

– Что значит какие? – возмутилась Катрин. – Вы директиву за номером 008 получили?

– Э-э... связь плохо работает.

– Плохо работает ваш поселковый совет. Связистов ждете? Не до вас сейчас. Фронт рядом. Справляйтесь своими силами, не маленькие. Директива 008 – «О временном перераспределении мясных продуктов и хлебобулочных изделий». В связи с создавшимся сложным положением, вам понятно?

– Да. В смысле...

– Где ваши накладные, где планы по распределению?

– Так мы же не получили...

– Как? Значит, у вас ничего не готово? – Катрин удивленно подняла брови. «Штукатурка» вокруг левого глаза пострадала, но товарищу Иващенко было уже не до внешнего печального вида нагрянувших непонятно откуда представителей.

– Мы же не знали...

– Собирайтесь, поедете с нами. И вы, и торговый работник, – Катрин встала и принялась деловито упаковывать портфель.

– Товарищ, – взмолился не на шутку испуганный Иващенко, – мы готовы. Скажите только, что от нас требуется?

– Нам ждать некогда. Сейчас магазин опечатаем и едем. О семье не беспокойтесь, государство к ней претензий иметь не будет.

Продавщица громко всхлипнула и, прижав к лицу передник, заплакала.

– Товарищи! Товарищи, так же нельзя! Я готов ответить, но если мы уедем, кто директиву выполнять будет? – зампредседателя умоляюще посмотрел на старшину. – Товарищ, ведь дело прежде всего, так?

– Не торгуйтесь, гражданин Иващенко, – мрачно молвил старшина. – Время нынче не то.

Продавщица громко хлюпала носом. Заместитель председателя умоляюще смотрел на представителей армии.

– За двадцать минут справитесь? – задумчиво спросила Катрин.

– Да раньше уложимся. Только скажите, что нужно, товарищ Мозина.

– Мезина, – строго поправила Катрин. – Значит, так, – она заглянула в портфель. – Консервов мясных – 50 кг, круп – 100 кг...

Дослушав список до конца, продавщица забыла всхлипывать и ахнула:

– Та дэ ж мы стильки знайдэмо?!

Катрин равнодушно пожала плечами.

– В штабе тыла объясните.

Через тридцать минут машина была загружена. Бойцам пришлось заехать домой к торговому работнику. Часть продуктового ассортимента почему-то хранилась на сеновале и в подвале частного домовладения.

Катрин тщательно перечислила все полученное на комсомольском бланке. Очевидно, она делала что-то не по правилам. Гражданин Иващенко, несколько осмелевший в отсутствие старшины, смотрел с ненавистью.

– Отольются вам селянские слезы. Найдется и на вас управа.

Катрин подняла голову:

– Претензии?

– Какие к вам, к кавалеристам, претензии? Пока ваша сила. Немцев-то тесаками рубать будете? – прошипел зампредседателя, кивая на штык на поясе девушки.

– Рубали уже. Надо будет, еще порубаем, – Катрин разборчиво подписалась.

– Ну, рубайте, рубайте. Буденовцы... Немцы уже от вас, оборванцев, обосрались.

– Не горячитесь, Тарас Иванович. Всему свое время. – Катрин сложила расписку, встала. – Это вам, товарищ Иващенко, от Советской власти. Не забудьте в сейф спрятать. А это от меня лично... девушка двинула коленом в пах представителю местной администрации. – Рановато осмелел, козел. Мы еще вернемся, и Магаданом ты не отделаешься. – Катрин, схватив за жирный загривок, крепко приложила Тараса Ивановича усатой рожей о крышку стола. Мебель отозвалась гулким стуком. – Счастливого пути можете нам не желать. Не нуждаемся...

Прихватив два новых ведра, девушка вышла. Бойцы уже сидели в машине. Катрин закинула последние приобретения в кузов, забралась в кабину.

– Поехали.

– Ага... разведчик в изумлении смотрел на дверь магазина.

Товарищ Иващенко не выдержал и все-таки выполз проводить «особую ревизионную комиссию». Стоял зампредседателя с трудом, цепляясь за косяк. Расплющенный нос обильно кровоточил. Губы шевелились, но в урчании двигателя проклятий было не расслышать.

– Ничего. Жаловаться не будет. Сомнения в боеспособности Красной Армии выразил, сукин сын...

* * *

Биплан скользил над лесом, едва не цепляя колесами верхушки деревьев. Ни изяществом, ни быстротой «По-2» похвастаться не мог. Извилистый маршрут, скорость 145 км/ч. Иногда пилоту, летавшему и на «Су» и на «МиГ»²³, казалось, что он едет на велосипеде. Но так было даже лучше. Наверняка на «Як-1»²⁴ или даже на «И-16»²⁵ летчик мог бы вести успешные бои. Но одна, две, десять сбитых машин люфтваффе не были сейчас так важны, как пакеты с приказами, доставляемые тихоходным «кукурузником». Полчаса назад самолет взлетел с пшеничного поля у штаба 4-го мехкорпуса. Доставленный туда приказ тоже был фальшивым. Теперь командиры корпусов в полном недоумении по окружному маршруту двигались к штабу армии, где их никто не ждал. Радиосвязь в зоне работы штабов по-прежнему оставалась отвратительной. «Глушилки», созданные с таким трудом, оправдывали себя. Вредительство чистой воды.

В этот короткий отрезок времени дивизии корпусов двигались по инерции. Руководство спешно создаваемыми ударными группами велось на местах. Изредка доходящие указания из штаба армии практически полностью игнорировались. Причем не только группа майора Васько действовала на свой страх и риск, но и куда более многочисленная группировка, возглавляемая корпусным комиссаром Пелого, готовила контрудар, сообразуясь лишь с текущей обстановкой. В данный момент севернее прорвавшегося немецкого клина собирался кулак из 9-го и 19-го мехкорпусов. На координацию с ними сил отдела «К» не хватило.

Тем не менее «калька» проявлялась все четче.

«По-2» нырнул ниже, прожужжал над оврагом, напугав отбившихся от батальона красноармейцев. Самолет летел над полем, пилот вертел головой, опасаясь быть застигнутым немецкими истребителями. Было бы глупо выйти из игры из-за очереди какого-нибудь древнего «МГ-17»²⁶.

* * *

Каша подгорела, куски тушенки в ней никто не удосужился размешать, хлеб заменяло залежавшееся, с прогорклым привкусом несливочного масла, печенье, но все равно было вкусно. «Блокаду я бы не пережила», – подумала Катрин, набивая рот. Есть приходилось одной ложкой на двоих. Любимов энергично жевал рядом. На поверхности крепкого чая в котелке плавала пленка жира.

– Говорят, в Монголии в чай специально кладут масло и жир, – задумчиво произнес лейтенант. – Для экономии времени, что ли?

– Они чай еще и солят.

---

²³ «Су», «МиГ» – имеются в виду боевые самолеты конца XX века.

²⁴ «Як-1» – скоростной истребитель. Выпуск начат в 1940 г.

²⁵ «И-16» – истребитель, состоявший на вооружении РККА с середины 30-х годов. К 1941 году уступал немецкому «Ме-109Е» практически по всем показателям.

²⁶ «МГ-17» – устаревший к началу Второй мировой войны пулемет. Ими были вооружены ранние версии истребителей «Ме Вф-109».

– Ты что, и там была?

– Да нет. Читала где-то, – Катрин сунула парню ложку.

После обильной еды клонило в сон. Костры уже затушили. За полдня так и не было налетов. Немцы летали часто, но «Юнкерсы» проходили стороной. Шли на восток – на Кременец, Тернополь и еще дальше, за речные переправы. Странно – шоссе представляло доступную цель. Поток машин возрос. Любимов рассказал, что большая часть отступающих уходит на юг. Весть о том, что шоссе перерезано западнее Бродно, уже распространилась.

– Как думаешь, Львов удержим? – прошептал Любимов.

– Еще несколько дней, – коротко ответила Катрин, вытягиваясь на спине.

– Не может быть, – пробормотал лейтенант.

– Не веришь, чего спрашиваешь? – проворчала Катрин.

В старой реальности Львов был оставлен 30 июня. Действия отдела «К» вряд ли могли надолго оттянуть этот срок. Насколько понимала Катрин, такая задача и не ставилась. Черт с ним, со Львовом. Город и пребывание в нем девушке совершенно не понравились.

– А контрнаступление? Ведь должны же фашистов отбросить? – не унимался Любимов.

– Я тебе что – Жуков или Тимошенко? Генеральского чина не имею. Начальство прикажет – завтра Берлин штурмовать побежим. Нам о близких делах думать надо бы. О насущных...

– Чего думать? И так делаем все что нужно, – обиделся лейтенант. – Вот сейчас чай допью, пойду на КПП.

– Да я ни к этому. Там и без тебя справятся. Отдохни лучше. До ночи вряд ли что случится. Слышишь, где бабахает?

Канонада усилилась. Теперь ее слышно было и на западе, и на севере, и на северо-востоке.

– Слышу, – неохотно ответил Любимов. – Ребята бьются, а мы тут сидим. Да еще народ болтает – окружение, окружение.

– Как посмотреть. Мы на своей земле. Значит, это фрицы в «котел» влезли.

Лейтенант облизал ложку:

– Я тоже так думаю. Но народ разный. Некоторые словно из Африки сбежали. Дикие. О дисциплине и понятия не имеют.

– В Африке о дисциплине тоже знают. Правда, не все.

Любимов подозрительно прищурился:

– Скажешь, была?

– А то, – Катрин показала почерневшие от вьевшейся пыли запястья, – разве не заметно, что негритянка? Исккупаться бы, товарищ лейтенант...

Торопливо подошел чернявый политрук. Неодобрительно посмотрел на разлегшуюся девушку, но замечание делать не стал.

– На шоссе каких-то подозрительных задержали. Пойдем, Женя, посмотрим.

Любимов тут же подскочил, деловито одернул портупею.

– Ты бы винтовку себе нашел... Женя—...сказала вслед Катрин.

Зря сказала. Политрук с удивлением обернулся. Любимов только нервно поправил фуражку.

Катрин лежала, закрыв глаза пилоткой. Мимо кто-то прошел, но смотреть и вообще ворочаться не было ни сил, ни желания. Солнце пригревало. Над головой шуршали сосновые ветки. Отдаленный гул орудий стал привычным. Только фон. Думать о том, как это выглядит вблизи, категорически не хотелось. Катрин устала. Сильно устала. Ныла спина. Ныло все, что способно ныть. И как-то уже не верилось, что бывает другая жизнь. С холодильниками, полными пива, гостиничными прохладными номерами, людными улицами, флиртом...

А почему в этом магазинчике в Чотком не могла бы затеряться бутылочка пива? Пусть и просроченного. Эх, внимательнее нужно с накладными работать, товарищ инспектор.

– ...Она, что ли?

– Кто ж еще? Будить будем?

Зашептались тише.

Катрин стянула с лица пилотку.

– В чем дело, товарищи бойцы? Вы бы лучше за воздухом наблюдали, чем меня рассматривать.

– Так точно. За воздухом ведется тщательное наблюдение. Мы на минутку, – старшина-зенитчик неловко улыбнулся. – Мы... Бойцы, значит... вот—...он протянул на ладони пластиковую пудреницу. – Может, лицо подправите, или что. Вы не думайте – честно купили. Женщин едет много...

– Благодарю. Истинно рыцарский подарок, – серьезно сказала Катрин, принимая пудреницу. – И зеркальце есть. Спасибо. А то с этими фашистами совсем человеческий облик потеряешь.

– Вы не думайте, товарищ Мезина, – поспешно проговорил второй боец. – Это не только за раздобытые вами харчи. Красивую девушку всегда приятно видеть. В хорошем смысле.

– Настоящих мужчин тоже приятно встретить. В самом хорошем смысле, – заверила Катрин. – Насчет харчей не благодарите. Сама знаю: когда в животе урчит, стреляется как-то нервно. Вы уж там побеспокойтесь, чтобы нам на голову поменьше всякой дряни сыпалось.

– Эх, был бы дивизион в полном составе, мы б их, как ворон, валили! Наглые, гады. Но мы им еще покажем, главное – снаряды теперь есть...

Зенитчики пригласили Катрин заходить к ним и вежливо откланялись.

Улыбаясь, девушка закинула на плечо винтовку, подняла посуду, оставленную увлекающимся Любимовым, и направилась на поиски воды.

Роща изменилась. Поредела, частично вырубленная, частично раздавленная гусеницами тягача и колесами машин. Кроме стрелковых ячеек и щелей, появились неглубокие траншеи. Уже оборудованы основные и запасные позиции тяжелых орудий. Катрин прошла мимо тщательно уложенных и замаскированных ящиков с боеприпасами. Сосновые ветви прикрывали не только технику, но и окопы. Виднелись даже маскировочные сети. Красноармейцев тоже стало значительно больше. Теперь позиции сводного отряда продолжались и по другую сторону шоссе. Огороды и дворовые постройки хутора порядком пострадали. У КП²⁷, оборудованного возле поваленной сосны, мелькали офицерские фуражки. Но командовал по-прежнему капитан Рац. Катрин подальше обошла командный пункт, углубилась в рощу. На артиллерийских позициях распоряжался лейтенант из Серпухова. Слушая уверенный голос, Катрин поняла, что ничего не знает об этой войне. Вернее, не знает ее сути. Движение корпусов, дивизий и целых армий она видела на бумаге. Но как действует вот такое почти трехтонное чудовище со 122-мм жерлом? Репера²⁸, поправки на смещение, веер, КНП, ПНП²⁹... Катрин стало тоскливо. Очень сложно. Убивать людей можно гораздо проще. И не с таким размахом.

Машины, снова машины. Чудовищно вонючий и облезлый гражданский бензовоз. Вот и водовозка. Тоже гражданская, наверное, мобилизованная с какого-нибудь заводика. На подножке сидел хмурый мужик в черном измятом пиджаке и хромоных сапогах в гармошку.

– Вода чистая? Умыться можно? – спросила Катрин.

– Не можно. То войскове. Для армии.

– А я кто?

– Ты курва гулящая, – сказал мужик, не глядя.

---

²⁷ КП – командный пункт.

²⁸ Репер – вспомогательная точка, по которой начинается пристрелка, от которой затем можно точно и внезапно перенести огонь на цель.

²⁹ КНП – командирский наблюдательный пункт, ПНП – передовой наблюдательный пункт.

Катрин молча смотрела на него. Шофер глянул исподлобья и быстро залез в кабину. Девушка обошла машину, открутила вентиль. Вода пахла железом и бензином. Катрин без всякого удовольствия сполоснула руки. Плескать на лицо подозрительную жидкость не хотелось. К колодцу на хутор сходить, что ли? Катрин чувствовала себя лишней. Мимо торопливо прошли двое потных бойцов. С катушки, повизгивая, сползал телефонный кабель. Вот и надежная связь появляется. Проверенная временем, как в 1905 году.

* * *

Налет начался в самом конце дня. Прямо с заката, из солнца выскочили две продолговатые и ширококрылые туши «Юнкерсов». За ними шла еще пара бомбардировщиков. Налетел рев двигателей. На шоссе одни машины останавливались, другие прибавляли скорости. Люди, и гражданские, и военные, сотней брызг кинулись в стороны от дороги. Бомбардировщики шли дерзко, на предельно низкой высоте. Упали первые бомбы. Шоссе начало исчезать в клубах разрывов.

Все это длилось несколько секунд. Самолеты промелькнули, уходя дальше по шоссе, искать более достойную цель. Вслед ударил один из счетверенных пулеметов. Смысла в этом было мало. «Юнкерсы» уже исчезли. Над шоссе поднимались дымные столбы. С опушки рощи Катрин видела лежащие фигурки, бьющуюся в оглоблях раненую лошадь. Но ничего еще не кончилось. Пара истребителей сопровождения подчищала за большими машинами. Свист и рев двигателей смешался с треском пулеметов. «Мессершмитты-109» неслись еще ниже бомбардировщиков. Со стороны казалось, что быстрые тени почти цепляют крыши машин. Пулеметные строчки тянулись к шоссе, к бортам машин, к бегущим и лежащим телам.

Катрин обняла ствол сосны, прижалась плотнее. Замаскированную технику и позиции в роще немцы не замечали, но все равно было жутко. Несколько очередей зенитных пулеметов с земли «Ме-109» тоже не заметили, а может быть, просто проигнорировали. Взрыв выше, истребители пошли на разворот. Катрин слышала команды в роще, слышала далекие крики на шоссе. Горели четыре или пять машин. Одна взорвалась, исчезнув в багрово-оранжевой вспышке и черном облаке дыма.

Истребители возвращались. Остроносые, верткие, одновременно и четкие, и размыто-серые. Теперь по ним с земли велся сосредоточенный огонь. Катрин слышала густой пулеметный рокот счетверенных установок, отрывистый и частый лай 25-мм зенитного автомата.

Катрин ничего не понимала в организации ПВО. Но когда один из «мессеров» задрал нос и задымил, девушка просто завизжала от восторга. В роще кричали все, кто видел подбитый самолет. Даже треск пулеметов не мог заглушить этой радости. Прямо на глазах, в одну секунду, ощущение полного бессилия исчезло. Каждый чувствовал себя причастным к этой маленькой победе.

Подбитый истребитель все задирает нос, пытаясь набрать высоту. Но вот самолет выбросил облачко дыма, свалился на крыло. От машины что-то отвалилось, и «Мессершмитт», кувыряясь, полетел к земле.

Катрин не видела, где он упал. Где-то в стороне обобранного Чоткого. Привет товарищу Ивашенко.

* * *

В приготовлении ужина Катрин приняла некоторое участие. Пусть и весьма скромное, но каша на этот раз не подгорела. Разросшийся до двух сотен бойцов, отряд уничтожил почти всю провизию. Еще бы и не хватило, если бы девушка не уговорила капитана Раца организовать

краткую экспедицию на шоссе. Минометчик-татарин ловко освежевал убитую лошадь. Мясная добавка получилась приличной. Если у кого-то из личного состава и оставались предубеждения к конине, то в сумерках продукт проскочил на «ура». Готовить ужин пришлось чуть ли не за два километра от позиций. Маскировку соблюдали усиленно. Катрин порядком оттянула себе руку, перетаскивая горячее ведро к командному пункту. Озабоченные товарищи командиры поужинали, не вникая, что там в котелках. За день обстановка еще больше осложнилась. Из обрывочных сведений стало понятно, что контратаки стрелковых дивизий у Бродно противник отразил без особого напряжения. К городу подтянулись свежие части 12-й танковой дивизии немцев. Южнее советские войска особой активности не проявляли.

Катрин посмотрела на склонившихся над картой молодых лейтенантов, на ставшего еще больше похожим на директора местечковой школы капитана Раца. Выясняли, что еще можно сделать за ночь. У командования маленького отряда наибольшее беспокойство вызывала неопределенность. От майора Васько новостей не поступало. С какой стороны может появиться противник, оставалось совершенно неизвестно.

Когда ничего не знаешь, нужно лечь и отдохнуть. По крайней мере, Катрин решила действовать согласно этому примитивному принципу. Винтовка здорово натерла плечо. И вообще, за день девушка устала до полусмерти.

Родной грузовик она нашла с трудом. За день роща изменилась до неузнаваемости. В кузове подозрительно шептались. Катрин запрыгнула на колесо. Прямо на разостланной шинели белели луковицы, горка печенья, криво нарезанный маленький шматочек сала. Один из разведчиков попытался спрятать флягу.

– Значит, недокармливает вас командование? Ужин постный был? – спросила Катрин, забираясь в кузов.

– Никак нет, товарищ инструктор. Это мы так – сон разогнать.

– Угу. И вы, товарищ Ковальчук, сон разгоняете? Или от рации прячетесь?

– В три часа заступаю, – хмуро ответил радист. – Вы не ругайтесь, товарищ инструктор, насчет утреннего. Я повторял то, что командир взвода связи говорил.

– Мудак твой командир. Поймаем, под трибунал пойдет. Что там у тебя? – Катрин выдержала из руки разведчика флягу.

В носшибануло спиртом.

– Спирт? Точно? – подозрительно спросила Катрин.

– Медицинский, для лечебных целей, – уныло пояснил разведчик.

Катрин обвела глазами ждущих приговора бойцов.

– На четверых многовато будет. Разливай на пятерых.

Старший разведчик быстро набулькал в кружки. Девушке выделили посудину получше.

– Вообще, алкоголь – яд, – сказала Катрин. – Так что не злоупотребляйте. Из тебя, Ковальчук, если забудешь рацию включить, лично душу вытрясу.

– Да это так, случайность, – пробормотал радист, с нетерпением заглядывая в кружку.

– Разводить не нужно? – прошептал разведчик. – Крепковато будет.

– Что там разводить, на донышке? – Катрин качнула кружку. – Давайте – за зенитчиков.

И чтоб нам завтра не сплеховать...

Спирт обжег гортань. Ничего, не крепче королевского джина. Катрин с трудом вздохнула, сунула в рот кусочек сала.

– Жуем, и отдыхать, кто не занят. День будет длинный...

* * *

Сумерки сгустились. Вокруг ревели двигатели. Приказы отданы, связь между частями работает безупречно. Командир 2-й ударной группы майор Васько ждал, когда головной бата-

льон вытянется в походную колонну. В темноте это займет чуть больше времени, но его полк справится. К команде «Вперед!» они готовились долго. И тем не менее сердце майора болезненно дергалось. Таблетку бы пососать. Две минуты сейчас – не время. Это завтра днем этих минут будет чудовищно не хватать.

6

Катрин заворочалась под шинелью. Гул канонады приближался и нарастал. Казалось, можно слышать отдельные разрывы. Девушка села в кузове, потеряла лицо. Мимо машины пробежали бойцы. Было еще темно. Артиллерийская стрельба доносилась с северо-востока, со стороны Бродно.

Катрин проверила оружие и прыгнула на землю. Началось...

Приказ перекрыть шоссе поступил в 3.15. Мотоциклисты-разведчики и грузовик с десятком бойцов тут же умчались в сторону Львова. Через шестнадцать километров, у поворота на Куликовы Буськи, разведчики наглухо закрыли движение по шоссе, остановив беженцев и остатки отходящих тыловых частей. Почти в это же время бойцы отряда капитана Раца увидели головной дозор 2-й Ударной группы. В дозоре, кроме бронемашин, легких танков и мотоциклистов, шли два «Т-34», оснащенные саперным оборудованием. Навешанные на боевые машины бульдозерные «отвалы», хоть и были изготовлены в полковых мастерских, вполне могли бы соперничать с оборудованием мирных строительных тракторов.

Дозор, не останавливаясь, ушел вперед. Показалась первая колонна Ударной группы. Техника шла со скоростью 35 км/ч – максимум того, что могли выжать двигатели тягачей и старых танков. Все равно, с КП артиллерийского дивизиона казалось, что это слаженное движение, настойчивое и быстрое, не похоже ни на что, увиденное за первые тяжелые дни войны. Даже на первый взгляд странная смесь бронетехники, грузовиков с мотопехотой, противотанковых орудий, зенитных установок и всего прочего подчинялась сложным внутренним законам. Здесь царили порядок и уверенность. Призрачное безостановочное мелькание во тьме июньской ночи сотен машин, монолитный гул двигателей производили почти мистическое впечатление. Катрин почувствовала, как холодеет в груди. Впервые она видела силы Красной Армии, поражающие воображение не только многочисленностью и бесконечностью. Исчезла аморфность и расплывчатость. Двигалась не масса вязкой пассивной резины, но сталь, способная расколоть другую сталь.

От колонны отделились несколько машин. Катрин увидела вышедшего из броневика майора Васько. С ним был батальонный комиссар с распухшей полевой сумкой через плечо. Их сопровождали несколько автоматчиков и радист с неизменной рацией за плечами. Катрин подумала, не смыться ли подальше? Вряд ли Васько будет счастлив, увидев ее. Но майор уже глянул в ее сторону и, кажется, узнал, хотя девушка стояла метрах в пятидесяти от КП.

Васько пожал руку капитану Рацу.

– Спасибо, товарищ капитан, шоссе вы прикрыли. Взял бы вас с собой, ваши пушки нужны как воздух. Но лишних тягачей нет. Заберу у вас всех стрелков, грузовики, зенитные средства. Не обессудьте. Собирайте все, что можете, товарищ капитан, и уходите на Золоч. Времени мало. Немцы шоссе перережут через пару часов.

– Товарищ майор, дивизион готов к бою, – капитан Рац выглядел совершенно обескураженным.

– Что делать, капитан, – Васько говорил спокойно. – Мы уходим. Без прикрытия пехоты, вы сами понимаете... майор глянул на лейтенанта-пограничника. – Товарищ лейтенант, вы человек опытный, поможете личному составу дивизиона напрямую выйти к Золочу.

– Товарищ майор, – пограничник был готов спорить.

– Лейтенант, успеете, – жестко прервал его Васько. – Мне стрелки нужны и танкисты. Уверен, вы будете воевать достойно. Потом, когда подлечитесь, – майор кивнул на забинтованные руки пограничника. – Сейчас мы немцев зубами грызть не собираемся. Поработайте головой, выведите людей. Есть опасность оказаться в «котле». Готовьте пехоту...

Два лейтенанта, влившиеся накануне вечером со своими людьми в отряд капитана Раца, побежали в рощу поднимать людей. За ними быстро пошел батальонный комиссар.

– Готовьтесь к отходу. Не затягивайте, – приказал Васько капитану Рацу и лейтенанту. – Организовано и грамотно вывести людей – большое дело. Успеха вам.

Офицеры козырнули и пошли к позициям гаубиц. Оба выглядели одинаково расстроенными.

– Товарищ майор, – к Васько обратилсяждавшийся своей очереди лейтенант Любимов.

– А, лейтенант, – Васько пожал ему руку. – Благодарю за отлично выполненное задание. Значит, так, – оставлю мотоцикл. Веди наблюдение, дожدهшься немцев – пулей ко мне. Доложишь. Ни во что не ввязывайся. Главное – время засеки. Думаю, часа полтора-два у тебя еще есть. Только наблюдение, понял? А сейчас отойди-ка на минутку.

Васько сделал несколько шагов в сторону от автоматчиков охраны, поманил девушку. Катрин терпеть не могла, когда ее вот так подзывали, но сейчас проявлять характер было нелепо.

– Что за бабские фокусы? – Голос майора звучал тихо, девушка едва слышала его в неумолчном гуле моторов. – Сделала дело, дай другим спокойно работать, – Васько смотрел на нее чуть ли не с отвращением. – Во-первых, верни мне личное оружие.

Катрин молча отдала «наган».

– Хорошо. Во-вторых, доходишь вон до тех деревьев и исчезаешь. Понятно?

– Так точно, – Катрин повернулась через левое плечо.

– Стой. Винтовку оставь.

Катрин сняла с плеча «СВТ».

– Штык сдавать?

– Зачем? Иди, метелка, пока не выпорол, – майор принял тяжелую самозарядку. – Привет нашим передавай.

Идя к кустам, девушка оглянулась. Худощавый майор в танковом комбинезоне пристально смотрел ей вслед.

Катрин вошла в кусты, сделала несколько шагов и резко присела, прижавшись спиной к сосновому стволу. Машинально подняла рукав комбинезона, нащупала горошинку под кожей. Раздавливать не стала. Черт его знает почему. Наверное, из дурацкого чувства противоречия.

Через пару минут Катрин выглянула из-за ствола. Из рощи выезжали грузовики с бойцами сводной роты. Васько уже сел в броневи́к, ждал только своего комиссара. У опустевшего КП торчал одинокий лейтенант Любимов. Конфискованная у девушки винтовка висела теперь у него за спиной.

Перепрыгивая через опустевшие окопы, Катрин пошла в рощу. Торопливо грузились машины. Все были заняты делом. Совещались артиллеристы и пограничник, выясняя, кто и как будет двигаться. Кроме единственного исправного тягача, в распоряжение дивизиона были оставлены только три повозки. Матерясь, забрасывали в кузов ящики со снарядами знакомые девушке зенитчики. Четверенные установки уже ушли. Остальные машины, одна за другой, торопливо выходили на шоссе. Там проходил уже арьергард Ударной группы.

Рядом с Катрин притормозила полуторка.

– Товарищ комсомолка, ваше имущество?

Катрин узнала свою машину. С кузова протягивали портфель и шинель.

Портфель Катрин похоронила на дне стрелковой ячейки. Прикопала штыком. Как-никак комсомольская документация. Больше никаких дел не осталось. «Отнесу шинель лейтенанту, а то еще замерзнет ночью. Попрощаюсь и отвалю», – подумала она.

На опушке невысокий артиллерист возился со станковым пулеметом. Катрин с удивлением посмотрела на его мучения. Стрелки почему-то оставили «максим». Очевидно, в тяжелом стрелковом оружии Ударная группа майора Васько не нуждалась.

Любимов торчал там же, у шоссе. Он разговаривал с бойцом-мотоциклистом. Кажется, решали, где укрыть мотоцикл.

Короткий свист. Взрыв. Девушка машинально присела. У шоссе вспух дым разрыва. Еще один. Катрин зашарила взглядом по едва начавшему розоветь небу. Никаких самолетов. Разрывы на шоссе продолжались, вспухая почти в середине колонны арьергарда Ударной группы. Несколько танков развернули башни. Блеснули вспышки первых выстрелов. Вот, Катрин, наконец, заметила. На зеленом поле, по ту сторону шоссе, у зубчатой кромки рощи, виднелись маленькие темные коробочки. Немецкие танки. Десяток точек, медленнодвигающихся перед ними, оказались немецкими мотоциклами.

На шоссе уже что-то горело. Колонна продолжала движение, благо ширина дороги позволяла. Танки отстреливались на ходу. Советских танков даже на беглый взгляд было в несколько раз больше, чем немецких, но боевые машины, скованные приказом, уходили от боя.

Затарахтел двигатель мотоцикла. Любимов запрыгнул в седло, мотоцикл круто развернулся и рванул вслед колонне.

«Вот и попрощались», – подумала Катрин.

Танковая перестрелка участилась. И тут догоняющему колонну мотоциклу не повезло. Шальной снаряд разорвался на обочине. Мотоцикл вильнул и на полной скорости слетел с шоссе. Катрин с замершим сердцем смотрела, как переворачивается трехколесная машина. Хотя до места катастрофы было метров шестьсот, она разглядела, как бешено крутятся в воздухе колеса.

Тяжелая от росы трава путалась под ногами. Катрин бежала напрямик. Без оружия и груза двигаться было легко. Только чужие сапоги ерзали на ногах. Снаряд рванул, казалось, в двух шагах. Девушка шарахнулась, полетела на траву. По спине забарабанили комья земли. Катрин побежала дальше. При беглом взгляде назад показалось, что серые немецкие «коробочки» гораздо ближе. Советских машин она уже не видела, но они должны быть где-то рядом. Ведь не по одинокой фигурке стреляют танки? За насыпью шоссе девушку едва ли можно было разглядеть.

Мотоцикл Катрин чуть не проскочила. С возвышенности, от рощи, все выглядело по-иному. Мотоцикл лежал на боку. Ближе к дороге распростерся боец-водитель. Упав на колени, девушка повернула тяжелую в каске голову бойца. Прищуренные глаза незряче глянули на нее. Катрин сунула пальцы под ворот гимнастерки. Пульс на теплой шее не прощупывался. А где Любимов? Катрин выпрямилась и тут же пригнулась. Над головой что-то свистнуло. Пулемет? Лейтенант на четвереньках выползал на шоссе. Фуражки на нем не было, перепрыгнувшая на грудь «СВТ» торчала как лопата. Гимнастерка на правом боку окровавлена. Девушка, пригибаясь, догнала Любимова:

– Куда? Ранен?

– Полк уходит, – прохрипел Любимов. Глаза у него были отсутствующие. По лбу текла кровь.

Катрин потянула лейтенанта за ремень в кювет.

– Очнись. Ушла колонна. Не догонишь. Кровь откуда?

– Хрен знает. Сейчас мотоцикл на колеса поставим...

– Сдурел!!! Шоссе под огнем. Отходим...

Голос девушки перекрыл низкий дробный грохот.

Орудия капитана Раца открыли огонь. Первый снаряд лег слишком близко. Поправка. Высокий столб земли и огня взлетел среди немецких машин. Капитан скомандовал беглый огонь. Малочисленные расчеты, конечно, не могли вести огонь в нужном темпе. И опыта не хватало. Из 5–6 максимальных выстрелов в минуту орудия давали едва ли половину. И все же огонь трех гаубиц, почти по-минометному задравших стволы, заставил немцев попятиться. Снарядов у батареи хватало.

Катрин с лейтенантом бежали к роще. Любимова мотало из стороны в сторону. Он едва перебирал ногами. Девушка тянула лейтенанта за рукав. Над головой шелестели двадцатикилограммовые снаряды гаубиц.

Сапоги лейтенанта запутались в траве, он упал, не сдержав стона. Катрин торопливо сняла с него винтовку, глянула назад. Немцев не видно, вообще ничего не видно. Зато грохотало со всех сторон. Они находились в пологой низине. Девушке было ужасно неуютно. И страшно.

– Пойдем, лейтенант. Недалеко осталось...

– Сейчас, Катя, сейчас, – дышать лейтенанту было больно.

Катрин помогла ему встать, и они пошли-побрели к грохочущей роще.

* * *

Сложности. Майор Васько был недоволен. Немцы вышли к шоссе слишком рано. Аррьергарду приходилось уходить с боем. Оторваться от легких и быстрых немецких танков не удавалось. Достаточно было бы развернуть танковую роту, чтобы уничтожить зарвавшихся фрицев. Но это еще больше затянет дело. Появится авиация. Придется оставлять заслон.

– Товарищ майор, «Ангара» передает, немцы отстали и разворачиваются. По ним артиллерия огонь ведет! – прокричал радист.

– Пусть 24-й догоняет. Не отвлекаться.

О том, кто прикрыл огнем тыловое охранение, майор Васько просто не стал думать. Совсем рассвело. Скоро немцы поймут, что происходит.

* * *

Катрин удержала едва не упавшего в траншею лейтенанта. Любимов без сил опустился на сосновые лапы, маскирующие свежую землю.

– Что там у тебя? – прохрипела Катрин.

На боку лейтенанта кровоточила глубокая рваная царапина. Вокруг нее багровел огромный кровоподтек.

– Наверное, ребро сломано. Или два, – Катрин распечатывала последний немецкий бинт.

– Даже ранить по-человечески не могли, – простонал Любимов.

– Дурак, – пробурчала девушка, жалея, что вчера так бездарно потратила спирт. Промыть разодранный бок было нечем.

Тишина звенела в ушах. Гаубицы прекратили стрелять.

– Один танк мы точно подбили, – с удовлетворением констатировал капитан Раци, опуская бинокль. – И мотоциклеток около пяти штук. Пора выполнять указание командования...

Исправный тягач с частью личного состава и одним орудием ушел еще до начала боя. Хоть одну гаубицу из дивизиона удастся сохранить. Остальным артиллеристам придется отступать только с личным оружием.

На правом фланге захлопали винтовочные выстрелы, издали протарахтел «МГ»³⁰. Немецкая мотопехота уже просочилась на хутор. Из-за грушевых деревьев выскочила верткая танкетка.

– Так-с, переходим на прямую наводку! – тонким голосом, но очень громко скомандовал капитан. – Передавай: приготовиться к отражению атаки противника на огневые позиции батарей.

Телефонист заорал в трубку, а капитан Рац принялся возиться с непослушной застежкой кобуры «нагана».

– Что ж ты прямо по кости?! – простонал Любимов.

– Молчи, такое и дите стерпит, – отрезала Катрин. Она прилепила на рану листы подорожника и теперь пыталась понадежнее прихватить их скудным бинтом.

– Знахарство какое-то, – стонал лейтенант.

– Молчи! Слышишь?

В роще трещали выстрелы. Пулеметная очередь.

– Немцы? Да откуда? – не поверил Любимов.

– Оттуда...

Грохнула гаубица, яростней затрещали в ответ пулеметные очереди.

– Пошли, – сказала Катрин, подхватывая винтовку.

Лейтенант перестал стонать, морщась, поднялся на ноги. Португеему пришлось держать в руке.

– Живенько, лейтенант. А то вяпаемся. – Катрин, пригибаясь, побежала вперед.

Деревья отчасти заслоняли дорогу. Девушка слышала только, что стреляют на той стороне рощи все чаще. Снова грохнула гаубица. Почти сразу же выстрелила вторая.

Проскочив редкую опушку, Катрин разглядела по ту сторону шоссе хутор и перебегающих за плетнями немцев. Взвод пехоты прикрывали два легких «PZ-I». С самого хутора строчил пулемет.

Оглушающе выстрелила гаубица. Снаряд разорвался где-то по ту сторону хуторка. Немцы залегли, но тут же двинулись вперед.

После грохота гаубицы девушка едва услышала треск винтовочного выстрела. Стрелял щупленький красноармеец из вырытого ночью пулеметного гнезда. Рядом задрал нос «максим». Катрин махнула лейтенанту, пригибаясь, проскочила расстояние до окопа, спрыгнула. Красноармеец с перепугу попытался направить на нее винтовку, но девушка быстро отвела ствол трехлинейки своей «СВТ».

– Свои. Ты что тут круговую оборону занял? Что с пулеметом?

Красноармеец зло пихнул пулемет.

– Не стреляет, сука! Хрен его знает. Я дальномерщик, а не Анка-пулеметчица.

– Лейтенант, займись, – Катрин удобнее уперлась локтями, прицелилась. «СВТ» с готовностью реабилитировала себя за излишнюю тяжесть. Со второго выстрела девушка заставила замереть упорно подползавшего к шоссе немца. Рядом с Катрин размеренно стрелял щупленький дальномерщик. Немцы залегли, стреляя в сторону рощи. Засевших поодаль в неплохо замаскированном пулеметном гнезде стрелков пока не замечали.

Дальше вдоль шоссе дела шли хуже. Несмотря на разрозненную стрельбу со стороны рощи, немцы подобрались к дороге, засели в кювете. Редкие выстрелы гаубиц их уже не пугали. Артиллеристам капитана Раца удалось разнести один из сараев хутора. Но пулемет все еще бил откуда-то оттуда, и обе танкетки, смело маневрируя, вели огонь по роще. Пехота перед шоссе накапливалась, готовясь к броску на другую сторону.

---

³⁰ Пулемет «MG-34». До 1942 года являлся основным пулеметом не только пехоты, но и танковых войск Германии.

– Отходить нужно, – рассудительно заявил красноармеец, заправляя в винтовку новую обойму. – Нет у нас прикрытия. Хоть бы миномет какой.

– Куда отходить? За рощей поле. До следующего леска километра два. Танки нас постреляют, – пробормотала Катрин.

Немцы с ближнего фланга отползли левее и скрылись за дорожной насыпью. Отсюда их было не достать.

– Лейтенант, что там у тебя? – спросила Катрин у тяжело сопящего и звякающего металлом Любимова.

– Что-что... лента старая, растянутая, да еще набита криво. А я, между прочим, тоже у Чапаева не служил...

– Другую ленту возьми.

– Думаешь, здесь выбор есть? Одна-единственная.

Противно свистнуло, еще раз... В роще зазвенели два взрыва. С сосен посыпались ветви. Немцы подтянули минометы.

«Драпать нужно. Теперь все. Хотя нас здесь, возможно, не заметят», – подумала Катрин. От хутора нагло двинулись танкетки. Советские гаубицы уже несколько минут молчали.

– Слышишь, лейтенант, ты заканчивай с пулеметом. Через пять минут он нам и даром не нужен будет.

– Готово, – Любимов заправил ленту, повел стволом «максима».

Мины равномерно сыпались на рощу. Оттуда тянуло дымом.

Немцы удивительно организованно атаковали. Оба танка поднялись на шоссе, за ними замелькали фигуры пехотинцев. Катрин срезала крайнего...

Не поверишь своим глазам... Будто в комбинированной съемке. Только что на шоссе стояли две шеститонные машины. Сейчас осталась одна. Второй «PZ-I», превратившийся в грудку металла, очень похожую на сплюснутую консервную банку, оказался метров на двадцать за шоссе. Башня кувыркалась по земле еще дальше. Прямое попадание осколочно-фугасного снаряда сработало как чудовищная кувалда.

Кажется, немцы даже не успели понять, что случилось. С фланга по ним ударил пулемет лейтенанта Любимова. Очередь в полусотню патронов легла удачно. Немцы падали, но рассмотреть результаты по-настоящему Катрин не успела. Покрытие дороги вздыбилось. Запоздавший выстрел второй гаубицы вырвал из шоссе огромный кусок.

Когда дым осел, стали видны бегущие к хутору немцы. Уцелевший танк пятился туда же. Лейтенант дал очередь вслед отступающим. Пулемет сожрал десяток патронов и умолк. Катрин хотела прокомментировать работу детища Х. Максима³¹, но тут рядом взорвалась мина. На хуторе сидел кто-то глазастый и работу фланкирующего пулемета оценил.

С визгом шлепнулась вторая мина. За шиворот комбинезона посыпался песок.

– Уходить нужно! – проорала Катрин.

– Убьет! – закричал в ответ лейтенант.

– Аккуратно кидает, может, в ритм войдем...

Они подождали разрывов следующей серии. Катрин показалось, что она прыгает прямо в осколки. Дым, сверху все сыпался и сыпался песок. Выпрыгивая из окопа, девушка запомнила свежую яркую царапину на щите пулемета.

– ...и три, и четыре, и—...Катрин бросила считать. С неба со свистом неслась смерть. Носом в землю... Поглубже бы... Разрыв. Свист осколков... Сейчас войдут в тело... Девушка втискивалась сильнее в спасительную землю. Еще взрыв. Снова смертельный визг крошечных зазубренных кусочков металла. Вперед—...И раз, и два, и три...

---

³¹ Пулемет «Максим» был сконструирован Максимом Хайремом Стивенсом в 1884 году. В 1930 и 1941 годах в конструкцию пулемета были внесены некоторые изменения.

Катрин катилась по усыпанной хвоей земле. Винтовка зацепилась за корень, вырвалась. Девушка чуть опомнилась. Мины рвались за спиной. Катрин автоматически продула затвор. «СВТ» оружие мощное, но к загрязнению крайне чувствительное.

Где Любимов и этот... далеко... дальномер?

Катрин яростно замотала головой. В ушах звенит, ничего не соображаешь, от пота как мышь мокрая. Какая сволочь этот миномет выдумала?

Лейтенант вывалился из-за сосен, держась за бок. Еле выговорил:

– Ну, ты и бегаешь...

Следовавший за Любимовым и так же задыхающийся от бега красноармеец оперся о винтовку. Минометы наконец прекратили свое мерзкое подвывание.

– Разве вас дожدهмся. Пошли к капитану, – с некоторым стыдом пробормотала девушка.

– Быстрее, товарищи. Быстрее, – повторял капитан Рац.

Стонала раненая лошадь. Пристрелить ее было некогда. Артиллеристы возились с замком гаубицы, выводили орудие из строя. Две уцелевшие повозки с ранеными уже ушли из роши. Раненых было восемь человек. Почти все серьезно. Одна из немецких мин угодила прямо на огневую.

Лейтенант-пограничник кивнул Любимову.

– Это вы из пулемета? Здорово. Жаль, больше не удержимся. Людей – раз-два и обчелся.

Действительно, из артиллеристов, не считая раненых, уцелели шесть человек. Плюс еще двое возниц, пограничник и отставший от полка Любимов. Ну и «комсомольский инструктор».

– Не ждите. Бегом! – скомандовал пограничник.

Капитан Рац хотел что-то сказать, но махнул рукой и потрусил к опушке. Лейтенант Любимов подобрал винтовку и кривобоко побежал следом. Катрин оглянулась на артиллеристов, пограничник подпихнул девушку локтем.

– Не задерживай, красавица.

У опушки их догнали артиллеристы.

– Хрен теперь постреляют, – пропыхтел грузный старшина.

– Вперед, не задерживайтесь, – торопил пограничник.

Катрин с сомнением посмотрела на широкое поле. Повозки еще и середины не достигли.

– Товарищ лейтенант, прикрыть бы нужно.

– Людей нет.

– Я останусь.

– Еще чего.

– Пошелкают словно куропаток. А я, если что, оторвусь. Я быстро бегаю.

– Так точно, я видел. Спортсменка, – вмешался маленький дальномерщик. – И стреляет, дай бог. Я с ней останусь. Догоним.

– И я, – заикнулся Любимов.

– Ковыляй себе потихонечку, однобокий, – сказала Катрин и вопросительно посмотрела на пограничника.

– Когда мы будем на середине, отходите, – пограничник сморщился, – мне бы руки...

Катрин лежала за деревом. В глубине роши плакала и никак не хотела умирать лошадь.

– Пристрелить надо было, – сказал маленький артиллерист.

– Надо бы, – вздохнула Катрин. – У тебя, кстати, как с патронами?

– Обойм пять еще есть. А у тебя?

– Маловато. Надо бы на позиции взять.

– Да, мужикам они уж без надобности, – согласился красноармеец. – Вон тоже лежит кто-то.

Катрин разглядела тело за поваленной сосной.

– Сползаю. Следи...

Красноармейца убило в спину. Катрин перевернула труп. Этот не с батареи. На петлицах пехотные эмблемы. Катрин торопливо переложила в свои подсумки обоймы, сняла с ремня две «лимонки». Забрала документы. Перебежала обратно.

– Взяла? – спросил дальномерщик. – А я покойников боюсь. Прямо аж смотреть не могу.

– А ты назад смотри. Где там наши?

Горстка бойцов добралась до середины поля. Повозки с ранеными подбирались к защите леса.

– Немцы вроде еще не очухались, – сказала Катрин. – Давай так: отходишь шагов на сто, ложишься. Я мимо тебя. И так далее...

Дальномерщик живо дернул в поле. Катрин слушала. Устало стонала лошадь, дым рассеялся. Немцев не было. Девушка оглянулась – маленький красноармеец, стоя в траве на одном колене, махнул рукой.

Катрин побежала. Изуродованная роща осталась за спиной. Несмотря на то что девушка только что пристально всматривалась в безлюдную череду поломанных и уцелевших стволов, моментально возникло ощущение – кто-то целится в спину. Прямо между лопаток. Сейчас, сейчас...

Мимо промелькнул держащий винтовку на изготовку красноармеец. Катрин начала считать шаги, сбилась, пробежала еще немного, упала на колени. «СВТ» водило в руках так, что трудно было удержать на мушке опушку рощи.

Перебежка, отдых, снова перебежка. Сидеть в траве посреди открытого пространства было до жути неудобно. «Я лес люблю. И горы, – подумала Катрин. – На хер пошли эти окультуренные луга». Комбинезон на коленях промок от обильной росы. Девушка с воодушевлением поднялась в очередную перебежку.

Вот и опушка. На траве отчетливо виднелись следы тележных колес.

– Грамотно отходили, – сказал лейтенант-пограничник. По лбу его тек пот, и офицер, морщась, размазывал его тыльной стороной перевязанной кисти. – Теперь дальше. Не останавливаться.

Катрин и сама знала, что останавливаться рано. Она помогла пограничнику поправить фуражку, тому в своих «варежках» справиться было трудно. «Как он в сортир ходит?» – мимо-летно удивилась Катрин. На нее смотрел обессиленно привалившийся к стволу Любимов. Лицо меловое. Лейтенанта мучили поломанные ребра.

Повозки, поскрипывая, тащились по просеке. Катрин шла впереди. Смотреть на раненых было трудно. Один из артиллеристов с развороченным осколками животом доживал последние минуты.

– А бои, товарищи, идут ожесточенные, – озабоченно произнес капитан Рац. – Слышите, как работает артиллерия? А наш дивизион... Профукали.

– Что могли, сделали, товарищ капитан, – зло ответил пограничник. – Я, может, от всей заставы один остался. Хрен безрукий. Что, мне теперь в омут головой или плевать в сторону немцев? Зарастет кожа, я им покажу, кто в лесу хозяин. А пока – выйдем, выводы сделаем, и по новой. Главное, правильные выводы сделать. Получат, бл—...он покосился на Катрин. – Извините, вырвалось.

– Да я и не слышала ничего, – успокоила его девушка, прислушиваясь к звукам яростной и близкой артиллерийской канонады.

Грохотало на северо-востоке. Эхом звучали орудия на западе.

* * *

– Не ждите. Пусть «Дон» продвигается! – приказал Васько.

Немецкий заслон перед Куликовыми Буськами был сбит с ходу. Танки добивали фашистов, пытавшихся отойти за реку на Падах. Буг в этом месте был не широк, но переправляться вброд танковые пулеметы не давали. Мост горел, немецкие машины, успевшие проскочить за ту сторону, пылали на дороге. Бойцы разведбата вылавливали немцев, разбежавшихся по дворам. Колонны 2-й Ударной группы, не снижая скорости, двигались через задымленное село.

Майор Васько с ненавистью окинул взглядом чистое небо. Отдаленный гул артиллерии майора не волновал. Он и так знал, что 1-я Ударная группа, возглавляемая корпусным комиссаром Пелого, начала наступление на Бродно.

* * *

– Лесом ближе, но лошади не пройдут. Так что идем до железной дороги. Ее наши наверняка удерживают—...забинтованная лапа пограничника закрывала едва ли не половину листа карты.

Катрин смотрела из-за спины Любимова. Карту держал капитан Рац. Девушка с решением пограничника была совершенно согласна. Немцев сейчас прижали у Бродно. Напороться на их разведку шансов немного.

Шли по просеке. Наверху прогудели самолеты, но чьи, никто не рассмотрел. Катрин с беспокойством почувствовала, что начинает натирать левую ногу. Обувь все-таки чужая. Тем более что от когда-то белых носочков остались одни ободки-оборочки вокруг щиколоток.

Один из раненых умер. Его решили похоронить у села.

К железной дороге вышли около одиннадцати дня. Пограничник прислушался и заявил, что где-то рядом дорога. На карте она почему-то обозначена не была. Катрин ничего, кроме непрерывно бухающих на северо-востоке орудий, не слышала. Пограничник взял с собой двоих бойцов и ушел на разведку.

Катрин сидела под деревом, слушала птичий щебет, хриплое стонущее дыхание раненых и думала, что бы такое сделать с ногой? Скоро на нее не ступишь.

Кряхтя, рядом присел Любимов:

– Чего хромаешь?

– Плохая у бандеровцев обувь, – пробурчала Катрин. – А как твои ребра?

– Срастаются, – скривился лейтенант. – Вот только хожу распоясанный, словно арестант.

Ремень с кобурой Любимов по-прежнему носил в руке. Девушка хотела ему посоветовать носить револьвер на бедрах под гимнастеркой, но тут прибежал один из бойцов, ушедших с пограничником. Дорога действительно была рядом, и по ней шли советские машины.

Через полчаса раненых загрузили в пустой грузовик, шедший в Подкомно на склад артснабжения. Катрин помогала поднимать бесчувственные тела. Сколько из раненых доедет до госпиталя живыми, гадать было страшно.

Катрин вытерла руки о траву, потом о пыльные листья. Лесная дорога, после того как по ней прошли танки, стала широкой. В обе стороны двигались машины. Части 8-го мехкорпуса нанесли контрудар, и батареям, и батальонам требовалось непрерывное снабжение. Лейтенанты совещались с капитаном Рацем. Капитан уводил своих артиллеристов на поиски последней гаубицы дивизиона. Тягач под командой знакомого девушке уроженца города Серпухова ушел куда-то к Золочу. Лейтенант-пограничник хотел найти санбат. В госпиталь он идти не желал, считая, что тогда отправят в тыл надолго. Любимов колебался, уверяя, что бок не так уж и болит. Катрин оттянула его за локоть в сторону, зашептала:

– Не дури. Много ты, кривобокий, навоюешь? Вон, пограничник мужик серьезный, понимает.

– Да засядешь там, у врачей, потом не отпустят, – сомневался Любимов.

– На себя посмотри, – разозлилась Катрин. – Рожа как мел, того и гляди в обморок хлопнешься. Я тебя немного провожу, а потом по делам...

Лейтенант через силу ухмыльнулся.

– Не знаю, о чем ты с комполка говорила, но, похоже, ты сама себе хозяйка...

Катрин попрощалась с капитаном Рацем, пожелала удачи. Потом пожала руку щупленькому дальномерщику.

– У меня невеста на тебя похожа, – сказал красноармеец. – Только ростом поскромнее. Стреляет тоже хорошо. Всегда меня в тире перестреливала. Вот вернусь, расскажу, как первый раз фашистов щелкали.

Артиллеристы двинулись на Золоч. Лейтенантам нужно было в другую сторону. Тыловые подразделения 10-й танковой дивизии располагались вроде бы у Вишневицев. Пограничник остановил машину, водители его почему-то слушались безоговорочно. В кузове утомленные офицеры тут же устроились подремать. Катрин разулась, осмотрела стертую пятку. Надо бы заклеить, но ничего похожего на пластырь под рукой не было. Девушка с трудом заставила себя обуться. Пора уходить, пока окончательно в одноногую обузу не превратилась. Славная компания: безрукий, кривобокий и одноногая.

Катрин смотрела на пристроившегося в неловкой позе Любимова. Торопятся парни вернуться в строй. Если им сказать, что впереди четыре года, – не поверят. И правильно, человек не должен знать, что его впереди ждет. Отдел «К», наверное, все-таки не тем занимается. Противоестественно так жить.

Машина выехала из леса. Было жарко. Катрин расстегнула еще одну пуговицу комбинезона. Что там под ним творилось, лучше не задумываться. Гимнастерка расплзлась под мышками и на спине. Теперь даже рубищем не назовешь – липкие лохмотья.

Вокруг тянулись поля, засеянные рожью. Голубело отвратительно чистое небо. Катрин передернула плечами. К бомбардировщикам привыкнуть невозможно. И к минометам, пожалуй, тоже.

Машина начала притормаживать. Впереди блестела узкая, местами исчезающая среди камыша полоска реки. У круглого блюдца пруда раскинулось небольшое село. Даже издали было видно, что у въезда в село выстроился хвост из машин.

Грузовик пристроился за новеньким «ЗИСом» и остановился. Водитель высунулся из кабины.

– Там мосточек. Никак на ем застрял кто...

Пограничник уже перевалился через борт.

– Пойду гляну.

Катрин посмотрела на небо, на мирные хаты и сады. Никаких зениток. Кроме хвоста грузовиков, и никаких войск не видно. Водители вышли из машин, разминая ноги. Пикап с красным крестом съехал с дороги в тень тополей.

Черт, невозможно представить, что голубое небо способно выглядеть столь отталкивающе.

Не торопясь подошел пограничник.

– На мосту танк застрял. «Т-28». Вредительство какое-то. Мост под телеги делался. Полоторку со скрипом выдерживает. А тут тонн двадцать пять. Гусеница провалилась...

– Двадцать восемь тонн, – прохрипел Любимов. Позу он сохранял все ту же, неестественно напряженную.

– Ты чего? – обеспокоенно спросила Катрин.

– Присохло, – жалобно пробормотал лейтенант. – Перевязать бы...

– Чего молчишь? Скромность тебя, лейтенант, погубит.

Катрин старалась не хромать. Сапог тер уже как будто по оголенной кости. В пикапе сидел сержант с «глистой и рюмкой»³² на петлицах и сосредоточенно вскрывал банку консервов.

– Товарищ сержант. У нас тут раненый. Нужны перевязочные пакеты, пластырь, обезболивающее, грамм пятьдесят спирта.

Сержант-медик и водитель с недоумением уставились на грязную девушку.

– Обратитесь в санроту. Я медикаменты не выдаю, – сказал сержант и погрузил ложку в жирную свинину.

Запах мяса, лаврового листа и свежего хлеба так и лез в ноздри.

– А ну, встать! – зловеще прошипела Катрин. – Вы как с комсомольским работником разговариваете, товарищ младший командир? Что, была команда на принятие пищи? Вы на этом основании отказываете в оказании первой помощи раненому командиру? С Особым отделом давно не общались?

Сержант торопливо выбрался из машины.

– Да я же с готовностью. Но я не санинструктор. Я дизелистами командую.

– Это не оправдание. Командует он! В трибунале командовать будете, сержант. В последний раз спрашиваю – медикаменты есть?

Сержант обреченно полез под сиденье, вытащил замызганную сумку с красным крестом:

– Где раненый?

Катрин возмутилась.

– Да кто тебе, «дизелисту», живого человека доверит? Ты руки с начала войны не мыл. Давай сюда, – Катрин заглянула в сумку, сунула покорному сержанту явно лишние в комплекте первой помощи клещи и кривую отвертку. На дне сумки вроде бы имелись бинты и пузырьки. – Спирт?

– Спирта нет. Хоть убейте. Кто мне его доверит?

Катрин глянула. Действительно, такому и дизель зря доверяют.

– Перекись водорода есть, – нерешительно вмешался водитель.

Банка оказалась здоровенная, не меньше литра.

– Ладно, отвратительно вы укомплектованы. Нужно будет командованию доложить. Безобразие, – Катрин вытащила из ножен штык. Откромсала половину буханки, разрежала пополам, щедро загребла из банки тушенки...

– А... жалобно начал сержант.

– Молчите. Еще боец Красной Армии. Ни первую помощь оказать не можете, ни с товарищами продовольствием поделиться. Сумку заберете через полчаса...

«Бутерброд» получился толстенный – нести неудобно. Другую руку занимала склянка с лекарством. На одном плече болталась санитарная сумка, на другом винтовка. Выглядела девушка столь интригующе, что из машин всюду пялились водители.

Пограничник заставил водителя отъехать от дороги. Машина стояла под старой горбатой ветлой. Рядом на бугорке торчал то ли лодочный сарай, то ли старый амбар. Квакали лягушки из близкой реки. Лейтенант-пограничник искренне обрадовался хлебу с тушенкой и тут же начал руководить водителем. Пока они накрывали «стол» в тени сарая, Катрин помогла Любимову спуститься с кузова. Лейтенанту было не до еды, каждое движение причиняло боль. Он тяжело опирался о плечо девушки. Катрин и самой было несладко. Сапог так тер пятку, что хотелось немедленно разуться.

В обнимку они уковыляли за сарай. Лейтенант неловко сел-упал на траву. Катрин, невзирая на боль, рывком стащила с себя сапог. Была готова вылить из него литр крови, но ничего подобного. На пятке всего лишь образовалась ярко-розовая проплешина.

---

³² Военно-медицинская эмблема.

Девушка босиком спустилась к близкой реке, вымыла руки. Неторопливо текла спокойная прохладная вода, лягушки продолжали распевать свои песни. Катрин вернулась к сараю. Любимов, не дыша, медленно-медленно тянул с себя присохшую гимнастерку.

Следующие двадцать минут Катрин ругала немцев, Гитлера, лейтенанта, себя и всю советскую медицину. В выражениях девушка не стеснялась. Так было легче самой и, отчасти, лейтенанту. Наконец, вспухшие царапины были обработаны, поврежденные ребра туго стянуты всеми имеющимися бинтами. Любимов охал, но не ругался. Противопоставить обильному международно-непарламентскому лексикону Катрин молодому лейтенанту все равно было нечего.

Катрин промыла остатками перекиси свою пятку, заклеила обрывком грязноватого пластыря. Большую часть рулона дизелисты-медики, очевидно, извели в качестве замены электроизоляции.

Любимов слушал канонаду на севере.

– Что там происходит? Бродим как слепые. Двадцатый век на дворе. Изобрели бы что-нибудь, чтоб не только слышно, но и видно было.

– Наизобретали уже, – пробурчала девушка. – Называется – телевидение. В каждом доме электронный ящик будет стоять. Народ за уши не оттащишь.

– Да ладно, – не поверил Любимов. – Такой прибор только для правительственных и военных целей нужен.

– Для правительства в первую очередь. Оно всегда там такое красивое, фотогеничное. А еще телевизор нужен для правильного понимания новостей, фильмов, «мыльных опер» и футбола.

– Оперы и по радио хорошо слушать. А футбол? Это какого же размера ящик нужен?

– Футбол у нас средненький. Поместится.

– А здорово было бы. Кино – прямо дома. «Волга-Волга», «Три мушкетера»... Жаль, не доживем до такой сказки.

– Доживешь.

– Наверное, в клубах ящики поставят...

– Везде поставят. За деньги, правда. Пенсионерам скидка...

– Почему пенсионерам? – удивился лейтенант. – Они что, отдельно смотреть будут?

– Отстань, – взмолилась Катрин. – После войны будешь смотреть телевизор. С вот таким экраном, – она развела руки во всю ширь. – Пятьдесят программ. И футбол, и хоккей, и пленумы ЦК, и порнуха...

– Что?

– Обедать, говорю, пойдем, товарищ лейтенант.

Лейтенант-пограничник и водитель терпеливо ждали спутников. Импровизированный стол украшал тщательно разделенный «бутерброд», кроме того, у водителя нашлась банка рыбных консервов и с десятков выдавших виды карамелек. Запивали пиршество колодезной водой.

– Вот уж никогда не думал, что действительно из дамских рук есть буду, – невесело произнес пограничник. В своих «варежках» он с трудом мог удерживать ложку, а уж с такими деликатными вещами, как маленькие ломтики хлеба, справиться совсем не мог. Катрин вкладывала кусочки ему в рот, лейтенант жевал. Свои клешни держал разведенными, бинт от пропитавшей его грязи и ожоговой мази стал серо-желтым.

– Сладкая жизнь, – сказал пограничник, разгрызая карамельку, – девушки, река, хорошая погода. Пикник. А что-то каверзно на душе.

– Подлечиться нужно. А там снова на фронт, – утешил его повеселевший после перевязки Любимов.

– Понятное дело. Я не про это. Сидим мы как-то... легко. Вам-то хорошо. А я, если что, прямиком в плен. Даже пулю в висок не пустишь, – лейтенант прижал локтем бесполезную кобуру с «наганом». – Эх, надо было ноги тренировать. Несут – ничего, не жалуюсь. А стрелять не обучены.

– Зубы у тебя тоже ничего, – Катрин вытащила из кармана комбинезона порядком набившую бедро «лимонку». – Кольцо выдернешь, а швырнуть и забинтованной лапой можно.

– Спасибо. Швырять придется под ноги. Можно и зубами.

– Но-но, дешево отделаться хочешь. Тебе еще до Берлина тащиться. Воюй, – Катрин достала и вторую гранату.

– Честное слово, никогда мне девушки подарков не делали, – серьезно заявил пограничник. – Я бы на вас, Екатерина, после войны женился. Характер советский, выдержка железная. О внешности я не говорю, вам бы в кино сниматься.

– Ой, я сейчас краснеть начну, – пробурчала Катрин.

– Скромная, заботливая. А кругозор какой! Языки иностранные знаете. И русский особенно... Откуда комсомольский работник такие термины знать может?

– Что, так слышно было?

– Ну, на той стороне реки, может быть, и нет, а нам очень даже отчетливо.

– Засмущали вы меня. Пойду я умоюсь. Вы, пока на мне не женились, здесь посидите, пожалуйста.

Сбрасывая комбинезон, Катрин воровато поглядывала по сторонам. Вот неймется тебе, подождать не можешь. Разоблачилась под носом у товарищей по оружию. Девушка вынырнула из заскорузлого комбинезона и принялась стягивать с себя остатки гимнастерки. Распавшаяся на отдельные куски бывшая форменная рубашка местами просто прилипла к телу. С ненавистью отдирая от себя ветхие клочки, Катрин зашла по колено в воду. Уф, хорошо как! Пряча почти незагорелую, сияющую попку, девушка погрузилась, проплыла несколько метров, окунулась с головой. Хотелось бы хоть каплю шампуня.

«И фен, и так далее... Ты и вправду до Берлина дойти собралась?»

Ноги вязли в илистом дне, но выходить из прохлады все равно не хотелось. Катрин повернула к берегу. Храбрые лягушки неохотно уступили дорогу, глазели с неодобрением.

Катрин ступила в комбинезон, начала натягивать. Грязная грубая ткань царапала кожу. Хуже, чем кольчугу на голое тело напяливать. Катрин дернулась – на нее смотрел Любимов.

– Ты чего? – возмутилась девушка, с некоторым опозданием поворачиваясь спиной. – Эротика в жизни не хватает? Вылупился...

– Я это... думал, умываешься, – лейтенант выглядел искренне ошарашенным, и Катрин смилостивилась.

– Думай, глядя в другую сторону, – потребовала она, извиваясь в попытках засунуть руки в рукава.

Любимов торопливо отвернулся, охнул от боли в боку.

Катрин, наконец, втиснулась в рукава, с облегчением начала застегивать ремень.

– Катя, а ты... нерешительно начал лейтенант.

– Если ты насчет отсутствия моего нижнего белья, то это трагическое стечение обстоятельств. Следствие вероломного нападения немецко-фашистских захватчиков.

– Да нет. Извини, у тебя правда на руке наколка? Ты что, оттуда?

– Откуда? С зоны, что ли? Нет. Вряд ли там так рисуют.

– Можно посмотреть?

– Ты, Любимов, наверное, выздоровел, если искусством интересуешься. У меня не Третьяковка. – Катрин без особой охоты закатала рукав.

Лейтенант смотрел, смотрел, потом глаза его начали обморочно расширяться.

– Тихо, – девушка придержала его за гимнастерку.

– Засасывает, – озадаченно прошептал Любимов. – Никогда такого не видел. Там правда сказочный замок и феи есть?

– Там все что хочешь имеется, – вздохнула Катрин. – Ты чего пришел? Спинку мне потереть?

– С мостом глухо. Думаем в объезд двинуть. Километров тридцать, но, наверное, быстрее будет...

Катрин с предчувствием пытки обулась. Мокрый пластырь держался плохо. Вот дура, – сначала надо было водные процедуры проводить, потом лечение.

Лейтенант обернулся на далекое жужжание. Отсюда, от реки, открывалась широкая панорама. Едва различимые самолеты шли на запад. Вроде бы бомбардировщики, но чьи – не разглядишь.

– Поехали, пока кто-нибудь из них сюда не завернул, – сказала Катрин. Она чувствовала некоторую вину за несвоевременное купание.

– Значит, объедем через Темчино, – сказал лейтенант, аккуратно пристраивая на плечо винтовку. – Водитель вроде дорогу знает. Нужно вернуться до просеки и дальше вдоль опушки...

Водитель уже завел машину. Пограничник что-то ему говорил. Катрин окинула взглядом гостеприимный берег, сельскую улочку. По-прежнему курили у машин водители. От леса спускалась колонна машин. Вроде даже танки. Куда в «пробку» прутся? Сейчас придется им навстречу ехать, пылью дышать.

Странно...

Шедший впереди Любимов замер. Медленно-медленно повернулся. Катрин увидела его недоуменные, неверящие глаза. Поняла сама.

– Немцы!

Пограничник резко обернулся на ее крик. Водитель, не расслышав, смотрел с удивлением.

Все происходило мучительно медленно.

Катрин скинула с плеча винтовку. Еще оставалась доля сомнений, хотя она видела высокие морды «Опелей»³³, длинный полугусеничный тягач. Возглавлял колонну «PZ-II»³⁴ с оторванным левым «крылом». На броне сидели несколько фрицев. Катрин показалось, что палец потянул спуск раньше, чем глаза определили характерную форму глубоких немецких касок.

Даже сквозь гул приближающихся двигателей «СВТ» выстрелила удивительно громко.

Пограничник с матом выдернул из кабины замешкавшегося водителя. Любимов, припав на колено, целился из трехлинейки. Катрин выпускала по танку пулю за пулей. Из-за башни, вскинув руки, выпрямился и упал один из пехотинцев. Остальные прыгали на землю.

И почти сразу же немцы открыли огонь. Очередь автоматической пушки прошла полуторку, от которой едва успели отбежать лейтенант и водитель. Из немецких грузовиков, остановившихся на взгорке, выпрыгивала пехота, рассыпалась по склону. Меняя обойму, Катрин успела удивиться тому, как много немцев помещаются в одну машину. «Т-III»³⁵, волочивший на буксире еще один «PZ-II», ушел с дороги в сторону, развернул башню и выстрелил по стоящим на сельской улице русским грузовикам.

– Уходим! Уходим! – орал пограничник. Полуторка уже горела, выбрасывая почти невидимые в солнечном свете оранжевые языки пламени. Катрин выстрелила еще раз, дернула за сапог Любимова. – Отходи, убьют!

---

³³ «Opel-Blitz» – основной грузовик немецкой армии в 30–40-х годах.

³⁴ Легкий немецкий танк. Вооружен 20-мм автоматической пушкой «KwK 30» и 7,92-мм пулеметом «MG-34».

³⁵ «PZKpfw III» – средний танк германской армии. В 1940–1941 годах вооружался в большинстве случаев 37-мм пушкой и двумя 7,92-мм пулеметами.

Немцы вели густой огонь с полутора сотен метров. В основном били по селу, по улице. Но пули часто свистели и над головами отползающих назад, к лодочному сараю, девушки и лейтенанта. Водитель придержал дверь, и Катрин с Любимовым укрылись внутри.

– Во попали, – пробормотал, морщась, лейтенант-пограничник. Он задел о дверь машины обожженными ладонями и теперь едва не подпрыгивал от боли. – Откуда сволочи взялись? Мы же в тылу.

– В каком, на хрен, тылу? – Любимов лихорадочно заталкивал в винтовку обойму. – Их там не меньше батальона.

– Не психуй. Еще наорешься, – пробормотала Катрин. Она смотрела в щель между досками. Немцы стреляли по селу. Их полуторка разгорелась. От нее теперь валили клубы черного дыма. Больше всего Катрин нервировала уверенность немцев. Они действовали спокойно, деловито. Девушка видела, как расчет устанавливает станковый «МГ». Рядом сидел командир расчета, внимательно разглядывал село в бинокль.

– Все машины сожгли, гады, – сообщил пограничник, наблюдавший за улицей. – Один «ЗИС» пытался вырваться, так прямым попаданием кабину снесло. Моста отсюда не видно...

– Товарищ лейтенант, нас-то они не засекли? – спросил водитель, в пятый раз проверяя затвор винтовки.

– Черт его знает, – неохотно пробурчал лейтенант. – Они пока селом заняты. Да ты прекрати затвором клацать, а то шарахнешь мне в спину.

– Да вы шо, – несмотря на страх, обиделся красноармеец, – я присягу не порушу.

– Иди ты к черту, Егор, – засмеялся пограничник, – я не про присягу, а про неосторожность. Дернется палец... Мало ли...

Катрин их почти не слушала. Только мимоходом удивилась, что вот лейтенант знает, как зовут водителя, с которым и знаком-то меньше двух часов. А она не знает даже фамилии пограничника, с которым идет от самой батареи. Почти день знакомы...

Немцы прекратили огонь. Вперед выдвинулся «PZ-II», к нему стянулся взвод пехоты.

– Слышишь, лейтенант, на том берегу вроде бы наши саперы были? – спросил отдышавшийся Любимов. – Что-то молчат...

– Не вижу никого. Хаты отсюда мост закрывают. А так никакого движения. Одни мы остались, что ли?

– Сейчас немцы в село войдут и доложат, – сказала Катрин.

Немцы, под прикрытием танка, вошли в село. На улице горел десяток машин.

«PZ-II» прошел вдоль домов, аккуратно подминая заборы, кусты смородины и мальвы. Пехотинцы цепочкой двигались за ним. Пощелкивали редкие выстрелы – это в одной из горящих машин рвались патроны.

– Нам бы сюда пулемет, – мрачно проговорил пограничник. – Мы бы этих «камрадов»... Мост им, считай, целеньким достался. Не через Днепр, конечно, переправа, но все равно...

Грохнуло. Пограничник и сидящий рядом с ним Любимов ахнули в один голос. В селе мгновенно и часто застучало: длинные пулеметные очереди, трескотня винтовок...

– Во дают! – в восторге крикнул лейтенант.

Катрин не выдержала, скомандовала водителю:

– Понаблюдай, Егор! – и, перепрыгивая через упавшие с просевшей крыши доски, перебежала к офицерам.

Замерший на сельской улице «PZ-II» дымил. Выбросив густой клуб дыма, открылся люк, показался танкист. Не вылез – повис на броне. Пехотинцы пятились, стреляя вдоль улицы, в сторону невидимого моста. Оттуда гремели длинные очереди. Еще несколько немцев упали. Остальные спрятались за углом хаты. Видно было, как машет офицер, указывая в сторону соседних дворов.

– «Т-28» бьет, прямо с моста, – радостно сообщил Любимов. – Слышите, у пулеметов звук какой глухой? Точно, танковые.

– А саперы-то с ним. Вон, смотри, где клуня, – пограничник потыкал грязной клешней на тот берег, но Катрин ничего не разглядела.

Снова бухнула 76-мм пушка советского танка. Хата, за которой прятались немцы, скрылась в дыму и пыли. Не успело осесть облако, как из дыма выскочили с десятков отступающих немцев. Они бросились удирать прямо по улице. Задние волокли раненого.

Видя, как мелькают они в дыму горящих машин, Катрин ощутила приступ непреодолимой ненависти.

На девушку глянул Любимов.

– Давай, лейтенант! – хрипло выкрикнула Катрин. – В дыму не заметят.

Она вышибла ногой дряхлые доски в выходящей к реке стене. Обдирая руки, протиснулась в дыру, проломила крапивные заросли. Теперь улицу не заслоняли ивовые кусты. Катрин упала на одно колено. Бегущие немцы были видны как на ладони. Рядом с девушкой присел Любимов.

– Поехали, – выдохнула Катрин.

«СВТ» слала пулю за пулей. Лейтенант со своей трехлинейкой почти не отставал. Немцы падали один за другим. До крайних хат не добрался ни один. Катрин смотрела на усеянную телами и горящими машинами улицу. Слабо шевелился только раненый, лежащий между своими павшими спасателями. Добить бы и его, но магазин «СВТ» опустел. Девушка вслед за лейтенантом нырнула в пролом.

– Черт! Лихо вы их, как в кино, – сказал пограничник.

Катрин меняла магазин. Снаружи загрохали орудия. «Т-III» обстреливал центр села и невидимый мост. Неподвижная танкетка поддерживала, выкладывая свои 20-мм снаряды по зарослям на противоположном берегу.

– Ни хрена они не видят, – проронил Любимов. – И рассказать некому, – лейтенант зло-радно хихикнул.

– Товарищ лейтенант, – тревожно прошептал водитель, – кажись, сюда идут.

Любимов и пограничник кинулись к щелям у двери. К сараю бегом направлялись трое немцев.

– Отсюда не только нам хорошо видно, – сказала Катрин. – НП³⁶ хороший. Уходить нужно.

– Куда? – резонно поинтересовался пограничник. – Пока до того берега доберемся, подстрелят раз двадцать, да и поздно драпать.

Немцы были шагах в пятидесяти.

– Не стрелять, – прошептала Катрин, прислоняя свою «СВТ» к стене.

– Как... заикнулся было пограничник, но видевший Катрин в деле Любимов махнул ему, и лейтенанты притихли в углу. Красноармеец, выставив винтовку, затаился у другой стены.

Вынув из ножен штык, Катрин встряхнула руками, на секунду расслабилась. Она стояла спиной к стене, справа от двери. Глухие шаги приближающихся немцев, озабоченное сопение. Непонятная хриплая команда. Один немец, тяжело дыша, присел на колено, вглядываясь в берег вдоль камышовых зарослей.

«Не получится. Снаружи останется, гад», – подумала Катрин. Глубоко вдохнула запах старой, перепревшей соломы, солнечных пыльных лучей, бьющих в прорехи крыши...

Немец ударил прикладом карабина в дверь, она распахнулась.

---

³⁶ НП – наблюдательный пункт.

– Wer hier? Komm heraus³⁷—...явно для проформы скомандовал немец и шагнул за порог.

Левой рукой Катрин ударила сверху, выбивая оружие. Еще полшага, клинок штыка коротко полоснул немца по горлу. Девушка откинула еще стоявшего на ногах солдата себе за спину. Дверь закрыться не успела. Катрин шагнула на солнце, отвела от груди автоматный ствол, обхватила за шею унтер-офицера. Штык снизу-вверх вошел в грудную клетку. Прижимая немца к себе, девушка отступила в тень сарая.

– Mein Gott, – прошептал унтер, в ужасе глядя в зеленые глаза убийцы. Колени немца подогнулись. Катрин вырвала штык из тела. Обернулась. Первый немец перестал хрипеть. Добивший его ударом в висок пограничник с омерзением вытирал о солому сапог.

Оставшийся у сарая немец завертел головой. Движение у двери он не уловил, но тишина в сарае казалась странной.

– Hans, was mit Ihnen? Was innen?³⁸ – тревожно крикнул он.

Катрин стиснула зубы. Ох, не те языки ты учила. Заманить бы козла.

Немец сделал нерешительный шаг к двери.

– Hans?! – солдат попятился, вскинул винтовку. Пуля прошла доски рядом с локтем девушки.

Немец побежал.

– Стреляй, лейтенант, – спокойно сказала Катрин. От ее пинка дверь распахнулась. Любимов выстрелил. Немец каким-то приветственным жестом вскинул руки, упал. Далеко отлетела винтовка.

Если винтовочный выстрел и был заглушен очередью танкового пулемета, то уж упавшего в пятнадцати метрах от сарая солдата немцы заметили.

– Теперь нам достанется, – сказал пограничник, – ложитесь.

– У меня патронов мало, – Любимов на четвереньках пополз к лежащим немцам.

Следующие несколько минут стоял крошечный ад. По сараю били два пулемета, несколько автоматчиков, не говоря уже о десятках карабинов и винтовок. Даже «PZ-II» выдал очередь из своего двадцатимиллиметрового орудия по ветхому строению. Катрин с товарищами спасло только то, что земляной пол сарая опускался в сторону реки, образуя крошечный бруствер. Девушка лежала, уткнувшись головой в бок покойного унтер-офицера. Труп дергался от попадающих в него пуль. На спину и голову Катрин сыпались жерди и пласты соломы с остатков кровли.

Сарай устоял. Обстрел стих почти так же внезапно, как начался. Все-таки немцы исключительно дисциплинированная нация. Катрин раскопала винтовку из-под прелой соломы и щепок. Продула затвор и поползла к стене. Доски превратились в дуршлаг. Тонкие лучики, врывающиеся в пулевые отверстия, раскрасили комбинезон девушки в солнечный камуфляж.

– Все живы? – кашляя, спросил пограничник.

Живы были все, только бедный Егор, похоже, потерял дар речи.

– Уходите немедленно, – сказала Катрин.

– Да ты—...начал пограничник.

– Заткнись, лейтенант, – отрезала девушка. – Раненые сейчас права голоса не имеют. В воду и вдоль камышей. Я прикрою.

– Катя, ты нас за свиней считаешь? – громко спросил Любимов.

– Нет. Вы советские воины. Понимаете целесообразность и необходимость такого решения.

– Не выдумывай, – проворчал пограничник.

---

³⁷ Кто здесь? Выходи... (нем.).

³⁸ Ганс, что с вами? Что внутри? (нем.).

– Заткнись. Некогда спорить! – нетерпеливо рявкнула Катрин. – Любимов, ты откомандирован в мое распоряжение. Приказ комполка не отменял. У меня задание. Не мешай выполнять. Понял?

Немецкая цепь осторожно приближалась.

– Убирайтесь немедленно. Автомат только оставь, – Катрин сама перекатилась к лейтенанту.

Пограничник заворчал.

– Приказ, лейтенант, – прохрипел Любимов. – Идем к воде...

Первым в дыру протиснулся водитель, за ним, матерясь сквозь зубы, выполз пограничник.

– Спасибо, – прошептала Катрин, выдирая из рук лейтенанта автомат.

– Катя...

– Молчи, лейтенант, – Катрин выхватила из кармана его галифе запасные магазины. – У меня действительно задание. Только попробуйте не прорваться. Вам еще до мая 45-го воевать, – девушка без шуток подтолкнула ногой Любимова к дыре. – Быстрее!

Лейтенант исчез в проломе. Катрин подождала несколько секунд. Дольше тянуть нельзя, – сквозь многочисленные щели она уже видела движение перед сараем.

«МП-38» забился в руках. Катрин стреляла сквозь стену, практически не целясь. Длинная очередь заглушила все. Девушка видела только появляющиеся в досках новые дыры. Опустевший автомат умолк.

Нырнув за труп, Катрин вставила новый магазин. Палили со всех сторон. Над головой свистели пули, щепки... Не поднимаясь, она положила ствол на мертвеца и в два приема опустила обойму. Тело немца дергалось от попадающих в него пуль.

«От снаряда мертвяк меня не спасет», – тоскливо подумала Катрин. Руки машинально вставили в пистолет-пулемет следующий магазин.

У дверей одна за другой взорвались две гранаты. Дверь рухнула. Кашляя, девушка высидела в дверной проем весь магазин. Экономить патроны было глупо.

За дверью орали, кто-то стонал. Катрин мимолетно удивилась собственной меткости.

– Rückwärts! Vorsichtiger!³⁹

Смысл Катрин уловила. Приподняв голову, увидела отползающих немцев. Девушка живо перекатилась ближе к стене, больно поцарапав руку. Над ухом свистнула пуля, но стреляли так, наугад. Зато теперь в щель было видно все. Компанию убитому Любимовым фрицу составили еще двое. Немцы действительно отходили, зато от дороги тащили пулемет. Ну уж нет. Не обращая внимания на постукивающие в доски пули, девушка ухватила за ноги унтера, оттащила к дальней стене сарая. Попутно углядела за ремнем трупа гранаты. Но сейчас было некогда, девушка перекатилась к щели справа от двери. Пулеметчики укрепили треногу «МГ». Катрин прицелилась из «СВТ». Два быстрых выстрела – немцы повалились. Катрин метнулась в другой угол сарая, торопливо выпустила в дверной проем автоматную очередь...

Она вела бой еще минут пятнадцать. Стреляла, пряталась в «мясной» окоп, снова кидалась к щелям и проломам. Тело действовало быстрее мыслей. Действовало правильно, раз Катрин все еще могла стрелять. Непонятно откуда взявшаяся кровь упорно заливала левый глаз. В краткой паузе между бросками через доски Катрин обнаружила на своей голове немецкую каску. Когда сняла ее с превратившегося в отбивную унтер-офицера, вспомнить не могла. Подсознательно прислушивалась к звукам боя у моста. Саперы и застрявший «Т-28» еще держались. Это помогало. Только патроны кончались. Сарай в два приема завалился окончательно. Но под балками и досками оставалось достаточно места, чтобы двигаться и стрелять. На коленях и локтях комбинезон превратился в клочья, но девушка неумоимо ныряла и пол-

---

³⁹ Назад! Осторожнее! (нем.).

зала в завале. Глохла от непрерывных выстрелов. Неподвижный неисправный «PZ-II» со своей позиции мог бить только по одной стороне развалин. Туда, в крошево разлетающихся обломков, Катрин не совалась. В танке зажигательных снарядов не оказалось, поэтому доски лишь неохотно дымились. Несколько раз немцы подползали так близко, что девушке приходилось выбираться из деревянных катакомб к самой воде. Рвались гранаты. Катрин в ответ швыряла свои. У «благодетеля»-унтера их нашлось пять штук. Немцы отходили. Девушка снова заползала в лабиринт обломков, находила в дровяном хаосе щели, стреляла, стреляла. Каким чудом ее саму не находили пули, понять было невозможно. Катрин пребывала в полном безумии. В том самом, в которое впал весь мир вокруг.

Сгорбившись за балкой, Катрин ошеломленно опустила винтовку на колени. Затвор открыт. Подсумки пусты. Где-то под завалом похоронен немецкий «маузер», но его уже не найти. Все. Ударил пулеметная очередь, девушка даже не пригнулась. Все. Бой окончен. Осталась граната. Катрин машинально отвинтила колпачок, с силой дернула шарик. Досчитала до трех и изо всех сил отправила гранату в сторону немцев. Все. Все.

Катрин скинула со вспотевшей головы тяжелую каску. У моста бил и бил пулемет обреченного танка. А твоя война окончена. Расстегивая ремень с опустевшими подсумками и уже ненужным штыком, девушка взглянула вверх. Голубое небо густо заволочло дымом. Все. С тобой все. Дышать было трудно. Дым смешивался с запахом раздавленной крапивы. Обломанные ногти нащупали «перчинку» под кожей...

* * *

Северо-западнее Львова 2-я Ударная группа майора Васько соединилась с частями 4-го мехкорпуса. Танковый полк, почти в полном составе 81-я Калужская моторизованная дивизия, два отдельных зенитно-артиллерийских дивизиона, истребительно-противотанковый дивизион, – подполковник Тарасов собрал все, что смог и счел нужным. Со стороны города наступление поддерживали огнем два артиллерийских полка. Во второй половине дня объединенная Ударная группа сбила заслоны 68-й пехотной дивизии немцев. Уничтожила на марше застигнутую врасплох колонну 1-й горнострелковой дивизии и стремительно развила наступление вдоль шоссе. Истребители «И-16» из остатков корпусной авиации гибли в воздухе, но не подпускали к советским колоннам немецкие бомбардировщики. К 22 часам ударная группа вышла к государственной границе на стыке Рава-Русского и Перемышльского УРов⁴⁰, где в долговременных укреплениях еще держались упрямые стрелковые советские дивизии. При поддержке 152-миллиметровых орудий 209-го артиллерийского полка, расходующих последние снаряды боекомплекта, Ударная группа с ходу прорвала оборону не успевших опомниться немцев и вышла в тыл 17-й немецкой армии.

7

Фокстерьер Флокс деятельно обнюхал куст, поставил личную метку. Пора домой. Хозяйка всегда поворачивала к дому, чуть-чуть не доходя до пешеходного моста через реку. Туда с собаками было нельзя. Флокс понятия не имел, почему нельзя и почему мост носит странное название «Новоандреевский», впрочем, это юного фокстерьера и не интересовало. Он и так знал, что жить собакам на Фрунзенской набережной сложно и опасно. Хорошо, что рядом с их домом есть вот этот сквер, хоть и загаженный бензоколонкой. Ничего, в пятницу можно будет поехать на дачу. Флокс задумался о том, как хорошо на даче, и чуть не пропустил очередной нужный кустик.

⁴⁰ УР – укрепленный район.

В следующий миг бедный фокстерьер взвизгнул, его хозяйка пискнула, – прямо перед ними неизвестно откуда возникла темная оборванная фигура. На миг блеснула короткая, уходящая в крону липы радуга. И дико выглядящая в городских сумерках радуга, и производящая еще более дикое впечатление фигура бомжа перепугали Флокса и впечатлительную женщину. Одинаково возмущенно поскуливая, они устремились прочь, к родному подъезду...

Пошатываясь, Катрин прошла по недавно подстриженной траве, села на бордюр. Мимо, раздраженно сверкнув фарами, промчался «БМВ». Больше ни прохожих, ни машин не было. Дальше по набережной блистал огнями плавучий ресторан. С другой стороны, на скамейках под рахитичными липами, смеялись юные любители «Клинского». Мигнул светофор, по набережной с торжествующим ревом промчалось полдюжины мотоциклистов.

Через сорок минут рыдающую девушку подобрал подруливший на своей «девятке» Александр Александрович.

* * *

Пить Катрин не могла. Совершенно. Не только кристалловскую «Праздничную», но и кофе. «Аква-минерале» тоже показалась на удивление противной. Девушка налила из-под крана в кружку отдающей хлоркой воды. Гадость, но сейчас в самый раз. Двигалась девушка с трудом – едва ли не большую часть тела залепил лейкопластырь. Все остальное покрывал слой «антисинячного» геля. Левую бровь пришлось зашивать.

Трое мужчин приняли еще по чуть-чуть горькой, и Александр Александрович продолжил свой рассказ. Компьютерный Шура намазал девушке еще один бутерброд.

...Киев немцы взяли только в первых числах декабря. Под Ельней фронт устоял, с него в феврале 42-го началось советское наступление, не принесшее, впрочем, ощутимых успехов. На севере фронт стабилизировался по линии Кингисепп – Луга – Старая Русса. Только на юге «калька» не дала видимых результатов. Летом 42-го немцы взяли Харьков, но смогли удержать лишь до конца ноября. Однако южнее все шло своим чередом: прорыв к Сталинграду и на Кавказ, разгром в Крыму...

Цифры, слова, слова.

...Катрин тупо слушала сравнение военных и гражданских потерь, о сохраненных миллионах жизней, о заводах, активах и пассивах.

Подполковник Тарасов погиб 30 июня 41-го года. Его бронемашина была уничтожена прямым попаданием 25-кг авиабомбы.

Майор Васько был убит 18 сентября 41-го года. Его танки вместе с десантниками 3-й воздушно-десантной бригады и остатками зенитных дивизионов до конца удерживали Люблинский аэродром. Кроме чудом эвакуированных в конце августа раненых, из Особой ударной группы выжили лишь несколько человек польских ополченцев.

Из двенадцати офицеров отдела «К» домой вернулись двое. Майор Ветров умер от множественных ранений в живот. А голубоглазый капитан Вдовенко пил водку, баюкал простреленную руку и молчал. Его «По-2» был сбит и сгорел на рассвете 27 июня.

* * *

– На восьмое билет заказан. Бухгалтерия подтвердила. Оклад получили? – Александр Александрович с интересом раскрыл толстый журнал с рекламой бытовой электроники. На койке Катрин лежал добрый десяток подобных изданий.

– Оклад? – Девушка хмыкнула. – А как же. Как раз хватит вам бутылку приличного джина поставить.

– Да ну его. Елками пахнет. Лучше водочки. Отдел все равно расформируют. «В связи с потерей более пятидесяти процентов личного состава».

– Александр Александрович, вы не зря все это устроили? – в лоб спросила Катрин.

– По разным оценкам, наши действия сохранили от 800 тысяч до 1,5 миллионов жизней. Математика, Катя, – страшная сила. Хотя по-настоящему просчитать, насколько пересеклись «кальки», у нас нет возможности. Но, если хотите, могу дать прочесть воспоминания участника люблинского «повстання». Правда, на польском языке.

– Спасибо, не надо. Дайте лучше справочку. О судьбе Любимова Евгения, на 22.06.41 лейтенант 2-го батальона 68-го танкового полка.

– Катя, уверены, что вам нужно знать? Считайте, три эпохи с тех времен прошло.

– Вы что, мою трепетную девичью душу от потрясений ограждаете? Нескромно напомню, что я на этой неделе носом землю рыла под минометным обстрелом.

– Не так все просто, Катя. Узнавать о судьбе товарищей, когда ты моложе них на 60–70 лет, – занятие тяжелое. Я, знаете ли, совершил такую же ошибку. Да ладно, знаю я, какая вы, Екатерина Григорьевна, упрямая. «Пробьем» вашего Любимова.

Листочек с полосатой (картридж принтера кончился) распечаткой. Любимов Евгений Михайлович. 1921 года рождения. Харьковское танковое училище... 68-й танковый полк, орден Красной Звезды за Житомир. Ранение. Ельня, ранение. 109-я танковая бригада, Воронеж, орден Отечественной войны I степени. Капитан. Харьков, ранение, 238-я стрелковая дивизия, Курско-Белгородский выступ, орден Александра Невского, Сумы, тернопольский прорыв, Львов. Ранение, второй орден Красной Звезды. Майор, 68-я отдельная танковая гвардейская бригада, штурм Кенигсберга, третий орден Красной Звезды. Подполковник. Зееловские высоты, Берлин, ранение, орден Отечественной войны II степени. В 1947 году уволен в запас по состоянию здоровья. С 1948 года и по настоящее время – НИИ № 1274. Заместитель директора по технической части. Адрес...

– Насколько понимаю, это в нашей «калке»? – спросила Катрин.

– Совпадение, – пожал плечами Александр Александрович, – но встречаться лично настоятельно не советую.

– И не собираюсь. Пару бойцов из комендантской роты организуйте и машину. Желательно военную. Технику одну доставить...

Александр Александрович глянул на фотографию, изумился.

– Куда ему такую громадину?! 50 дюймов? Половину комнаты загромоздит.

– Захочет, на балкон выставит. Не завидуйте.

– Что мне завидовать? Я, Катя, перевожусь. Так сказать, к смежникам. В отдел «2К». Мне телевизор смотреть некогда будет. Но все равно, «ящик» слишком большой.

– Я обещала еще больше, – болезненно улыбнулась Катрин. – У богатых свои причуды.

* * *

Ночью «богатой» девушке снова снился визг мин, толчки приклада в плечо, танковые гусеницы, колонны машин. Сентябрьское дождливое небо незнакомого Люблина, замерший без горючего и снарядов «КВ», зенитки, бьющие прямой наводкой... Разрушенный, выгоревший за три месяца дочерна город. Знакомые и незнакомые лица последних бойцов Особой ударной группы. Снилось «калька»...

Часть вторая

Два дня крымского лета

1. Курорт

– Первый сектор. Зона ответственности: монастырь – Гора – Черная речка. Основной удар немцы наносят севернее. Главное направление – Федюхины высоты, – Сан Саныч показал куда-то в сторону дальних шиферных и металлочерепичных дачных крыш.

– Помню, – Катя слизнула с губ сладкий сок. Ранние крымские персики, невзирая на скромные размеры, были чудо как вкусны. – Оборону с нашей стороны прорвали между левым флангом 386-й сд⁴¹ и 8-й бригадой морпехов. Около шести часов утра это приключилось. Направление – высота 111,0 и хутор Дергачи. Кстати, во что этот замечательный хутор сейчас превратился? Это за теми дачами или за следующими?

– Катерина, – угрожающе напомнил майор, – тебе эти дурацкие Дергачи совершенно ни к чему. Вон, – Юхарина балка, вот берег. Все. Дальше ты не сунешься. Ни в монастырь, ни в балку Бермана, ни, упаси тебя бог, к Горе. Хватаешь объект, тащишь его к городу. К вокзалу не сворачивать – там жарко и тесно будет. Ты меня слышишь или нет?

– А как же, товарищ майор. У вокзала мне делать нечего. В монастырь я бы, конечно, заглянула, но он вроде тогда неработающим был. Какой интерес? – Катерина покосилась на едва видимые кресты Георгиевского монастыря. – Ты не беспокойся, Сан Саныч. Район наших действий микроскопический. Я все усвоила. Жаль, до города не удалось напрямую прогуляться, но я так понимаю, в 42-м здесь частных владений с заборами поменьше было.

– Зато минных полей хватало. И немецкие самолеты по головам ходили. Это тебе не просторы Львовщины. Здесь все сразу и много. Ты в курсе. Лучше вам к утру уже в городе быть. Отсидитесь где-нибудь. В холодке.

– Посидим, – Катя запустила персиковой косточкой в плещущее далекое внизу море. Майор и наконец оторвавшийся от окуляров бинокля старший лейтенант суперкомпьютерных войск Шура глубокомысленно проследили за полетом.

Откомандированная из столицы группа ГРУ в полном составе проводила оперативное совещание, устроившись на вершине одного из самых живописных мест Крыма. Высокий мыс именовался Феленк-Бурун, он же мыс Георгиевский. Было у местечка и еще три-четыре, может быть, и более известных названия, но в данном случае топонимика не имела значения. Товарищей офицеров и товарища сержанта интересовал район западнее Феленк-Буруна. От позиций «БС-18/1»⁴², хоть и перестроенных в 1944 году, мало что осталось, тем не менее объект считался военным и символически охранялся колючей проволокой. Лезть туда не имело смысла. Зато рекогносцировочная группа побывала на бывшем выносном посту гидрографической службы. Здесь сохранились две оплывшие лунки блиндажей, вполне угадывался ход сообщения и ровик НП. Любопытный Шура выковырял из цепкой травы какую-то железяку непонятного предназначения. Ну, железа в 42-м будет предостаточно, а то, что пост Манипуляторного отряда № 1 оказался в относительной неприкосновенности, было просто замечательно. Кате впервые удалось заранее побывать непосредственно на точке назначения Прыжка.

---

⁴¹ 386-я стрелковая дивизия.

⁴² «БС-18/1» – береговая батарея. Буква «С» обозначает – «старой постройки». Спроектирована и строилась в 1900–1912 годах. До Первой мировой войны сооружена не была. Во время Великой Отечественной на батарее были установлены четыре 152-мм орудия.

Итак: сроки операции. Начало – в 23 ч. 30 мин. 28 июня 1942 г. Завершение – в 22 ч. 10 мин. 29 июня 1942 г. Резервное время – до 4 ч. 30 мин. 30 июня – тогда сработает таймер автоматики. Задача – эвакуация на Кавказское побережье краснофлотца Чоботко Леонида Львовича, 1923 года рождения. Родился в городе Мариуполь, до войны успел окончить первый курс Киевского университета. Маршрут эвакуации – пост гидрографической службы Феленк-Бурун – Юхарина балка – Камышовая бухта. Средство эвакуации морем – КАТЩ⁴³-155 «Чкаловец».

«Чкаловец» уйдет в 22 ч. Один из последних кораблей, покинувших осажденный город, и один из немногих, добравшихся до Новороссийска без особых происшествий.

Приказы не обсуждаются. Катя принципы единоначалия сомнениям не подвергала. Нужно, чтобы этот краснофлотец-вычислитель исчез из обреченного города, – значит, нужно. Вы, Екатерина Григорьевна, изволите служить по контракту, и свои собственные соображения, не относящиеся непосредственно к выполнению задания, можете засунуть куда подальше. Соболаговолили вам объяснить, почему этого тов. Чоботко Л.Л. нельзя выдернуть из пекла пораньше, и будьте довольны. Ну, не смогли в отделе вычислить, где искомый краснофлотец находился до конца июня. ПОР⁴⁴ большой, частей и подразделений уйма, документы по перемещению личного состава сохранились, мягко говоря, не полностью. Понятно, по довоенным документам никакого Чоботко в Манипуляторном отряде № 1 не числилось. Где и когда студент был мобилизован в армию, выяснить опять же не удалось. Имелись сведения о его безоблачном мариупольском детстве и о поступлении на механико-математический факультет. Изъять юного студента прямо из киевской аудитории почему-то было признано преждевременным. Требовалось, чтобы он войны нюхнул, что ли?

Катя лишних вопросов не задавала. Поучаствовав, хотя и не на первых ролях, в дюжине разработок отдела «К», товарищ сержант усвоила, что планирование подобных операций сродни гаданию на кофейной гуще. Ничто и никогда не происходило так, как рассчитывалось группой планирования операций. Собственно, по этой причине большинство проектов отдела отклонялось еще на стадии теоретической разработки. Но сейчас и время точное, и место – лучших условий не придумаешь. Прыгнем туда-сюда, мигом вернемся.

Дурные предчувствия. Как всегда перед Прыжком. И Сан Саныч это отлично понимает, сам ходил.

Катя смотрела, как юркий катер выволок в бухту за мысом надувной «банан» с отдыхающими. Желтый поплавок-аттракцион лихо скакал по легкой ряби. Доносился едва слышный визг сидков.

– Слышь, Шурик, гони сюда бинокль, – пробормотала Катя. – Тебе оптику дали не для того, чтобы на полуголых телок пялиться.

– Так куда еще смотреть? – меланхолично заметил старлей и покосился на высоко открытые летним платьем загорелые бедра тов. сержанта. – Ты же со мной на пляж не прогуляешься?

– Вот еще! Ты фото горячо любимой жены вынь и хоть в оптический прицел на него любуйся. Ишь, курортное настроение проявилось. Вот закинешь меня своей шарманкой непонятно куда, тебя премии лишат, тогда тебе Ольга живо зрение подкорректирует.

– Ты нелепому женскому толкованию точную науку не подвергай, – обиделся Шура. – Станцию я лично проверил. Понадежнее, чем стационар, сработает. А бинокль вы мне сами всучили, что ж мне теперь, «Юнкеры» высматривать? Здесь-то их точно не уловишь.

– Давай оптику сюда, – сказал Сан Саныч. – И пойди прогуляйся, осмотрись еще раз на предмет помех. А то будет как в тот раз, когда дежурный «очень вовремя» СВЧ-печку включил.

⁴³ КАТЩ – катер-тральщик.

⁴⁴ ПОР – приморский оборонительный район.

– Какие здесь печки? – пробурчал Шура, но бинокль начальству отдал и побрел по тропинке, с тоской поглядывая на голубой простор моря. В отличие от остальных членов опергруппы, компьютерщик окунуться в воды самого Черного моря еще не успел.

Майор сунул бинокль Катерине. Девушка откусила половину персика и принялась разглядывать монастырь. Рабочие во дворе вяло возились у циркулярки, возрождалась старинная обитель не слишком быстрыми темпами, хотя туристы среди досок и куч гравия исправно шлепались.

– Ну? – прервал молчание майор.

– Как-то невразумительно получается. Ксивы вроде имеются, маршрут как на ладони. Вот и думаю: что такое нелепое приключится? Может, этот тральщик не из Камышовой бухты уходит? Или наш Чоботко с гранатами и полундрой героически в контратаку кинется? Мне ему тогда что, руки крутить?

– Вряд ли, Катя. Если и выйдет нелепость, то иного характера. Насчет тральщика все точно – восемь свидетельств, все достоверные. Да и штурман их до победы дожил, в шестидесятых две тетради пространных воспоминаний написал. Насчет полундры, сама понимаешь. Клиент наш не из самых геройских.

– Ну, мало ли как бывает.

Майор промолчал.

Катерина разглядывала скалу, одиноко торчащую в бухте. Действительно – Монах. Правильно прозвали. Экий мрачно согбенный столб. И солнце июньское этого прибрежного Монаха не согревает.

– Товарищ майор, вы мне ничего не надумали сказать? А то вид у вас больно мнущийся.

– Прекрати. Что я тебе еще забыл сказать? Что скотство самонадеянную девицу в пекло совать? Это мы уже обсуждали.

– Ну вот, какая же я девица? Я вдова. Пожилая, можно сказать, тертая жизнью особа. Совершеннолетняя. Хватит тебе, как стыдливому сутенеру, морщиться. Не в первый раз.

– Все-таки идиотка ты, Григорьевна. И язык у тебя вечно в вонючем кураре перемазан. Я бы тебя куда-нибудь в трудармию определил этак на месячишко. Или к станку, детали точить. Для перевоспитания.

– К станку меня нельзя. Я в согнутой позе немедленно анархией заражаюсь. А вообще-то, я бы куда-нибудь на лесоповал сгоняла. Нет таких задумок? Я чащу люблю, там птички-грибочки, чудный запах свежих опилок. Правда, Сан Саныч, почему мы непременно в самую горечь суемся? Нельзя ли в 45-й, а? Я бы прошлась по Унтер-ден-Линден. На рейхстаг бы взглянула. Сквозь рамку фаустпатрона.

– Не смейся. Там наши своевременно на совесть пошуршали, подчистили. Нет пока заказов на 45-й. А про горечь ты забудь. Не твое дело. У тебя конкретная задача.

– Угу. Слушай, а не было мыслишки чуточку события подправить? Допустим, эту несчастную 386-ю стрелковую оттянуть, а ее участок закрыть 25-й Чапаевской? За Гору уцепиться, от Балаклавы части заранее отвести, оседлать Ялтинское шоссе...

– Сержант!

Катя заткнулась.

Майор сделал вдох-другой и абсолютно спокойным тоном произнес:

– Я говорил – не твое дело? Говорил или нет? Ты у меня в кабинете папку видела? Нет у нас сил и возможности корректировать-переигрывать. Там все нужно менять, начиная от Турецкого вала и Ишуньских позиций. Если про непосредственно здешние обстоятельства говорить... Не дрогнет 386-я, фрицы прорвутся через 388-ю. В IV секторе чем закрываться? У Килен-площадки и электростанции чем десант в Северную бухту сбрасывать? Как без артиллерии работать? В конце июня сюда боеприпасов меньше 100 тонн в сутки доставляли. А тре-

бывалось 600. Всю схему действий флота нужно менять. А в воздухе? Ну, что фельдмаршал посоветует? Откровения свыше снизошли?

– Я молчу, – пробормотала Катя.

– Вот и молчи. Здесь не твоя удачливость нужна, а логистики и стратеги гениальные. Не нам чета. Не можем мы все просчитать даже серьезными машинами. Понимаешь?

– Понимаю, – покорно проронила сержант и принялась протирать линзы бинокля.

– Хорошо, если понимаешь. Я тебя знаю. Будешь материться, норовить в морду всем подряд заехать, но по заданию сработает. Если тебя хорошенько поскрести, внутри ты вполне военный человек. Даже рассудительный, прости меня господи. Иначе я бы тебя не отправлял. И наплевать мне было бы на твой контракт безумный.

– Э, контракт-то здесь при чем?

– При том, – майор посмотрел на часы. – Вот, рабочий день уже двадцать минут назад закончился. Говорю тебе, как один отдыхающий другому, ты там поразумнее действуй. Никому не нужно, чтобы ты пулю или осколок словила. Подчеркиваю, никому. Понятно?

– Ну, в общих чертах.

Сан Саныч вздохнул:

– Тебе бы, Катя, научиться улавливать нюансы. Действительно, не девочка уже. Я тут был на одном юбилейном мероприятии. В соседнем родственном отделе. Естественно, и про тебя вспомнили. Ты личность на Фрунзенской известная. Особенно, уж прости, твои длинные ножки в управлении славятся. В общем, очередной раз обсудили твои несомненные достоинства. И один старый знакомый в очень узком кругу сболтнул про твой контракт. Кое-какие детали, о которых я раньше не знал.

Катя удивилась.

– Что ты загадочность разводишь? О чем это ты таком не знал? Если мне не изменяет память, мы лично с вами, товарищ майор, условия моего второго контракта и оговаривали.

– Так точно. Только мы беседовали о ликвидации той нехорошей организации, которая твоего мужа убила. А о первопричинах охоты за тобой я, естественно, – ни ухом ни рылом. Не по моей части такие подробности. И о твоих личных мотивах я не знал. Думал, просто расквитаться хочешь.

Катя подбросила на ладони персик.

– А если не только расплатиться? Что, тогда условия контракта подлежат изменению?

– Тьфу! Я же не об этом говорю, Катерина. У нас сейчас так, курортная беседа. Непосредственно к службе отношения не имеющая. Я, честное слово, замучился – спрашивать или нет? Личный у меня интерес, внеслужебный. Ты уж прости, что ногами в душу лезу.

– Так уж лезь быстрее. Что ты вокруг топчешься?

Майор вздохнул.

– Ты меня не смущай. Философский вопрос у меня. Я вполне понимаю – за близкого человека отомстить. Деньги, хоть какие-никакие, – тоже понимаю. Хотя ты, выходит, куда состоятельнее, чем мне представлялось. Ну, авантюризм – знакомое дело. Но так с ума сходить, так пропадать из-за влюбленности трехгодичной давности?

– Я, Сан Саныч, не пропадаю. Вовсе наоборот. Я сначала сама не осознавала. Действительно, мало ли романтических приключений в жизни случается? Но я этого человека люблю. Как только осознала, сразу в жизни смысл появился. Цель заимела. И как-то сразу на все наплевать стало. Даже погоны ваши дурацкие нацепила. Вон, на службу вовремя являюсь.

– Это да. Потрясающей дисциплинированности ты военнослужащая. – Майор машинально подправил журнал, подложенный на камень, дабы не испачкать светлые джинсы. – Хорошо, странность твоего выбора объекта воздыхания я принципиально опущу. Я вроде тебя два года знаю, а как об этом узнал – в полном шоке. Ладно, мне все равно не понять. Но, Катя, то, что время идет, что тот человек вряд ли тебя дожидается, тебя не смущает?

– Не-а. Я же влюбленная. По самые уши. Время мне – по фигу. Вот отыщу, в глаза взгляну, тогда опомнюсь. Я перед собой очень честная.

– Хм.

– Ты про мужа? Он знал. Еще до свадьбы нашей смешной-полоумной. Классный он мужик был. Жаль, познакомиться вам не довелось. Я с ним крепко дружила.

– Это с мужем-то? Катерина, ты – идеологическая бомба. Если бы у нас в отделе хоть какой-нибудь замполит водился, выперли бы тебя в две минуты. А я бы на Сахалине вечным майором пенсии дожидался.

– Сахалин – тоже русская земля, – девушка улыбнулась. – Сан Саныч, ты не завидуй. И ты когда-нибудь сумасшедшим чувством по башке схлопочешь.

– Нет уж, я уже старенький. К тому же я еще и развод не оформил. Я уж лучше каким-нибудь спокойным делом займусь. Вроде шахмат и кактусоводства.

– Конечно. Ты старенький. Это у меня мамаша молодая, опять замуж выскочила. И опять по большой и искренней плотской любви. Четвертый брак – он лучший самый. Берите пример, товарищ начальник отдела.

– Обязательно. То-то ты с маман своей отношения не поддерживаешь.

Катя поморщилась.

– Что мне молодоженов смущать? Позвонила я им как-то. Далека я от простого бабского счастья. Иные интересы. Ты, Сан Саныч, излишне на негативе концентрируешься. У нас ведь вся жизнь впереди. Имеются у меня подозрения, что через пару лет с несовместимостью металлов и Прыжков научатся справляться. Возглавишь задание лично, сразу на мир другими глазами взглянешь. Жизнерадостно.

Майор, заимевший после единственного Прыжка десяток штифтов в обе ноги, глянул печально. Не верил, хотя и знал, что подчиненная интуитивно чувствует Переходы куда тоньше академика Белостоцкого со всеми его вековыми теоретическими исследованиями.

Катя сунула начальнику мятый персик:

– Пошли, на пляж заскочим. Окунем Шурика и еще раз снизу на берег взглянем.

– Поехали. – Майор встал, отряхнул джинсы, – в штатском начальник отдела ходить не привык. Подобрал журнал, Александр Александрович глянул на пеструю страницу: – Смотри-ка, опять насчет Керченского пролива бодаться начали. Сто тридцать третий раунд переговоров. Тоже не хотят господу хохлы нюансы улавливать.

Офицер и девушка вместе взглянули на желто-голубой флажок, развевающийся над тен-том летнего кафе у автостоянки.

– Думаешь, будет и третья оборона? – с сомнением спросила Катя.

– Вот уж не знаю. Мы с тобой исключительно прошлым занимаемся и «кальку» слегка подправляем. Я тебе всего лишь о нюансах напоминаю.

– Так я вся внимание.

– Пойдешь, с этим Чоботко будь попроще. Удастся усадить на «Чкаловца», замечательно. Не удастся, выпрыгивай с багажом. Заодно новый таймер испытаешь. Только рогом не упирайся. Сочтешь, что багаж неадекватен, пусть на месте остается. Расслабленным.

– Даже так? – удивилась Катя.

– Что-то вроде того. Я тебе ничего не говорил, ты и так девушка догадливая. По «классике» с Чоботко не должно пройти. Любой иной результат будет считаться положительным.

Они спустились к белой «четверке». Водитель-прапорщик, позаимствованный в городской комендатуре, закончил курить и, застегивая яркую гавайку, неохотно двинулся к раскаленной машине.

– Сан Саныч, – сказала Катя в спину начальнику, – я нюансы начала улавливать, но еще не все подряд. До конца не врубилась, если честно.

– Нечего тут врубаться, – майор не обернулся. – Паренек там талантливый. На кого он начнет работать? Догадываешься? Польза от талантов неоценимая, а вред еще заметнее. Пусть или на нашу советскую Родину трудится, или отдыхает. Как героически павший в борьбе с фашистами.

Катя кивнула. В любом случае судьба краснофлотца изменится на два дня раньше даты, отведенной ему историей «классики».

Проблема в том, что единственным документом за военный период, упоминающим Чоботко Л.Л., был список пленных, взятых 28-й легкопехотной дивизией немцев. Датировался скорбный список 3 июля все того же черного 1942 года.

* * *

Ах, крымское лето! Россыпи дачных огней на ближних и дальних склонах, на просторе долины. Звезды тщились отразить подобную пестроту в небе, но получалось тускло. От Лермонтовского санатория доносилось задорное подвывание Галки Гайдучки:

Все будет зашибись! Я это чую, чую!
Зашибись! Все будет зашибись!

Благословенна летняя крымская земля.

Уже переодетая Катя на заднем сиденье «четверки» хрустела яблоком и машинально шевелила пальцами ног, привыкая к грубоватым ботинкам. Обычная история – вроде и разнашиваешь, и приноравливаешься, а все равно как будто чугунные колодки нацепила. Ладно, люди в таких «ортопедках» всю войну прошагали, пару дней как-нибудь перетопчемся.

Подошел майор:

– Да сколько можно жевать? Тоже мне – голодающее дитя Поволжья. Смотри, вывернет в самый неподходящий момент. И вообще, не за грибами идешь.

– Ясное дело. Только мутит нас всех не от Перехода, а от нервов. Я специально проверяла.

– Как же, когда я Прыгал, меня так свернуло, вспомнить стыдно. Хорошо еще, на месте назначения это болезненное состояние только на руку сыграло, – глянули, как мне хреново поутру, сразу поняли, что свой человек. Но ты бы поостереглась.

– Ну, люблю я фрукты. Одно яблочко всего. Даже если дырку заработаю, вы же мне перитонит подчистите, а?

– Покаркай еще, – майор отобрал яблоко, запустил в сторону обрыва. – Давай проверяйся.

– Хоть жвачки дайте, – Катя со вздохом встала.

Мятная свежесть наполнила рот. Девушка покрутилась перед командиром. Сан Саныч проверил застиранный танковый комбинезон – оригинал 40-х годов, извлеченный из запасов отдела и специально подготовленный к экспериментальной выездной экспедиции. Ткань пропитали какой-то огнестойкой хренотенью, – по замыслу химия должна была укрепить «ха-бэ», позволить комбезу пережить Прыжок и продержаться еще сутки-двое. Кроме пропитки, пришлось поменять пуговицы и крючки, – металлическая фурнитура имела неприятную особенность прожигать ткань. Жесткий ворот комбинезона порядком тер шею, но девушку больше беспокоила обувь. Носки, по понятным причинам, ничем пропитывать не стали, – если разползутся, потертости обеспечены.

Сан Саныч подергал обрезок брезентовой стропы, стягивающей талию агента.

– Удобно?

– Когда не трясете, вполне.

– Документы?

Катя расстегнула нагрудный карман. Майор в темноте перешукал красноармейскую книжку, комсомольский билет и остальную заготовленную макулатуру.

– Вот черт, на своей земле, а словно за линией фронта работаем.

«Незалежные» пограничники помешать операции вроде бы не должны, но прапорщик-водитель на всякий случай присматривал за округой, устроившись на крыше дачной халупы. Из домика, извиваясь, выползал и подергивался силовой кабель, – Шурик в последний раз проверял аппаратуру.

– Ну как, товарищ майор, годна? – поинтересовалась Катя.

Сан Саныч неохотно вернул потрепанную пилотку.

– Насколько я могу нащупать, все в порядке. Таймер, случаем, не забыла?

Катя за шнурок вытянула из ворота комбинезона цилиндрок «смертного» медальона, в который вмонтировали электронный чип.

– Нижнее белье к проверке готовить?

– Неужели нацепила? – скорбно поинтересовался начальник. – Вот событие-то.

Катя ухмыльнулась.

– Я, товарищ майор, девушка распушенная и беспринципная, но устав свято блюду.

Мужские просторные трусы и спортивную майку товарищ сержант ушивала собственноручно. Не совсем по уставу получилось, но пристойненько.

– Дурища ты принципиальная, – проворчал майор и взъерошил светлые волосы подчиненной. – Жвачку сплюнь немедленно. Благоухаешь слишком не по-нашему.

Катя выплюнула резинку и тщательно заткнула за пояс пилотку.

– Пошли, а?

– Еще три минуты, – Сан Саныч в очередной раз глянул на светящийся циферблат часов. – Катерина, глянь-ка на меня.

– Ну?

Глаза у светловолосого сержанта были огромными. Красивыми. В темноте не разглядеть их пронзительную изумрудность, но майор и так знал.

– Катя, лично прошу, – не нужно ничего стрелково-снайперского.

– Вот еще, я ж в приказе расписывалась. Все помню.

– Угу. Ты мне сейчас скажи.

– Да не буду я этих немцев стрелять. Надоели. Разве что румын какой попадется. Или итальянец. Ой, люблю экзотику, спасу нет. Да не смотрите вы на меня так. Я же с этим умником Чоботко буду носиться, а не за пулеметом полеживать. Какая уж там стрельба?

Врала Екатерина Григорьевна Мезина. И начальник знал, что она врет. Разными они были – красивая девушка и тощий майор с дважды перебитыми ногами. Только та война, раз коснувшись, никого от своей ярости не отпускала.

– Да ладно, Сан Саныч, все будет нормально, – смущенно проговорила Катя. – Выдерну я этого Львовича из обороны – и домой. Кстати, если я его по башке слегка задену, это гениальному мозгу не повредит? Он же вроде математик?

– Не знаю, Катя. Честное слово, не знаю. В досье его таланты никак не характеризовались. Шура вроде бы об этом типе стороной слышал. Эй, старлей, ты там не задремал?

– Готово все, – сумрачно отозвался из тени у дома компьютерщик. – Наш Лео Чоботко в Штатах после войны занимался теорией заданных атомарных структур. Один из родоначальников. Сейчас эта фигня нанотехнологиями зовется. Надежа и опора современной науки. Хотя я, может, и путаю насчет родоначальника. Информация закрытая. Давайте стартовать. Напряжение здесь прыгает, – натуральная кенгурятина.

– Товарищ старший лейтенант, – вкрадчиво произнес Сан Саныч, – вы меня в чем заверяли? В чем клялись?

– Так безглючно проскочим, – заверил Шура. – Я оба стабилизатора подключил. Набирайте Москву, синхронизируемся, и вперед. Катя, ты там без сложностей давай. Мне на пляж охота.

Катя, не особо скрываясь, сплюнула через левое плечо и вступила в «рамку».

2. Утро

– Твою...! – Катя окунулась с головой. Вода, как всегда ночью, была слишком плотной, пугающе черной. При всей любви девушки к водным процедурам неожиданное ныряние восторга не вызвало.

Сержант вынырнула, отплеываясь. Ботинки немедленно потянули вниз, но Катерина держалась на воде уверенно. Так – вода соленая, по крайней мере – море. Берег – вон он, темную громаду не заметить мудрено. Сквозь плеск воды и собственное судорожное дыхание девушка расслышала очередь. Вон они, трассеры, – далеко справа. Крупнокалиберный. Значит, война все-таки идет. Экая сволочь Шурик, обещал «погрешность два-три метра». Надавать бы ему по печени. А если и с временными координатами сбой? Понятно, не античные времена, но вполне может приключиться май месяц. Экая водичка прохладная. К примеру, май 44-го? Тогда все наоборот получается?

А, чтоб они сдохли со своей чувствительной техникой!

Катя плыла не торопясь, всматриваясь в очертания берега и пытаясь отыскать ориентиры. Берег вроде бы тот самый, круча обрыва сейчас казалась непомерно высокой, во тьме деталей не разглядишь. В ушах перекачивался гул канонады, громыхало в глубине полуострова. Изредка сквозь низкий бас артиллерии доносился треск близких пулеметных очередей. Порой вроде бы виднелось зарево, разрывы или пожары – не разглядеть, половину мира заслонял обрыв.

Должно быть, прошло не менее получаса. Катя наконец зацепилась взглядом за стопроцентно знакомые очертания скал, мигом все встало на свои места. Ага, вон там, за утесами, прячется скала Монах, за ней и монастырь. А эта высотища и есть западный склон Феленк-Буруна. Ого, придется поплавать.

Плыла спокойно, размеренно, стараясь не плескаться. На берегу должны быть свои, но им, своим, стало быть, дать очередь по всплескам особых усилий не составит. Катя пока старалась держаться подальше от обрыва, хотя пора было сворачивать. На пляж придется выбираться осторожно, дабы не подстрелили с перепугу.

Сержант с пару минут полежала на спине, отдыхая. К тяжести ботинок приноровилась, комбинезон мешал в меру. Вот что с документами, лучше пока не думать. И луна внушала беспокойство, судя по положению, полночь уже миновала. Все-таки напортачили со временем. Еще ничего, могла бы и подальше от берега оказаться.

Размеренные движения брасса. Громада обрыва потихоньку надвинулась, накрыла. Катя держала наискось, там пляж с каким-то романтическим названием. Не запомнилось. Всегда так, к операции вроде готовишься тщательно, а в голове одна ерунда ненужная остается. Хотя к чему сейчас мирное название пляжа?

Грохот обрушился уже в тени берега. Катя окунулась с головой, низкий буравящий уши звук отскакивал от стены обрыва, впивался в уши. Грохотало слева, батарея «БС-18/1» открыла огонь.

Катя чуть приободрилась. Камни с обрыва на голову все-таки не сыпались. Девушка выбралась на уступ камня, огляделась. Двигаться следовало левее, там по крайней мере виднелся проход между прибрежными скалами. Холодно, черт бы его побрал. Залпы 152-мм орудий по-прежнему сотрясали тьму над морем. Ладно, похоже, что с датой порядок. Будем считать, что сейчас ровно 3 часа ночи. С батареи засекли моторные шхуны с немецким десантом

(если верить донесению, 12 штук), эти шли к мысу Херсонес и были замечены на траверзе Феленк-Бурун. Сейчас большую часть из них батарея потопит. Оно и чувствуется, вон как слаженно работают.

Сержант перебралась на сухие камни, волны сюда не докатывались. Запрокинула голову. Обрыв нависал устрашающей громадой. Ветерок донес запахи полыни и гари. Батарея умолкла, лишь с небесной высоты доносился отдаленный стук винтовочных выстрелов и длинные пулеметные очереди. Обрыв искажал звуки, но до перестрелки километров пять-шесть. Можно считать, на место прибыл агент отдела «К». Выносной пост где-то наверху, прямо над головой. Остается влезть и представиться.

Взбиралась Катя долго. Сначала ошиблась, выбрав тупиковую тропинку. Потом нужная, вроде бы натоптанная дорожка превратилась в такой головокружительный подъем, что пришлось вспоминать навыки скалолазания. Помогали безмолвные, но прочувствованные обращения к обормоту Шурику. Катя надеялась, что, несмотря на временную разницу между «кальками», старлей вдоволь наикается.

Отдаленная стрельба стала слышнее. В нос лезли резкие запахи дыма, выжженного зноем и исковерканного взрывами камня. Катя старалась хрипеть тише. Вниз она уже давно благоразумно не оглядывалась. До моря было о-го-го как далеко.

Голоса она, как ни странно, услышала первой.

– Я иду, значит, с батареи, чую, шарудят. Вот прямо туточки.

– Да кто здесь шуршать будет? Как тропинку подорвали, так и кошак здесь не взберется.

– Может, не кошак? Может, они разведку пустили? С тех шхун в самый раз. Давай гранату скатим?

– Товарищи, не нужно гранату, – вполголоса отозвалась замершая в расщелине Катя. – Я здесь одна и...

– Стой! Кто идет?! – рывкнули сверху. Лязгнули затворы.

– Стою, – пробормотала Катя. – Я вообще не шла, а лезла.

– На свет – живо!

– Так хоть руку дайте. Или приклад. Уступ высокий...

– Щас... прямо прикладом.

За шиворот все-таки ухватили, – комбинезон затрещал, и Катя оказалась наверху.

– Точно, баба, – сказал боец в матросских брюках и выгоревшей защитной гимнастерке. – Белявая. Точно, немцы подослали.

Катя, сидя на жестком камне и пытаясь перевести дух, отпихнула норовящий ткнуться ей в лоб автоматный ствол.

– Да иди ты... Бухтят тут во все горло, как на митинге. От воды слышно. Говоруны херовы.

– Ну-ка, – второй боец, тот, что в обтрепанной форменке, легко поставил высокую девушку на ноги, – кто такая?

– Рядовая Мезина. Посыльная из штаба ГКО⁴⁵. У вас здесь пост Манипуляторного отряда № 1? Приказ у меня, – Катя похлопала по нагрудному карману комбинезона.

– Так що, горком уже на подлудку перенесли? – насмешливо поинтересовался автоматчик. – То-то ты така мокренька.

– В воду сверзилась, – объяснила девушка. – Сказали – вдоль берега безопаснее, да где там. Ноги едва не переломала.

– Сейчас командиру басни рассказывать будешь, – пообещал моряк. – Шагай, пусть разбираются.

---

⁴⁵ ГКО – городской комитет обороны.

– Стой, Степан, – обеспокоился автоматчик. – А обыскивать? Що, если у нее шпалер припрятан?

– А в морду? – поинтересовалась Катя. – Тоже, какой обыскун шустрый. Нету у меня ничего, кроме приказа. – Для убедительности девушка потрясла обвисшими штанинами комбинезона.

– Лейтенант и обыщет, и проверит, если надо, и просушит, – заверил моряк, не спуская с девушки взгляда. Винтовку он держал так, что Катя определенно опасалась в случае резкого движения схлопотать по ребрам прикладом.

Пошли по тропинке вдоль обрыва. Катя на всякий случай обессиленно покачивалась. Машинально поглядывала на восток, – там все шире разгоралась перестрелка, взлетали и гасли ракеты и пунктиры трассеров. Севернее все плотнее грохотали орудия.

– Побежишь – шлепну, – негромко произнес моряк.

– Мне к вам приказано. Потом еще вернуться затемно нужно.

– Нужно – вернешься, – пообещал конвоир.

– А у вас там, в ГКО, светленьких богато? – поинтересовался, оборачиваясь, автоматчик. – Я бы на охрану мигом заступил.

Вот он пост. Два блиндажа, глубокий ход сообщения, все знакомо. Только сейчас в прикрытом маскосетью ровике стоит дальномер и стереотруба.

Оттуда высунулись наблюдатели.

– Степан, никак подкрепление прислали? Для поднятия боевого духа?

Моряк, не отвечая, прошел мимо, деликатно стукнул в щелястую дверь блиндажа.

– Товарищ лейтенант, тут такое дело...

В блиндаже было тихо, наконец высунулся молодой офицер в накинутах на плечи кителе с нашивками техника.

– Вот, товарищ лейтенант, девушку на обрыве отловили, – с непонятным смущением доложил боец. – Мокрая, и невнятно объясняет свое присутствие.

– Почему невнятно?! – возмутилась Катя. – У меня приказ для командира Манипуляторного поста. Вы командиром будете?

– Допустим, – хрипло сказал лейтенант и принялся медленно застегивать китель.

Отдавать честь было сложно – пилотку Катя благополучно утопила. Пришлось вытянуть руки по швам и отрапортовать:

– Посыльная по штабу ГКО рядовая Мезина. Вам приказ. – Не успевшая подсохнуть посыльная извлекла из кармана пачку слипшихся документов, не без труда выбрала свернутый вчетверо листок.

– Вы как шли, боец Мезина? – с удивлением спросил лейтенант.

– Так сказали, что низом безопаснее, – жалобно призналась Катя. – А как стрельба началась, так я в воду свалилась. От внезапности.

– А это что за тряпочка? – лейтенант двумя пальцами держал мокрый листок.

– Приказ, товарищ лейтенант. О срочном откомандировании в штаб.

– Кого? Меня? Зачем я в ГКО понадобился?

– Не могу знать. Там, вообще-то, вроде не вас вызывают, а бойца какого-то. Мне приказано проводить немедленно.

– Так ты, проводница, его утопишь, – насмешливо произнесли за ее спиной.

Немногочисленный личный состав поста потихоньку подтягивался к госте.

– Отставить болтовню, Михайлов, – приказал лейтенант и с сомнением оглядел бумагу. – Ну и что я тут разберу? Посылают черт знает кого.

– Никакая она не посыльная, лейтенант, – негромко сказал коренастый крепыш с немецким автоматом на груди. – Сам на нее глянь.

– Чего это я не посыльная? – оскорбилась Катя. – Вот документы. Вот пропуск в штаб. Меня сам товарищ Корисов Алексей Борисович знает.

– Так, пошли к свету, – с досадой проронил лейтенант. – Корец – со мной. Наблюдателям бдительность не терять. Остальным – отдыхать. С рассветом и у нас начнется.

Крепыш подтолкнул Катю в спину:

– Двигай, ундина морская. Сейчас разберемся, откуда приплыла.

В блиндаже было тесно и душно. Тускло коптила «летучая мышь». На койке сидела женщина с двумя кубиками⁴⁶ на петлицах, явно медицинской службы.

Игнорируя Катю и крепыша, медичка проникновенно взглянула на лейтенанта.

– Надолго это, Володя?

– Сейчас разберемся, – сдержанно ответил лейтенант и сел ближе к лампе. Пока он разбирал промытые документы, крепыш, занявший место у входа, насмешливо рассматривал «посыльную». Военфельдшер тоже смотрела. С неприязнью.

Катя начала нервничать. Все шло наперекосяк. Нельзя сказать, что документы сделаны безукоризненно, но должны были проскочить. В сухом виде по крайней мере. Сейчас кто его знает, – этот драный автоматчик какой-то чересчур бдительный. Лейтенанту явно свидание обломали. Взъестся сейчас. И вообще, унижительно стоять и горбиться, чтобы макушкой в потолок не упираться.

Самое поганое, что краснофлотца Чоботко на здешнем посту что-то не наблюдалось. Не мог же гений измениться до полной неузнаваемости? Возможно, дрыхнет где-нибудь. Люди измотаны, немец не ослабляет нажим с 7-го числа. Или часовым стоит наш Чоботко?

– Да, дела, – лейтенант силился прочесть бумаги. – Вот приказ. Только здесь шифровальщик нужен. Размыло все. «Срочно откомандировать красно-фло-флот-ца Новотовко...» Шоротовко? Ничего не разберу. Но у нас таких все равно нет.

Катя молчала. Пусть сами расшифруют. Естественнее получится.

– Вы прямо в штаб позвоните, – посоветовал крепыш. – Пусть прояснят. Девушка сомнительная. Для верности лучше выяснить.

Лейтенант кивнул и без особого воодушевления взялся за телефон.

Лампа дрогнула. В гул канонады вплелись резкие ноты.

– Вон как навалились, – пробормотал лейтенант. – Это уже в центре. Кажется, из шестиствольных лупит. Денек еще тот будет. – Он принялся крутить ручку телефона.

За связь Катя была спокойна. Коммутатор ГКО разнесло бомбой еще 27-го. Восстановить его еще не успели.

Линия шла через «БС-18/1». Пока лейтенант Володя соединялся, пока добивался дежурного по ГКО, пока выяснилось, что связи нет, Катя совсем измаялась. Торчать согнутой было утомительно. Крепыш с автоматом на коленях присел у входа. Медичка причесывалась, бросая на «посыльную» ледяные взгляды. Катю подмывало двинуть кривоногому охраннику каблуком в лоб, отобрать автомат и спросить, куда Чоботко дели? Вполне могло бы и получиться, но бить своих как-то не хотелось. Лейтенант наверняка дернется, придется ему руку сломать. Да и медицинского визга будет предостаточно...

– Нет связи с ГКО. – Лейтенант положил трубку. – Да ты сядь, пловчиха. Что будем делать – как там тебя, – Мезикина?

– Мезина, товарищ лейтенант. Давайте вашего краснофлотца, и я его отведу. Если я подзрительная, потому что мокрая, так дайте провожатого. Доведет до батареи, потом дальше переправят. Меня командир взвода со свету сживет. Сержант Жуков, он знаете какой строгий.

– Нет у меня лишних людей, чтобы девиц провожать, – буркнул лейтенант. – Да в этом чудном приказе и не разберешь ничего. Кто вам там понадобился?

---

⁴⁶ Военфельдшер.

- Так давайте разберем. У меня зрение хорошее...
- Постой, лейтенант, – вмешался крепыш. – Брешет она все. Явилась со специально разытыми документами. И без оружия.
- У меня «наган» был. Утопила вместе с противогоздом, – с досадой объяснила Катя.
- Понятное дело, – крепыш с готовностью ухмыльнулся. – А винтовку еще раньше потеряла?
- Винтовку в штабе оставила. Она тяжелая...
- Помолчите, Мезина, – сказал лейтенант. – Давай, Корец, – что еще усмотрел?
- Ботинки старого образца, но не шибко ношенные. Комбинезон – я такие только у танкистов видел, да и то еще до войны в Одессе.
- Комбинезон мне вместо гимнастерки выдали. Спалили ее, а моего размера у старшины не было.
- Размера не было, а комбинезон по фигуре подогнать умудрилась? – ласково проговорил крепыш. Потянулся, пощупал рукав: – Точно, товарищ лейтенант, – не наша ткань. У нас помягче. И пуговицы, гляньте, какие.
- Так, – лейтенант нехорошо глянул на посыльную. – Что еще, Корец?
- Да много чего еще. Низом она шла, а у батареи не задержали. Там же мины поставлены. Винтовка ей тяжела, а посмотрите, как двигается. Спортсменка, пусть я очки нацеплю, если не разрядница. И еще... Красивая больно. Вы бы такую кралю в связные определили?
- Так меня из расчета перевели, – возмутилась Катя. – Свели из двух в один расчет. Снарядов все равно в обрез. Мы прямо у ГКО стояли. Освободившихся номеров на охрану штаба поставили. Вот и бегаю.
- Из чего стреляла, спортсменка?
- «З1-К»⁴⁷. Автомат. Только я не стреляла. Ящики таскала. У нас расчет опытный был. Одна я из новобранцев. Мы с «Осетией» прибыли, всего месяц здесь. А сама из Москвы. В Краснодар к тетке эвакуировались. Там меня мобилизовали. Я добровольно. Комсомолка. Там все написано.
- Про тебя, значит? – Лейтенант ткнул пальцем в подсыхающую газетную вырезку. – «Приказ № 0058 от 26 марта «О призыве в войска ПВО девушек-комсомолок». Быстро ты на фронт попала.
- Я письменно требовала отправить, – мрачно пояснила Катя.
- Лейтенант переглянулся с врачом, пожал плечами:
- С «Осетии», выходит? Ну и кто тебя, такую неопытную, посыльной гоняет? У вас там, видно, совсем голову потеряли.
- Коренастый вдруг поднялся, шагнул к столу. Потрогал разбухший комсомольский билет:
- Комсомолка, значит? Доброволец? Зенитчица? Ну-ка, ладони покажи.
- Ты что, чекист, что ли? – с угрозой процедила Катя. – Вы, лейтенант, приказ выполняйте. Отправляйте-ка меня с краснофлотцем в штаб. Можете под конвоем вести и автоматами в спину тыкать, только до рассвета нам в городе нужно быть.
- Ты еще покомандуй, боец Мезина. Корец у нас хоть и не чекист, но в УГРО поработал, – спокойно пояснил лейтенант. – Ну-ка, руки предъяви.
- Мозолистые лапы Кореца ухватили девушку за запястья, потянули к свету. Катя яростно фыркнула, из последних сил сдерживаясь, чтобы не двинуть бойца коленом в пах.
- Ладони агента отдела «К» хотя порядком пострадали во время восхождения по обрыву, но, видимо, недостаточно заскорузли.
- Так, – с удовлетворением констатировал Корец. – Может, ты в штабе и бывала, но уж точно ящики к 37-миллиметровкам не таскала. Белоручка немецкая.

---

⁴⁷ 37-мм зенитный автомат.

– Ты мои пальцы потрогай, Шерлок Холмс хренов, – заворчала Катя.

– Физкультурница, я и говорю. Ой, не наша ты физкультурница, – ласково произнес Корец. Его мозолистые пальцы, как наручниками, сжали запястья «посыльной».

– К обрыву ее вывести! – Докторша двумя руками сжимала «ТТ», ствол пистолета прыгал, целя то в лампу на столе, то в правое ухо шпионке. – Выводи ее сразу!

– Спокойно, Мотя, – лейтенант поправил китель и принялся складывать документ. – Давайте без суеты. Задержана до выяснения. Корец, ты ей руки свяжи да пристрой где-нибудь. С КП придут, тогда и отправим. К обрыву поставить никогда не поздно. Мотя, ты ее пощупай, пожалуйста. Может, у нее финочка припрятана или еще что.

Руки Кати оказались стянутыми за спиной брезентовым ремнем. Корец крепко придерживал, темноволосая Мотя неумело ощупывала складки комбинезона, даже ворот проверила. Глянула с ненавистью:

– Ни черта у нее нету! Проститутка фашистская.

– Сама-то ты... не выдержала Катя, – эскулап коечный. В санбате заняться нечем?

Бац! – пощечина была хилая, но обидная.

– Хватит базара, Мотя, – сказал лейтенант. – Выводи задержанную, Корец. Да скажи бойцам, чтобы без безобразий. Может, она в штабе полезной окажется.

– Сейчас, – боец заскорузлым ногтем зацепил шнурок на шее фальшивой посыльной, снял медальон, едва не оторвав Кате ухо. Раскрутил восьмигранный пластиковый цилиндрик: – Бывает, яд прячут, а то и марафет.

Раскрутив вкладыш, мужчины склонились к лампе.

– Ага... Екатерина Григорьевна... номер почты... сообщить – Москва, Б... Бабаегородский, д. 5.

– Все гады продумали, – прошипела фельдшер Мотя. – К обрыву бы ее сразу. Еще и красивую подослали. Небось с люэсом.

– Сама ты дура трипперная! – в сердцах фыркнула Катя. – Вы, товарищ лейтенант, перед командованием ответите. По всей строгости. За такие ошибки знаете что бывает? Вы бы хоть до штаба дозвонились, что ли. И медальон мне верните, раз там яду с марафетом не отыскалось.

– Дозвонюсь. И отвечу. – Лейтенант похлопал по трубке обшарпанного телефонного аппарата. – А пугать меня не надо. Мы здесь пуганые.

– Разные, конечно, накладки бывают, – пробормотал Корец, напавшая шнурок с медальоном на шею задержанной. – Ничего, посидишь, комсомолка, не развалишься.

– Сидеть – не бегать, – уже спокойно сказала Катя. – Но вы хоть того бойца в штаб откомандируйте. Еще и ему отвечать придется.

– Кого откомандировывать? – Лейтенант хлопнул ладонью по бумагам. – Это же портянка жеваная, а не приказ. Ни строчки не разберешь. Нет у нас никаких Новотко-Шоротко. Некого откомандировывать.

– Так вы разберитесь, – взмолилась Катя. – У него в фамилии первая «чэ». Я слышала. Ведь за делом, наверное, человека вызывают.

– Чоротко у нас тоже нет, – лейтенант, теряя терпение, вглядывался в серый текст. – Слышишь, госпожа-товарищ Мезина? Не пойму, какой смысл нас душить, фальшивого бойца искать?

– Так может, Чекотко? Или Чеботков?

– Может, Чоботко? – неуверенно произнес Корец.

– Это еще кто такой? – с недоумением спросил лейтенант.

– Так третьего дня нам из отряда прислали вычислителем. Вместо Борьки. Точно – Чоботко. Ленчиком звали. Он у нас полдня просидел, потом они со Степаном за ужином пошли, и парнишку осколком срезало.

Катя онемела.

– Ага, вспомнил, – наморщил лоб лейтенант. – Значит, немцы поэтому за него и зацепились? Наверное, документы к гансам попали. Откомандировать, значит, того, кого нет? Не очень-то изощренно, а? Все, – сунь ее пока отдыхать в «лисю нору». Пусть в штабе разбираются.

* * *

Катя лежала на тощей подстилке сена. Ниша-нора была узкой, за шиворот все время сыпалась пыль. Снаряды рвались вроде бы неблизко, но камень и земля передавали сотрясение. Сейчас по центру советской обороны сосредоточенно били восемь дивизионов реактивных минометов – около 150 установок. Это не считая ствольной артиллерии. Такой артподготовки ПОР еще не знал.

Плохо. От снаряда никаким Прыжком не увернешься. Да и вернуться без ноги или руки, а то и с разодранным животом – радость сомнительная.

Нет, не плохо! Это совсем плохо. Обделались всем отделом. Вот так операция! Тело отыскать и эвакуировать, что ли? Так его ведь и не найдешь теперь. Да и Прыгать с мертвецом – ошалеешь. Послежизненная активность – вещь загадочная. Неугасшее сознание такие наводки даст, что...

Козлы! Вот сука этот Корец, на совесть связал. Ментяра чертов!

Катя попеременно шевелила то кистями, то ступнями, стараясь не дать затечь рукам и ногам. Экая глупость. Полностью провалились. Похоже, первый раз отдел так лоханулся. И ты, товарищ сержант, виновата. Ну, не только ты. Не оправдалось упование на обычную фронтовую неразбериху. Вот попадешь на такого Кореца – и амба. Никакая импровизация не поможет. Воин, конечно, молодец, только уж очень не вовремя.

С другой стороны, какой смысл здесь разлеживаться? Заданию все равно конец. Можно уходить прямо сейчас. Конечно, возвращаться стреноженной по ногам и рукам стыдновато. Всласть посмеются коллеги. Но задание-то провалено стопроцентно. Как же это получилось?

Возможна путаница? Вдруг краснофлотец Чоботко проявил малодушие и осознанно перебежал к немцам? А свои документы честно погибшему краснофлотцу подсунул? Здесь, конечно, еще не передовая, но всякое могло получиться. Лейтенант Володя и бдительный Корец такой некрасивый поступок могли все-таки проморгать. Они незаменимого гениального Ленчика и помнят-то слабо. Привыкнуть не успели – убит парень. Бывает. Или наоборот? Неужели кто-то к немцам по документам Чоботко попал? Нет, фотографии экспертизы прошли. Ушастый студентик и господин в дорогом пальто на фото, снятых в 60-х, один и тот же череп на шее таскали. Вряд ли экспертиза ошиблась. А где ошиблись? Мог позже в плен попасть? Или три дня назад не убили, только ранили? Контузия?

Канонада на северной окраине и в центре обороны слилась в сплошной гнетущий гул. Немцы уже форсировали Северную бухту, зацепились в районе Воловьев балки. Упорно атакуют в IV и III секторах. Скоро здесь начнется.

Сквозь дыры в брезенте, завешивающем лаз в нору, заметно светлело небо.

Как же его найти? На эксгумации настаивать глупо, сразу к обрыву поставят. Да и кто знает, где его прикопали. Не до почестей сейчас. Куда они донесение о потерях должны отправить? В Манипуляторный отряд? В штаб сектора? Можно попробовать узнать...

Поздно. Катя хоть и ждала, но сунулась щекой в камень, – серия 105-миллиметровых легла метрах в пятистах. Немцы начали артподготовку по I и II секторам.

Пора драпать. Пусть счастье улыбнется бойцам морской пехоты и Приморской армии, но сержант Мезина постарается умереть попозже и в другом месте.

– Подъем! – Лапа Кореца ухватила «посыльную» за ремень, стягивающий щиколотки, и выволокла из каменной норы. – Заспалась? Вставай, в штаб отправим. Давай копыта развяжу...

Катя не без труда выпрямилась. Снаряды рвались где-то в стороне балки Бермана, но все равно здорово хотелось пригнуться.

Из блиндажа вышел лейтенант, за ним выбралась докторша. Лейтенант ей что-то тихо сказал, поправил каску на молодой женщине. Военфельдшер Мотя умоляюще смотрела ему в глаза.

– Так, Окунев, проводишь товарища военфельдшера и задержанную до монастыря. С задержанной поосторожнее. Сдашь ее коменданту госпиталя, вот сопроводительная записка и ее документы. Пусть в город отправят. Сам останешься, проверишь, чтобы наших эвакуировали нормально. Задача ясна?

– Так точно, – солдатик молодцевато подправил на плече винтовку.

Катя дернула носом. Конвойного ей выделили неубедительного: и по возрасту сопляк, и ростом не задался, приклад ему под коленку тычется. На тощей шее грязная повязка, похоже, чирьи. Всего и гордости – тельняшка в расстегнутом вороте.

– Давайте, пока всерьез не началось, – напутствовал лейтенант.

– Володь—...всхлипнула врачиха.

– Свяжусь, – буркнул лейтенант. Ему было явно неудобно.

– Давай, доброволка, – Корец подпихнул пленницу. – Может, выпутаешься. Счастливо.

– Мерси за пожелание, – сказала Катя. – Может, руки мне спереди свяжешь? А то я нос разобью.

– Ничего. Ты вон какая зеленоглазая. И без носа кого хочешь охмуришь.

– Ну, ладно. Будь жив.

* * *

Фельдшер Мотя все оглядывалась. Рядовой Окунев и Катя делали вид, что не слышат сдержанных всхлипываний. Катя смотрела на бесконечное море и в очередной раз удивлялась странности мироздания: вот лейтенантик, парень спокойный и симпатичный, но ничего такого особенного. А эта Мотя – дамочка довольно видная. Лицо правильное, жгучая брюнетка. Юбка новая, сапоги яловые, даже губы подмазаны. К тому же военфельдшер – это вам не ерунда какая-нибудь, по «кубикам» натуральный лейтенант. Ей бы с полковниками дружбу водить. А тут по лейтенантику Володе страдает. А ведь даже на беглый взгляд видно, что постарше лет на пять.

– Низом пойдем, – буркнула Мотя и звучно высморкалась. – Там, если накрывать начнут, залечь можно. Окунев, ты за сучкой в оба глаза приглядывай.

– Пригляжу, – посулил боец. И взял винтовку на руку.

– Что на меня смотреть? – буркнула Катя. – Пошли быстрее. Там, на высотах, круто заворачивается.

Боец и докторша одновременно глянули на север, – со стороны Золотой балки и Федюхиных высот доносился грохот яростного боя. С приморской, относительно тихой полоской не сравнить.

– Радуетесь, бляхудра белобрысая?! – Мотя вдруг заскребла ногтями по кобуре, с неожиданной силой пихнула «диверсантку» к обрыву. – Никогда вам здесь не пройти, шакалы фашистские!

Катя с изумлением увидела знакомый ствол «ТТ». Он снова прыгал, но теперь в опасной близости от ее груди.

– Товарищ младший лейтенант! – обеспокоенно проговорил Окунев. – Пусть в штабе разберутся.

– Сами мы разберемся! – Губы докторши некрасиво поджались. – Может, я последний день живу! Может, меня разорвет сегодня! Что, я должна одним воздухом с этой шлюхой продажной дышать?!

– Давай стреляй, – пробормотала Катя. – В последний день как своих не пострелять? Может, фрицы испугаются.

Мотя закусила губу, ее большой палец с явным усилием взвел курок пистолета.

Мысль Прыгнуть в последний момент почему-то не возникла. Катя лишь представила, как тело само делает шаг вперед, пытаясь уравновесить толчок в грудь маленького 7,62-миллиметрового кусочка металла. Потом тело полетит вниз, слабо перебирая ногами. Долго будет лететь.

– Товарищ военфельдшер, что я лейтенанту доложу? – пискнул Окунев.

Мотя резко опустила пистолет.

– Так веди эту сволочь, что встал столбом?!

Боец пихнул Катю прикладом.

– Вперед, предательница!

Катя успела глянуть на море, – первые лучи солнца уже показались из дымки горизонта. Она сплюнула в это безразличное сияние, за что схлопотала еще один тычок прикладом.

– Поосторожнее, личное оружие разобьешь, фурункул боевитый.

– Вот стервоза, а? – изумился Окунев. – Еще подначивает.

– Веди, или я ее точно пристрелю, – Мотя неумело, но длинно выматерилась.

Спустились с отрога. Катя цеплялась штанинами комбинезона за колючие кусты. Идти со связанными руками было неудобно. Пора кончать с этим цирком. Комбинезон на спине промок от пота, – на обрыве на миг стало по-настоящему жутко. Всегда подозревала: эти врачи хуже любого СМЕРШа.

В небе снова загудело, – к городу шли бомбардировщики.

Тропинка с вершины вывела к узкой балке, склон которой зарос густыми кустами, щедро прореженными старыми и свежими воронками. За гребнем легла серия гаубичных снарядов. Конвоиры и подконвойная присели.

– Прямо по дороге бьют, – обеспокоенно пробормотал Окунев. – Как бы не накрыло.

– Иди-иди! – прикрикнула строгая Мотя. – Поднимаемся к дороге.

– Тут три тропинки, куда поднимаемся? – поинтересовалась Катя.

– Между воронками.

– Тут везде воронки.

– Фашистка тупая! – Окунев шагнул вперед.

В небе угрожающе засвистело. Все пригнулись, Катя зацепила носком ботинка ступню Окунева, боец растопырил руки и плюхнулся на каменистую тропинку. Катя наступила на винтовку, одновременно без снисхождения заехала конвоюру ногой по почкам. Бедняга замер, парализованный болью. Катя развернулась, увидела потрясенное лицо Моти. Рука военфельдшерицы лишь тянулась к кобуре. За склоном грохнул разрыв. Мотя пригнулась, развернулась и кинулась бежать. Довольно резво. Катя настигла ее только у кустов, ударила по ногам. Полетев на землю, Мотя наконец оторвала руку от кобуры, распростерлась, прикрывая ладонями голову в каске.

– Лежать, тварь! – рявкнула Катя, плюхнулась рядом, порядком отбив копчик, и занялась мазохистской процедурой освобождения рук. Фокус знакомый, опробованный и в экстремальных условиях, но от этого не менее мучительный. Катя уже продевала стянутые руки под коленями, когда военфельдшерица приподняла голову.

– Лежать, пристрелю!

Мотя, не оглядываясь, поползла прочь, ощупью ловя съехавшую на поясницу кобуру.

Поздновато. Брезентовый ремень – все-таки не наручники. Катя с почти свободными руками прыгнула за медичкой. В небе угрожающе засвистело, Катя упала, дернула за сапог как раз надумавшую вскочить Мотю. 105-миллиметровый снаряд разорвался на гребне высоты. Земля дрогнула, ударила в нос. На кусты и лежащих женщин посыпались мелкие камни и обломанные ветки.

Катя, ругаясь и не слыша сама себя, вывернула руку врачихи, выдернула из кобуры пистолет.

– Да лежи ты спокойно, венерологичка фигова!

Катя, сунув «ТТ» за пояс, переждала очередной свист – рвануло у невидимой дороги, – и встала на колени. Опасаться пули в голову не приходилось: Окунев слабо ворочался на земле, остался там, где его сбила взбунтовавшаяся подконвойная.

– Эй, фельдшерица, вставай. Кажется, нашего охранника зацепило, – Катя для убедительности постучала стволом пистолета по бедру врачихи. Мотя одернула юбку и поднялась на четвереньки.

– Задницу выше! Окажешь первую помощь.

– Здесь стреляй, сволочь, – Мотя придушенно всхлипнула.

– Да успею я тебя расстрелять. Бойцу помощи.

Женщины выпутались из колючих ветвей, пригибаясь под приближающимся свистом, побежали к лежащему солдату. Снова грохнуло у дороги.

Окуневу осколком разворотило ключицу. Боец лежал бессильно, на тощих мальчишечьих щеках блестели влажные дорожки. Глянул – глаза бесцветные, прозрачные.

– Меня убило.

– Нет еще! – рявкнула Катя. – Рукой только не маши, повредило ее. Сейчас тебя доктор перевяжет.

– У меня пакета нет, – тупо пробормотала Мотя и принялась поправлять каску.

– Кобыла ты гулящая, а не военфельдшер! – Катя старалась не смотреть на широкую рану, на синевато-белый торчащий осколок кости. – Белье хоть чистое? Рви давай.

– У меня пакет есть, – выдохнул мальчишка. – В кармане...

Катя нашарила пакет первой помощи.

– Работай!

Надо отдать должное, бинтовала Мотя уверенно. Боец от первых же прикосновений отключился, белоснежный бинт на глазах пропитывался красным. Младший лейтенант умело пристроила руку раненого, даже закрепила ремнем.

– Умеешь, – одобрила Катя, подбирая подсумки бойца.

– Только в затылок не стреляй, – прошептала военврач, склоняясь к раненому.

– О макияже заботишься? Ты это брось, – Катя вынула из-за пояса пистолет. – Держи свой шпалер. Только убедительно прошу, в меня больше не целься. У меня нервы не железные.

Мотя изумленно моргнула, явно ожидая подвоха, потянулась к пистолету.

– Да проверь ты обойму. Не до розыгрышей сейчас. Короче, я вам не какая-то пошлая лазутчица. К немцам никакого отношения не имею. – Катя подобрала винтовку и с некоторым опозданием пригнулась, у дороги вновь рвануло. – В общем, так, сейчас берем Окуня, волочим вот туда – к тому кустарнику. Там гребень высоты прикрывает, и вообще поуютнее. Потом ты мальчика в санбат доставляешь, а я по своим делам отправляюсь. Мне очень некогда. Задача ясна?

Раненого оказалось сподручнее волочить одной Кате. Взяла, как ребенка, весу в бедняге Окуневе было – одни ботинки да чирьи. Мальчишка застонал и снова потерял сознание. Кате мешала винтовка, но отдавать оружие товарищу военфельдшеру было опрометчиво. У Моти тараканов в голове предостаточно, даром что «ТТ» кое-как в кобуру запихала.

До непролазных кустов у ската высоты добрались быстро. Катя положила раненого у скалы.

– Ну вот, товарищ Мотя, перекури и дальше сама волочи. Ты дама крепкая, а до монастыря здесь недалеко, – Катя прислушалась к пулеметной стрельбе в Золотой балке. – Уже продвинулись, сволочи. Да, документы не забыть бы. – Девушка полезла в карман бойца. Окунев постанывал, но глаз не открывал.

– Мародерство есть, так? – громким шепотом спросили из кустов.

Катя вскинула взгляд. Из чащи выглядывала отвратная рожа в чужой каске, утыканной веточками. Рядом торчала вторая, не менее противная физиономия, – этот держал женщин на прицеле автомата.

– Немцы! – охнула Мотя.

– Да уж не румыны, – прошептала Катя и искательно улыбнулась.

Немец тоже улыбнулся.

– Ком, фройляйн, ком, девушек, сюда ползать, – поманил пальцем.

– Слушаюсь, камрад, герр офицер, – Катя подняла руки. – Мы сдаемся. Сталин – капут. Хай живе господарь Гитлер. Нихт шиссен.

– Ком, ком, – манил фриц. Второй тоже ухмыльнулся. Катя заметила, что он, не опуская автомата, локтем нащупывает рукоять ножа на поясе.

– Герр офицер, не убивайте. Мы нихт коммунисты.

Немцы перекинулись короткими фразами. Автоматчик брезгливо улыбался.

Катя в очередной раз раскаялась, что не удосужилась подучить немецкий. Английский – второй родной, испанский – вполне прилично, а из этого гавканья – десяток слов. Впрочем, и так понятно. Даже трахать не будут. Недосуг гадам.

Немец продолжал приветливо улыбаться и манить грязным пальчиком. Совсем за идиоток держит.

– Да-да, герр офицер, мы очень согласные. Мы откормленные, – вдохновилась Катя и без особой стыдливости провела по комбинезону под грудью. – Моя камрад еще лучше. – Катя потянулась к врачихе, поддержала юбку с круглых коленок.

Мотя отпихнула наглую руку, с ужасом глядя в ствол автомата.

– Я – никогда, я – член партии, пусть сразу стреляют...

– Молчи. Нашла время откровенничать, – Катя обернулась к немцам, искательно улыбаясь и удерживая врачиху за талию, попыталась расстегнуть ей гимнастерку. – Она очень сладкая. Герр офицер не пожалеет. Истинный фантастиш.

Немцы снова брезгливо переглянулись.

Катя чувствовала, как бешено колотится сердце у Моти. Да не дергайся ты, пламенная партия.

– Я с ними не буду... никогда не буду.

Кобуру на спине военфельдшерицы, наконец, удалось расстегнуть, Катя нащупала рукоятку «ТТ».

– Битте, герр офицер, – Катя отшатнулась-откатилась, одновременно с силой отпихнув врачиху в другую сторону.

Затвор передернуть... патрон в ствол...

Автоматная очередь хлестнула над головой.

С левой руки Катя стреляла неважно, – автоматчика зацепила в горло. Вторая пуля ушла в «молоко». Третья в плечо «переводчика», – выронил карабин, отшатнулся в глубь зарослей.

Четвертый патрон в «ТТ» перекосило.

Бросив пистолет, Катя зацепила за ремень винтовку и влетела в кусты. Что-то заорал немец. Дебри были такой густоты, что девушка катилась по ним, как по клубкам колючей проволоки. Хлопнул выстрел. Катя, передергивая затвор «мосинки», свалилась на ползущего

немца, успела заметить третьего, – сидел у рации, в аккуратно вырубленном среди шиповника «гнезде». Вел стволом «парабеллума»... Катя соскользнула за подраненного немца, как за бруствер, заставила заорать от боли, вскинуться. Два резких хлопка, – фриц-герой невольно принял в себя девятимиллиметровые пули. Дрогнув, обмяк. Катя одной рукой вскинула поверх ремней и сухарной сумки громоздкую «мосинку». День был невезучий, – пуля вышибла крошку в сантиметре над каской радиста. Мать его! И это с трех метров?! Прыгнула, – «парабеллум» плюнул навстречу. Катя едва успела почувствовать толчок и жгучую боль. Ударила по руке прикладом, выбивая пистолет. Упрямый фриц уцепился за винтовку. Да держи, – «мосинку» девушка уступила, ударила врага в лицо. Два раза. Хватило.

Развлечениями, вроде бокса, Екатерина Григорьевна Мезина никогда не увлекалась. Было время другие удары подучить. Полезные. Должно быть у современной девушки хобби?

Немец с уже неживым удивлением смотрел в голубое крымское небо. Нос у него стал поросычьим, кровь из сплюснутых ноздрей текла густыми сгустками. В наушниках что-то шуршало, волновалось. Подбирая «парабеллум», Катя хотела сплюнуть, но тут сзади ударила длинная автоматная очередь. Девушка распласталась на земле.

Тьфу, это товарищ военфельдшер душу отводит. Катя, кряхтя, поднялась, – правый бок жгло, исцарапанная грудь пылала, – как всегда, боль наваливалась с некоторой отсрочкой.

Выбираться из зарослей сержанту отдела «К» пришлось на четвереньках, – фрицы здесь натуральный крысиный ход проделали. С шага узкий лаз не заметишь. Должно быть, не первый день сидят корректировщики, если судить по упаковкам от сухая. В расщелину подняться – вся дорога как на ладони и часть балки Бермана прекрасно просматривается.

Мотя упорно и бессмысленно дергала затвор автомата:

– Заело.

– Магазин пустой. – Катя мельком глянула на немца. От головы унтера уцелела одна откатившаяся каска. Два десятка пуль и не такой фарш сотворят. – Товарищ военфельдшер, оставь ты трофейное оружие. Лучше глянь, как там меня зацепило?

Бормоча ругательства, Катя стянула с плеч комбинезон, задрала майку.

– Это щепка, – профессиональным голосом вынесла диагноз Мотя. Ухватила крепкими ногтями. Катя с опозданием взвыла. Перед ее носом помахали длинной окровавленной щепкой.

– Ага, все-таки мы товарищу Окуневу личное оружие испортили, – признала, отдуваясь, Катя.

– Надо бы антисептиком обработать, – пробормотала докторша, пляясь на татуировку на плече «посыльной». – Нагноение начнется. И с грудью у тебя что?

С грудью было так себе: майка в драную розовую крапинку, как будто зарядом мелкой дроби угостили. Проклятые кусты, должно быть, какой-то татарский националист специально вырастил.

– Нагноиться не успеет, – буркнула Катя, натягивая майку и комбинезон. – Не стой статуй, товарищ Мотя. Пистоль подбери, перезаряди, да валим отсюда поскорее.

– Ты из тюрьмы, да?

– Наоборот. Из органов. Только это секрет. Хватит языками чесать. Тебе еще Окуня волочить.

– Товарищи, я никого не выдам, – неожиданно прохрипел раненый, не открывая глаз. – Только можно мне укольчик какой-нибудь? Больно до невозможности. И хоть гранату дайте. Я в плен не хочу.

– Лежи спокойно, отдыхай, – Катя вновь полезла в кусты. Запасные обоймы к «парабеллуму», три гранаты, нож с пояса немца. Рацию разбить, затворы – вон. Окуневская винтовка пусть валяется, вон как ей вдрызг приклад расщепило.

Матеря вражеские кусты, сержант отдела «К» выбралась на свободу. Безрукая Мотя все еще возилась с пистолетом. Пришлось отобрать «ТТ», выбить перекошенную гильзу:

– Чистить оружие нужно, товарищ военфельдшер. Хоть изредка. И желательно в боевой обстановке патрон в стволе иметь.

– Не положено, – огрызнулась упрямая врачиха. – И вообще я пистолета боюсь.

– Так выбрось его. И сразу лапы вверх задирай. А то фрицы подстрелят ненароком.

– Я не смерти боюсь! У меня, если хочешь знать, цианид уже давно зашит, – растрепанная молодая женщина тряхнула ворот гимнастерки. – Я в партии с 40-го года. А ты мне перед фашистами юбку заворачивала.

– Ну ты, Мотя, даешь. Яд приготовила, а ляжку боишься оголить. От ляжек твоих прямая польза, – Катя кивнула на унтера с разнесенным черепом. – До победы уже поменьше гадов положить придется. Чего стесняться-то?

– Меня стошнит сейчас, – неуверенно заявила врачиха.

– Так отвернись, – Катя вспомнила о главном, принялась снимать с запястья мертвеца часы. Заодно забрала с ремня унтер-офицера подсумки к автомату, – эти были порядком забрызганы. Перестаралась товарищ младший лейтенант с изничтожением оккупанта.

– Ты это зачем? Часы? – сдавленно спросила врачиха. – Мародерство ведь.

– Часы – прибор необходимый в военном деле. Ты не стой. Вперед давай. Пока обстрел прекратился. Держи, пригодятся. – Катя кинула растерянной Моте два серых немецких пакета первой помощи.

На черном циферблате «Zenitha» – 5.03. Еще держится 386-я стрелковая в центре, и обе бригады морской пехоты на флангах стрелков намертво вцепились в высоты. Еще почти час в резерве.

Две гранаты за пояс, одну подбитой рыбе.

– Держись, товарищ Окунь. Будь жив.

На ходу подгоняя автоматный ремень, Катя зарысила по тропинке. Для начала заскочить на батарею, – там нашего незаменимого Чоботко могут припомнить...

– Стой! – завопила спохватившаяся врачиха. – Помоги бойца донести.

– Я на задании. Извини.

– Ты обязана! Мне одной не дотащить. Я приказываю как старшая по званию!

– Иди ты в задницу, – Катя на миг обернулась. – Я потом сама на гауптвахту явлюсь. После войны. Честное слово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.